

Литературный 5

перекрёсток

*Татьяна
Шипошина*

3

*Лидия
Панина*

46

*Виктор
Соколов*

54

*Геннадий
Панфилов*

108

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЁСТОК

5

2009

Московский союз
литераторов

Руководитель проекта
Джангули ГВИЛАВА

Главный редактор
Виктор ЧЕРНЯК

Редакционная коллегия
Михаил СТАРОДУБ
Вячеслав ЛИМОНОВ
Александр ФИЛОНОВ
Александр ЩЕДРОВ

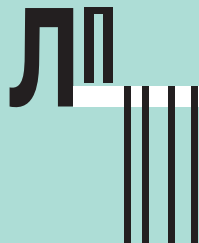
Автор дизайн-проекта
Александр АСТРИН

Компьютерная верстка
Виктория МИТЯНИНА

Для писем: Москва, 125009,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов
т. 8 (495) 692-06-03

Электронная почта:
litcross@aport.ru

Рукописи, присланные
в редакцию, не рецензируются
и авторам не возвращаются.

АЛЪМАНАХ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШИПОШИНА.	3
Жанна ГРЕЧУХА	8
Борис ШТЕЙН	12
Виктор ЧАРИН	20
Александр ЛОКТЕВ	27
Лариса АДЛИНА	35

ПРОЗА

Елена КСЕНОФОНТОВА. Павлик. Новенькая. <i>Рассказы</i>	42
Лидия ПАНИНА. Мама (<i>продолжение повести «Польный хмель»</i>)	46
Виктор СОКОЛОВ. Внучка вождя (<i>Из воспоминаний</i>)	54
Виктор КРОТОВ. Дальний родственник. <i>Рассказ</i>	64
Виктор ЧЕРНЯК. Бегунок. <i>Рассказ</i>	67
Эрик ДИВИЛЬКОВСКИЙ. Ноша. <i>Рассказ</i>	78
Виктор МОЛЧАНОВ. Сон. <i>Рассказ</i>	89
Геннадий ПАНФИЛОВ. Муркино место. <i>Рассказ</i>	108
Игорь КЕЦЕЛЬМАН. МИНИАТЮРЫ	111
Татьяна ВЛАДИМИРОВА. «ZUMA». <i>Рассказ</i>	115
Григорий РАХУТИН. От Онегина до... <i>Рассказ</i>	124
Гиви ГВИЛАВА. Заговор, арест Берия	128

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА

Ирвин ШОУ. Перестань давить на меня, Рокки. <i>Рассказ</i> . Перевод с английского <i>Глеба Косова</i>	139
---	-----

ИРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Мария РОМАНУШКО. Родился — так уж будь человеком.	148
Кира КРАСНОВА. Дела житейские	155

УДК 821.161.1=8
ББК 84(1Рос=Рус)6
Л 64

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

© «Литературный перекресток», 2009

Татьяна ШИПОШИНА

Прощание с морем

До горизонта ровного, как время,
До волн, прозрачных, как агатовая брошь, —
Рукой достанешь...
А потом вдохнёшь —
До боли в рёбрах —
До почти...
Паренье...
Ах, как бы мне дыханье удержать?
И как бы дальше жить, не выдыхая,
Не двигаясь, не рвясь, не достигая,
Не изменяясь.
Не размениваясь вдрызг...
Ещё минута...
И уже другая,
И вкус солёных брызг...
Поехали...
Однако, задышали.
И надо жить,
И надо уезжать,
И ветер невозможно удержать...
И что-то там сегодня мы решали
На узеньком диване...
На двоих...
*
Как дивен Бог в творениях своих.

Ода Приходящему

Неделю болеешь — в постели лежится,
А месяц болеешь — ночами не спится.
А далее — мир начинает делиться
На мир приходящих
 и не приходящих в больницу.
И мир приходящих —
 (то слезы в ресницах,
то жалость в ресницах)
 приходит
 приносит
 целует
 садится,
Так чуток и добр,
 так жестоко навязчив,
Как некурящий
 среди курящих.

Я знаю, что ты, посетитель мой милый,
Сегодня притопал сюда через силу,
И сам я не очень
С тобою дружу,
В глазах твоих — скука,
Тебя я держу.
Спасибо,
 да-да,
 ничего,
 понемногу,
Не надо,
 счастливо.
 Ушел, слава Богу.

А дальше — все реже,
О, сито! Все реже,
Когда посетитель
У двери забрезжит.

Слова

(триптих)

1.

Я здесь чужой,
и мне не дали слова.
Я здесь чужой.
Мне предпочли другого.
Слова, взлететь готовые уже —
Вернулись, молчаливые, к душе.

Вернулись — без триумфа, без провала.
Возможно, силы им недоставало,

Возможно, крик был нужен, а не стих...
Иль Воли Божьей
не было
на них.

2.

Слова — потоки дождевые —
Скользя, стекали на карниз,
С карниза протекали вниз,
Под ветром гнулись, как живые,

По стёклам шли наискосок,
И проливались на песок.
И впитывались.
Но не сразу.
Не все подряд,
Не по заказу,
А всё мерцали по слогам...
Пытаясь прикоснуться к вам.

3.

И вот поймёшь, в один прекрасный день,
Что нового под солнцем не бывает.
Всё тот же блеск, всё те же свет и тень!
Что мучиться, других перебивая,

И складывать слова?

Зачем?

Зачем?

Зачем желанье возникает снова...

И, прорезая тишину ночей,
К бездонным небесам несётся слово,

Обозначая ускользнувший миг.

О, дар словесный, как же ты велик!

Ярким полуднем блестящим
Мы условились о встрече.
Но не день был в доме вашем —
Там, с утра уже, был вечер.

В вашем доме — вы пытались
Дать мне лишнее название,
Лишний вечер пришептали
К моему существованью.

В вашем доме — неким телом,
Неким духом инородным —
Быть я вовсе не хотела —
Я всегда
была свободна.

И ушла я в день, обратно...
Так ушла — не оглянувшись.
Дверь за мною — аккуратно,
Чётко, в два щелчка,
замкнулась.

Жанна ГРЕЧУХА

Ушла принцесса в комедианты

*Посвящается
Наташе Побединой*

Ушла принцесса в комедианты,
Взяла с собою одну Служанку,
Златую флейту и обезьянку,
Портрет прабабки, свои пуанты...

Не попрощалась ни с кем из фрейлин,
Не попросила у них прощенья,
Ушла Принцесса в комедианты,
Пажи застыли... от возмущенья.

«Но там ведь холод, там дождь и буря,
Там злые люди, там нет покоя...»
Ушла Принцесса в комедианты,
Астролог хмурый сбежал от горя.

Сбылись случайно все предсказанья,
Зовет отныне ее Дорога.
Ушла Принцесса в комедианты,
Но плащ ей сшили с Единорогом!

Чтоб защищали ее отныне
Переплетенья и лент, и лилий.
Ушла Принцесса в комедианты,
И в замке вскоре её забыли.

О, где теперь ты, моя Принцесса?
Верна ль, как прежде, тебе Служанка
И плащ дорожный, с Единорогом,
Златая флейта и....обезьянка...

Ушла Принцесса в комедианты,
В каком же царстве сие случилось?...
...Поёт негромко в своей мансарде
И шьёт Принцессе наряд для бала

Одна Актриса и Фантазёрка,
Сама Принцесса по зову крови,
И обещает, что будет Рыцарь
Ждать сумасбродку на повороте,

Что приготовил он ей карету,
И даже шубку для обезьянки...
И если хочет «в комедианты»,
То он согласен — «служить Поэтом».

Ведь он обучен игре на скрипке,
Владеет шпагой и пистолетом.
Ушла Принцесса в комедианты,
И не жалеет ничуть об этом!

Ушла Принцесса в комедианты,
Взяла с собою одну Служанку,
Златую флейту и обезьянку,
Портрет прабабки, свои пуанты.

Стихи из записных книжек

Мы расстались.
Четыре крыла белоснежных
Лежат у дороги.

«До завтра»,— сказала Солнце,
Присев на соседнюю крышу.

Но в памяти останется объятие,
Которое себе не разрешила.

Ночь Ивана Купала

Что мне ваши укоризны,
И советы, и упрёки?
Я себя, смеясь, сжигаю
На костре
В ночь Ивана Купалы.

Я не смею ему перечить,
И мне не в чем ему отказать.
Он придумал нам эту встречу
И не станет костёр заливать.
Просто даст свою тонкую руку,
Свою сильную, властную руку,
Улыбнётся и прыгнем мы вместе.
Ах, не зря я любила Костры!

Воспоминание о Полтаве

Там падает снег и красуется иней,
И строго на полках теснятся тома,
И сказкой забытой про Березиню
Меня веселит и тревожит Зима.

Зелёная лампа горит осторожно,
И бьют торопливо в гостиной часы,
А мне хорошо и легко, и тревожно
У зеркала бант примерять для косы.

Из сундука вынимать сарафаны,
И представляться, и представлять,
Что где-то далёкие жаркие страны,
А жизнь — это пьесы на сцене играть.

На улице снег и пушистый, и чистый.
О, пусть навсегда замечает следы!
А на рояле «Рапсодии» Листа.
И я здесь, в гостях.
До утра. До среды.

Ни странствий,
Ни прежних любовей
Не вспоминаю
 давно.
Свобода — весёлая Птица
Ко мне заглянула
В окно.

Взгляд

В. и Ю.

То была невесомость,
Невесомость вдвоем.
Наши души горели
Чистым белым огнем,
И звенели свирели,
И каштаны цвели,
Где-то там в отдаленье
На орбите Земли.

То была невесомость...

Борис ШТЕЙН

От редакции

Борис Глебович ШТЕЙН (1918–2007) был членом Московского союза литераторов последние семь лет своей жизни. Его творческая деятельность началась в 40-ые годы, когда он стал писать небольшие рассказы. В 1945 году он вступил в Группом детских и юношеских писателей, работал после окончания Литературного института редактором в отделе прозы журнала «Новый мир». Его биография — это биография одного из представителей того поколения, творческий потенциал которого не был полностью реализован из-за предложенных жизнью обстоятельств. В 1951 году он, как и многие, был арестован и осужден по 58-ой статье на пять лет. В 1953 году, после смерти Сталина, освобожден по амнистии, касавшейся осужденных на этот срок, а в 1956 году был полностью реабилитирован и смог вернуться к литературной деятельности. Еще до ареста он написал роман о современниках, рекомендованный во время Всесоюзного совещания молодых писателей, участником которого он был, к опубликованию в журнале «Новый мир». Вспоминая позднее об этом романе, Борис Штейн рассказывал, что он «не перестает изумляться своему тогдашнему идеалистическому восприятию жизни, пронизывавшему роман» (это произведение не увидело свет, рукописи автора исчезли после ареста). В течение многих лет Борис Глебович Штейн был постоянным внештатным рецензентом издательств «Советский писатель» и «Молодая гвардия», работал штатным литературным консультантом в Союзе писателей СССР.

Творчество Бориса Штейна не богато количеством опубликованных произведений, но насыщено лирико-гражданским содержанием, возросшим на фоне драматических коллизий XX века, современником которого он был. Его стихи и проза демонстрируют активное неприятие зла и веру автора в высоконравственное предназначение человека.

С произведениями Бориса Глебовича Штейна, опубликованными в последнее десятилетие его жизни, можно ознакомиться в более ранних выпусках нашего альманаха (2000, №1; 2003, №3; 2004, №4), в юбилейном сборнике Московского союза литераторов «Литературные страницы» (2007) и в вышедшем недавно сборнике его произведений — «Избранное». Ниже редакция знакомит читателя с несколькими неопубликованными стихотворениями Бориса Штейна из цикла «Антисейсмический человек», любезно предоставленными нам его вдовой Анной Дмитриевной МИХАЛЬЧИ.

О возможности жизни во вселенной

Я никогда
и никуда
не плавал,
не привозил
о дальних странах вести,
но вот в окно мое,
как в гавань,
вплывают
корабли созвездий.

И после медленных
и долгих эволюций
бросают якорей рогатые кометы,
из черных клюз
златые цепи льются,
на мачтах вензеля
горят холодным светом.

Застыли корабли —
инопланетный пленум,
огни сигналов
вспыхивают разом,
как будто обсуждают там проблему,
имеется ли жизнь на Земле
и разум.

И, видно, сметив,
что вопрос тот ясен,
что нет и признака
разумной
жизни,
снимается эскадра восвояси,
уходит
в галактические выси.

И я тону —
 тону во мгле безлунной,
вдогонку кораблям
 кричу слова я:
— Мы — люди!
 Люди!
 Мы разумны!
Не признают.
 Не верят.
 Уплывают.

Среднеазиатский синдром

Кто пил воду из Шахруда...

Огнем песка
 пустыня полыхнула!
Здесь от жары
 и от безводной муки
окаменели
 корни саксаула,
как будто болью
 скрюченные руки.

Но все же ворожат меня доньше
и никогда —
 я знаю —
 не наскучат
напевы полусонные пустыни
и шелест иссыхающих колючек.

А лепестки
 здесь истлевают пеплом:
раскалены
 барханные буруны.
Текут пески
 под заунывным ветром,
медлительно
 меняют облик дюны.

Я обожжен
 тем ветром дикой воли
и закален я
 каменной росой,
и навсегда,
 как малярией,
 болен
водою Фирюзы
 и Самарканда бирюзою...

Ревнители стиха

Я не терплю охранников строки —
от лютой злобы закричу и свистну:
всю жизнь писал не верные стихи —
по рифмам, по размеру и по смыслу.

Трефовой масти доброхоты
всегда держали поиски в опале.
И рьяные блюстители свободы
запретами свободу охраняли.

Чтоб не писал я вредно или вздорно,
чтоб не давал строке НЕ ТОТ оттенок,
меня учили утвержденным нормам
касательно идей, сюжета, темы.

Вбивали мне, кого могу я славить,
коль обращаюсь к пристойным словесам.
Освоившись в неписанном уставе,
ЧТО проходимо, буду знать я сам.

Ловить не мог я установок с выси:
я на подхвате был неловким,
они же проверяли верность мысли
стандартами глагольной зарифмовки.

Не убеждайте нас, что мы вольны,
когда вокруг полно тюремных правил.
В поэзии, как в жизни, мы равны,
когда никто и никому не равен.

60-е годы(?)

Антисейсмический человек

Как будто набег истребительных армий,
стихийные силы громят города,
дороги и рельсы сминают, как марлю,
сметают в провалы дворцы без следа.

В опасных районах мы строим особо:
чтоб выдержал дом подземельный удар,
детали проходят жестокую пробу
на сдвиг, на изгиб, на потоп, на пожар.

А мы вот — ничтожные, слабые люди, —
нежнейшая мякоть и ломкий скелет, —
выносим блокады и залпы орудий,
бессонные страхи трагических лет.

А сколько у нас унижений напрасных?!
Чего только в жизни молчком не снесешь?!
Мы терпим обид ежедневную тряску,
и натиск бесстыдства, и долгую ложь.

И мы выживаем в проверке жестокой:
нас хлещут, как ливни, беда за бедой,
и бьют нас несчастья, как током,
и вдрызг разбивают недолгий покой.

Из всех вековечных и прочных построек
надежен и прочен лишь сам человек,
один человек к потрясениям стоек,
как будто у нас — нескончаемый век.

Никто ведь не видит крушения и драмы,
какие мы терпим, не дрогнув ничуть,
друг другу наносим словесные раны,
незримо и точно секущие грудь.

Так разве ж бесследны и бури и штилы,
и разве устойчив наш внутренний склад?
Он собран, как чудо-кораблик в бутылки,
из памяти, нервов, надежд и утрат.

Вот музыка, праздник и нежности ветра,
но рушит беда в этот миг этажи
моей терпеливой, моей безответной,
такой беззащитной и хрупкой души.

Лебяжий переулочек

Ах, Лебяжий переулочек
с новогодними цветами!
Переулочек-закоулочек
расставаний и свиданий!

Ах, Лебяжий переулочек —

фонарей белейший свет
и неспешный белый снег.

Потому, наверно, он Лебяжий,
что новогодний этот снег
на все дома неслышно ляжет,
как белый пух,
как пух лебяжий,
как невесомый белый снег.

Ах, в этот вечер новогодний
и легче жить, дышать свободней!

Там даже мелочь
 что-то значит,
там даже сад
 с умом подобран,
и время там
 течет иначе —
прозрачно,
 медленно
 и добро.

Я поднимусь на Караголь —
и станет вовсе вольно мне,
листвы
 торжественный огонь
пройду безмолвно,
 как во сне.

И там, где сосны,
 солнце,
 горы,
где только небо надо мной,
я вдруг
 внизу
 увидю город,
как будто даже не земной,

увидю белый пух над морем
и пепельно-лиловый берег...
Внезапной слабости покорен,
стою,
 растроган и растерян.

Неволью
 слезы
 свет мне застыт —
я плачу на обветренной скале
от горького,
 слепого счастья,
что я живу
 на бедственной земле.

Виктор ЧАРИН

С точки зренья сопляка,
Что в метро проходит платно,
Я валяю дурака —
И, конечно, это правда.

Он уверенней меня,
У него спортивней формы.
Обывателей дразня,
Он встает на край платформы.

Видно, учится легко,
И легко живет, наверно.
Но подруга у него —
Так себе, не королевна.

То ли дело в наши дни...
Старый дом на Патриарших.
Тени с улицы, в тени
Профиль девочки вчерашней.

Прежде, чем войти в вагон,
Усмехнулся он манерно.
И в толпе зарылся он
Со своей некоролевойной.

Не люблю я толкотни.
Видно, время наступило.
То ли дело в наши дни,
То ли дело, то и дело.

Кате

Я в «Комнате смеха» смеялся до слез:
Какая я, в сущности, ряха!
Но больше смеялся, когда довелось
Проехать по «Комнате страха».

Меня настигал огнедышащий змей,
Скелеты стучали костями,
И кто-то невидимый лапой своей
Касался, сверкая глазами,

Сопел надо мной и по темени скреб,
И ухал над ухом, и плакал,
Светился во тьме, чтоб увидел и чтоб
Я понял посаженных на кол,

Обнял на ходу, притянул, закричал,
Шепнул и назвал мое имя,
Водой окатил и пол закачал,
Проверил в пожаре и дыме.

Я вышел на улицу: краски и звон,
Все пело, смеялось, сверкало.
И тихая очередь в аттракцион
В дверях терпеливо стояла.

Спускаясь в прошлое и лужи огибая,
Я не узнал ни школы, ни трамвая.

Здесь я бродил, набитый грустной чушью,
Слагал стихи, родителей не слушал.

Вот здесь был дом постройки довоенной.
Его уж нет и не было, наверно.

Я приходил, храбрея от испуга.
Хозяйка вежлива, но не ее подруга.

Вот школа, вот футбольная площадка.
Как улица длинна, как время кратко.

Прохожие идут в своей заботе.
Не узнаю ни Миши, ни Володи.

Наш дом был на виду, теперь затерян.
Здесь тополь рос. Я, впрочем, не уверен.

Парк поредел и снесена ограда.
Мне больше приходиться сюда не надо.

Я пришел к ученой даме,
Как положено, — с цветами
В ресторан, а там народ
Даме нежно ручку жмет,
Рассыпает комплементы,
А потом стоит в углу —
Ждет удобного момента,
Чтобы ринуться к столу.

Вот чиновник очень чинный,
Вот газетные мужчины,
Вот большой заморский гость,
Вот шикарных женщин гроздь
И одна подруга детства.

Боже мой, куда мне деться?
Мне их знать не довелось,
Не учен я их манерам.
Глаз кошу, а там — лосось
У тарелочки с фужером
Так и светится насквозь.

От этой... как ее... от Музы...
Не отвертеться, не сбежать.
При ней и кругозор мой узок
И тяжела моя тетрадь.

Она ведет себя, как хочет,
И я, как хочет, жизнь живу.
И ради аппетитных строчек
Всю исковеркает главу.

Мне Муза музыку закажет —
и я твержу то ля, то ре.
Вот почему станков и скважин
В моем не сыщешь словаре.

При ней я прав: перо к тетради,
я без нее и глух и нем.
Я на нее шутя растратил
Мешки былых своих проблем.

Она меня не отпускала
В иную правильную жизнь,
Легко судьбой моей играла,
Толкала с хохотом: «Держись».

Держался, как она велела,
Порой, рискуя головой.
Ах, Муза, им какое дело,
Как поживаем мы с тобой?!

Жизнь обростает пользой и бытом.
В прятки играют сыщик с бандитом.

Игры ведут Президент с Президентом,
Не совпадают вопросы с ответом.

«Хроника» жертвы недели подводит.
Снова посажен под стражу Мавроди.

Чтобы понятно, кто есть каковский,
Взят под арест олигарх Ходорковский.

Мэр не доволен порядком в столице.
Кепку надвинул, испуганы вице —

К мэру согнулись, цепки, как скрепки,
Тоже надели рабочие кепки.

Едут на стройки, разводят руками,
Будто не видят глазки телекамер.

С мафией этой, коррупцией прочей
Раз навсегда в понедельник покончат.

Парламентарии, гости программы,
Искренне спорят до хрипа, до травмы.

Правду своими аршинами мерят,
Истину режут. Кто ж им поверит?

Допинг спортсмены сосут неустанно.
Нас зазывают в шенгенские страны.

Пусть говорят хорошо и курчаво.
Всех раскусил наш мудрец чао-чао.

В пространстве под горой
Над морем чайка виснет.
Досадно: ни одной
Рациональной мысли.

Вот женщина — она,
Я вижу: не спокойна.

Солдат — на нем вина
За все на свете войны.

Вот церковь, вот музей,
Вот дом, сарай, телега,
Вот пристань, а на ней
Четыре человека.

Они между собой
Знакомства не заводят
И со своей судьбой
Ждут общий пароходик.

Как в яблоко червяк,
Уходит в скалы поезд.
Об этом, как никак,
Я тоже беспокоюсь.

Философ нас учил:
Ничто не канет в Лету.
Особенных причин
Для беспокойства нету.

И я в стране чужой
Веду себя пристойно.
Ошибки ни одной,
А все же не спокойно.

Пьяный автор умной прозы
И талантливых стихов
Пьет и льет на галстук слезы
За помин былых грехов.

Помнит женщин, книги, страны,
Разговоры, города.
«Понимаешь, стал я старым —
вот такая вот беда».

Говорит: «Напишем вместе
Все как было и как есть.
Не для мести, честь по чести.
Но какая, к черту, честь!».

И опять — про жизнь, про старость.
Говорит: «А ты держись!
Сколько там еще осталось?..» —
Про бутылку или жизнь?

Наливает ровно — опыт.
«Это что — вот раньше пил!
Я в кармане верхнем штопор
С авторучкою носил».

Хватит. Ночь. Кончай бунтарить.
Досидим до петухов.
Мы уходим. Он мне дарит
Пачку мятую стихов.

Александр ЛОКТЕВ

Гимн добру (Венок сонетов)

1.

Итак, друзья, — венок сонетов.
О чем? Конечно, о добре!
Его сжигали на костре...
Любителей проделать это —

Хоть пруд пруди во все века.
Но, удивительное дело,
В людской душе добро сидело
И будет там наверняка.

Мой разговор — кому-то мил,
Другой, возможно, засмеется:
Поэт, мол, лихо закрутил,
Лишь в сказках о добре поется.
Мне ж о добре пропеть нейдет:
К нему я долго приходил.

2.

К нему я долго приходил,
Пока не понял головою,
Пока не осознал душою,
Пока Господь не вразумил.

Добро должно быть с кулаками?
Я не согласен, ведь кулак —
Любого аргумента враг...
К добру приходят люди сами.

В себе я зло всегда гасил.
Признаюсь: часто — беленея.
Себе без усталости твердил:
Перетерпи, добро — сильнее,
Рациональнее, мудрее.
Изведал зло, достало сил

3.

Изведал зло, достало сил.
И мудрость древних мне твердила:
Добро — врачующая сила.
И опыт мой так говорил.

Добро для злого — не палач,
Не только с укоризной слово.
Быть может, это и не ново:
Оно — и антипод, и — врач.

Оно — при нас, внутри, не где-то.
На все имеет зоркий глаз.
И понуждает нас к ответу,
Экзаменуя каждый час
На человеческое в нас,
На этот оселок поэтов.

4.

На этот оселок поэтов...
Их — два, мне говорит нутро:
Венок сонетов и добро.
Я искренне поверил в это.

Добро — свет сердца. Не имея
Источника добра внутри,
Поэт добром не одарит,
Дойти до сердца не сумеет.

Добро — как искорки в глазу,
Язык, понятный для любого:
Слепцу — дарующий красу,
Общенья способ — для него,
Звук, ухом слышимый глухого,
Он — словно молния в грозу!

5.

Он — словно молния в грозу!
Он — словно молния в грозу!
Всегда он был (и есть поныне!)
Источником воды в пустыне,
В зле вышибающим слезу.

Добро — как компас; чтобы плыть
По жизни нам без встречи с мелью,
Существованья самоцелью
Одно имеющее быть!

Жизнь невозможна без движенья.
Не понимаючи подчас,
Даем нас унести теченью,
Не слыша Провиденья глас,
А он — добра источник в нас,
Он — плод труда и озаренья.

6.

Он — плод труда и озаренья.
Труда над собственной душой.
Коль каждодневный труд, большой,
Добро придет без промедленья.

А не принявшие его
Все сделают, в итоге, чтобы
Остаться в диком мире злобы,
Так не понявши ничего,

Остаться в мире ослепленья
Духовных выродков-калек.
Я ж обращаюсь без сомненья,
Хотя и в страшный, злобный век,
К тебе, мой добрый человек,
Читающий мое творенье.

7.

Читающий мое творенье,
Надеюсь, ты душой созрел:
Скучаешь уж без добрых дел?
Так приступай без промедленья!

Ты — добр в душе, так окажись
Способным облегчать, где можно,
Настойчиво, но осторожно
Вокруг себя людскую жизнь.

Добро — бревно у зла в глазу!
Лелей его (ведь мир так ломок),
Как виноградную лозу.
И в мире злобы, средь потемок
Твой труд оценит твой потомок.
Быть может, обронит слезу.

8.

Быть может, обронит слезу
Он на добра печальной тризне?
Или предаст добро при жизни
В угоду злобному тузу?

Мол, нам не развязать узла.
Бессильны будут наши дети,
Добру конец пришел на свете...
Победоносной жертве зла?!

Уверен, что не так все будет.
Поднимет злоба дикий вой.
Потомок наш ее осудит:
Добро он примет всей душой,
Венок сонетов вспомнит мой,
Венок добро в душе пробудит!

9.

Венок добро в душе пробудит.
Как семя, спрятавшись в гряде
И помышляя о воде,
Добро взойдет. И — будет, будет!

И будет жить, хоть льется кровь!
Казалось бы, непостижимо?
Добро ведь неуничтожимо,
Коль возникает вновь и вновь!

Добро — гармонии наказ,
Как все природные законы.
И сотни миллионов раз
Пройдет оно сквозь все препоны,
И все поймут его каноны,
И ты, читающий сейчас!

10.

И ты, читающий сейчас, —
Частица деятельной силы,
Которая тебя взрастила,
Помянешь добрым словом нас,

Мечтавших страстно о поре,
Питавших трепетно надежду:
Как обветшавшую одежду,
Ты скинешь зло, чтоб жить в добре!

Добро в вас Бытие пробудит.
Хотя и бес (не ерунда!)
Своим искусом многих сгубит,
Трубя победу навсегда...
Жаль, проиграет он тогда,
Когда меня уже не будет.

11.

Когда меня уже не будет,
Устроят люди лучший мир —
Добра и уваженья пир.
И пусть меня всяк позабудет,

Но сладко думать мне о том,
Когда, согласно предсказаниям,
Не будет жизнь существованьем,
Она предстанет — Бытием!

И будет в людях добрый глас,
Его никто уж не забудет,
Он станет нормой жизни в вас:
Ведь время зло с добром рассудит.
И удивятся даже люди,
Услышав тех, далеких нас.

12.

Услышав тех, далеких нас,
Себе отчет вы отдадите
В том, что в историю глядите:
Зло направляло жизнь подчас.

Но в каждом веке песню пел
Певец, созвучный жизни сути,
Нас очищающий от мути —
Таков уж был его удел.

Удел трагичный: ведь не раз
Певцы платили головою
За песнь про то, что видел глаз
Жестокосердную порою!
Потомок мой, душой незлою
Поймешь: добро — не напоказ!

13.

Поймешь: добро — не напоказ,
А проявленье нашей сути,
И отрицанье злобной мути —
Таков Вселенной нам наказ!

И нет прекрасней перспективы:
Преданья только и зола —
Все, что останется от зла.
Добру ведь нет альтернативы!

Пусть путь к добру предельно труден,
Деяньям злобным несть числа,
Давайте, люди, не забудем:
Нам жизнь другое припасла,
Добро — рентабельнее зла,
Оно — фундамент наших буден.

14.

Оно — фундамент наших буден!
Хотел бы я, чтоб мой венок
Добру в борьбе со злом помог:
Венок мой — не шамана бубен.

В наш век я песнь добру пропел.
Да, как бы дьявол ни бесился,
И как бы бес ни дьяволился,
Оставить мир — его удел!

В делах мирских он — не профан.
И сам, конечно, это знает —
Ему для зла период дан:
Одежда зла в миру ветшает,
И дьявол бешено лагает
Зла платье — тришкин свой кафтан!

15.

Итак, друзья, — венок сонетов.
К нему я долго приходил.
Изведал зло, достало сил
На этот оселок поэтов.

Он — словно молния в грозу!
Он — плод труда и озаренья.
Читающий мое творенье,
Быть может, обронит слезу:

Венок добро в душе пробудит.
И ты, читающий сейчас,
Когда меня уже не будет,
Услышав тех, далеких нас,
Поймешь: добро — не напоказ,
Оно — фундамент наших буден.

Лариса АДЛИНА

Фраза на латинском языке

*«Cógito, ergo sum»**
Декарт

Мудрого Декарта славный ум
Подарил нам фразу непростую.
«Cогито» —
 а дальше: «ergo sum» —
Мыслю —
 это значит существую.

Весточка веков, далёких дум.
Познаю,
 дышу, пишу, рисую...
Вот оно
 что значит: «ergo sum».
Я живу,
 я в мире существую!

Эта фраза — времени ответ,
Не найти
 подобную, другую.
В ней намёк есть,
 может быть, совет:

* «Cогито эрго сум» — Мыслю, следовательно, существую.

Дорожное

Покидаем яркий свет заката,
Поезд резво набирает ход.
День грядущий нас быстрее найдёт —
Это скорость века виновата.

Жизнь порой хитра, замысловата.
Рельсов стрелками нарушен ряд.
Дарим на бегу души заряд,
К истине приходим поздновато.

Светит лес осенними огнями.
Прошлых лет мираж уходит вдаль.
Дымкою дорожная печаль
Тенью всюду следует за нами.

Но всегда, в любое время года
Есть надежда ясного восхода.

(2008, поезд «Московия»)

Волненье моря

Сегодня на кафедре физики моря
Волненье.

И даже немного штормит:
Набор в экспедицию кончится вскоре,
А птица удачи к немногим летит.

Работать так хочется под парусами —
Проникнуть в секреты морской целины.
Экватор увидеть своими глазами.
Измерить энергию каждой волны.

Свободные ветры, прозрачные дали —
Романтика водных просторов земли.
Как важно узнать, что еще не узнали,
Найти в море то, что ещё не нашли.

Понять в глубине океана течение,
Таинственный мир...

Но всё это потом.

Сегодня на кафедре моря волнение...
И ветер солёный шумит за окном.

(2003, МГУ, Физический факультет)

За полярным кругом

Иду по тундре, мох качается,
Чуть проседает пустотой.
Полярным летом день кончается
Подтаявшею мерзлотой.

В июле, в самом тёплом месяце,
Раскинулись цветы ковром.
И золотистый лютик светится
Особым северным теплом.

Душа к теплу с надеждой тянется,
Как тундра, светом залита.
Откуда знать ей, что обманется.
Тут, под цветами, — мерзлота.

(1972, 2004, Воркута, Ворга-Шор)

Воркутинка

Полярной ночью за полярным кругом
Олени ходят сонно друг за другом.
Живёт в посёлке девочка Иринка,
Идёт по снежной тундре воркутинка.

На звёздной карте путь её продолжен.
Здесь по сугробам он совсем несложен —
Из дома в детский сад за мамой следом.
А дальше им пока ещё неведом.

На небе крупные огни и точки.
Похоже, там — родители и дочки.
Приводят мамы-звёздочки детишек
Туда, где в млечной дали лучше, тише.

Небесный атлас словно составляют —
Счастливый ход судьбы определяют.

(2008)

Холодные тропинки

Желтеет ясеновый лист,
Беседуют в траве сороки.
Холодный взгляд, как воздух, чист,
И мы не рядом.

Мы далёки
С тобою, мой осенний друг.
Тропинками идём чужими.
Застывший лес, в тумане луг...
Согреть бы фразами простыми
Себя самих и всё вокруг,
Но мы молчали,
не спешили...

Куранты

Весной в объятых Красной площади иду.
Звучат куранты звонко, мелодично.
Их голос слышен всей стране отлично
И башня Спасская у мира на виду.

Торжественность такую, где ещё найду, —
Веками создавалась архаично
И выглядит теперь вполне столично
С воздушной глубиной и лёгкостью в ладу.

Здесь ход истории врывался в тишину,
Кремль лучшие сыны обороняли,
Врагов несметных силой прогоняли,
Прощальным маршем уходили на войну.

Пусть этот звон преград не знает вечно.
И время будет мирным — бесконечно.

(2008)

Елена КСЕНОФОНТОВА

ПАВЛИК

Погасив лампу, Павлик улегся поудобнее, закрыл глаза и стал представлять себе, как завтра Надежда Васильевна будет раздавать дневники и каждому говорить что-нибудь хорошее или особенное, потом ребята будут читать стихи, пить чай с пирогами, а когда все разойдутся, он подойдет...

...Дверь в комнату тихо открылась, и в яркой полосе света появилась мама. А может быть, Надежда Васильевна? Они так похожи...

— Павлик, не спишь?

— Сплю...Мам, пойди сюда! — Павлик приподнялся в постели. — Мам, давай возьмем в деревню Надежду Васильевну, а?

— Это как — возьмем? У нее же дача, внуки маленькие. Ей, небось, с ними сидеть. Трусики, носки где твои? — постираю.

Павлик не слышал вопроса, не заметил, как мама вышла, взяв упавшие со стула вещи. Пораженный, что у Надежды Васильевны есть внуки, — она ведь совсем молодая, почти как мама! — он неподвижно лежал, чувствуя, как уходят его мечты.

Уже несколько дней, перед тем как заснуть, он уносился мыслями в дедовскую деревню, куда они уедут на все лето и непременно, казалось ему, с Надеждой Васильевной. И каждый раз он видел, как она стоит на кухне рядом с тетей Варей и пьет из его любимой голубой кружки теплое парное молоко. Отпив несколько глотков, она отрывается от кружки и улыбается ему и Генке — они, уже отведавшие молока, ждут ее, чтобы вместе побежать на речку. Или он представлял себе, что они уже на речке, плывут в лодке, которую дядя Митя, ни слова не говоря, — Генка-то уже в пятом классе! — отомкнул им. Они с Генкой гребут изо всех сил, а Надежда Васильевна на корме, заслонив тонкой рукой глаза от солнца, всматривается в незнакомые берега, и он видит, как все тут ей нравится. Они проплывают мимо огромной,

низко склонившейся ивы, густого кустарника, растущего прямо из воды, и поворачивают к другому берегу, куда манит золотистый песок и где лучше всего купаться. А вечером Надежда Васильевна будет читать стихи. Никто не читает их так, как она... Но у Надежды Васильевны внуки... Полный разочарования, он пытается представить себе внуков и «сидящую» с ними Надежду Васильевну, но у него ничего не получается. Внуки как-то расплываются, а Надежда Васильевна, обернувшись к нему и ко всему классу, радостно и вопросительно смотрит на всех. Павлик вздохнул. Ну и пусть внуки. Они же маленькие, разве она может с ними так же разговаривать, стихи им читать? Все равно их первый класс для нее самый родной. И он все равно хочет, чтобы она поехала в деревню. Завтра он обязательно спросит. Только надо, чтобы никого рядом не было. А то Димка Родин хотел, чтобы Надежда Васильевна согласилась поехать в маленький городок на Украине... Уж сколько раз была подходящая минута, и можно было начать, и уж сердце замирало, но вдруг то ребята оказывались рядом, то кто-то из учителей... А завтра он дожидется, когда она из школы пойдет. Он подбежит к ней за воротами и скажет. А если она удивится, он тут же расскажет, как там хорошо. Там и Генка будет, и они верхом будут ездить... и костер с ней разводить... а гербарий без нее собирать просто невозможно, никто об этих травах столько не знает... и книжки читать, как она просила, они обязательно будут... и что интересно в них записывать...

...Засыпая, Павлик видит, как Надежда Васильевна внимательно и серьезно слушает его и кивает головой.

НОВЕНЬКАЯ

Сегодняшний день в школе начался для Алешки необычно: впереди, прямо перед ним, сидела новенькая, и до того неинтересная, что он с сожалением вспомнил о вечно мешавшей ему взлохмаченной Таньке, которая перешла недавно в другую школу, поближе к дому.

Новенькая сидела прямо. Ее гладкие, неопределенного цвета, светлые волосы спускались на воротник и, когда она поворачивала голову, ложились ломаной волной, и Алешка то и дело смотрел, как волна пропадала при обратном повороте головы.

— Откуда она к нам? — склонился он к Витьке.

— Из какой-то области приехала.

— Нефедова, — произнесла Ольга Максимовна незнакомую фамилию и, глядя на новенькую, жестом пригласила ее к доске. Там запутался в примере Толик Соколов, уже переставший вяло искать ошибку.

Новенькая поднялась, ровным и быстрым шагом подошла к доске и, взяв у Толика мел, стремительно застучала им; на доске как-то сразу, прямо-таки молниеносно, возникли цифры, равенства и правильный ответ.

Алешка, несколько озадаченный такой скоростью, смотрел на новенькую. Она повернулась к Ольге Максимовне, слегка наклонив голову вперед и набок, словно готовая к дальнейшим стремительным действиям. Лицо ее было бы совсем неприметным, если бы не живой и внимательный взгляд голубых глаз.

— Очень хорошо, — медленно произнесла Ольга Максимовна. — Толик, садись. А тебе, Надя, я задам несколько вопросов. Ты не возражаешь? — добавила она, и все поняли, что сейчас будет проверка новенькой.

— Не возражаю, — коротко, с неожиданно четким «о», ответила Надя. Кто-то хмыкнул. Она повернула лицо к классу. В ясных глазах мелькнуло удивление.

— Скажи, пожалуйста, что называют сокращением дроби?

— Сокращением дроби называют деление числителя и знаменателя дроби на их общий делитель, отличный от единицы, — быстро, без остановки, с какой-то радостью отчеканила новенькая. Алешке даже «оканье» ее понравилось: слова становились словно выпуклыми.

— А как можно из одной дроби получить дробь, равную ей?

Ответ прозвучал так же легко и стремительно. Алешка был поражен. Она будто произносила давно известные ей истины.

— А как надо сложить или вычесть дроби с разными знаменателями? — спросила, с удовольствием глядя на нее, Ольга Максимовна.

— Надо найти... — твердо и четко разносилось по классу. Алешка видел, что все как-то приятно ошарашены и, не отрываясь, смотрят на Надю.

— Садись, пять, — Ольга Максимовна подняла на ребят довольные глаза. — Ну что, неплохо? — выразила она общее мнение.

— Неплохо, — почти в один голос ответили они, и было видно, что все без всякой зависти признают превосходство в чем-то этой новенькой.

На переменке, в коридоре, Надю окружили девчата, а мальчишки, проходя или пробегая мимо, незаметно поглядывали на нее. Алешка подошел к окну. Его переполняло какое-то радостное беспокойство. Половину перемены он простоял здесь, рассеянно глядя на школьный двор и вспоминая необычную ясность и готовность, с какой отвечала новенькая.

На следующем уроке, географии, Алешка с нетерпением ждал, когда ее спросят. Наконец ее вызвали, и она вышла к доске таким же уверенным шагом. Ей был задан вопрос об образовании озерных котловин и водохрани-

лицах. И снова немедленно последовал четкий ответ с точным прикосновением указкой на карте к озерам и рекам с плотинами. Алешке представилось, что в голове у Нади столько теснится знаний, что они сами собой, при первой же возможности, радостно вырываются наружу.

«Чтобы так отвечать — как же надо знать?» — подумал он. Сам Алешка учился на тройки. Ему было не то чтобы лень, а просто времени не хватало. Да и главным для него был футбол. Но вот если бы знать и отвечать, как эта девчонка... Он согласился бы так учиться. Больше всего его удивляла незамедлительность и точность ответов. Его так и подмывало самому попробовать так отвечать. А что если...? Следующий урок — история. Он как раз посмотрел дома этот параграф — о греческих городах-государствах. На переменке можно еще почитать. И пусть его спросят. Самое главное — не тянуть, когда отвечаешь. Теперь ему все казались размазнями, а он — самая большая размазня.

На перемене он ушел в тихий угол коридора с учебником истории. Он прочитал текст один раз, потом снова, уже стараясь хорошенько запомнить названия городов — Милет и Коринф и имя греческого поэта Гесиода.

Историчка Наталья Павловна обычно начинала урок с опроса. Стараясь не волноваться, перебирая в памяти параграф, Алешка ждал. Он уже понял, что знает урок; только бы спросили — теперь-то он не будет мямлить.

Наталья Павловна вызвала его вторым. Он вышел к доске, удивляясь своей уверенности. Он хорошо все запомнил, и рассказ его пошел легко, без напряжения. Он старался говорить громко и ясно и остановился только два раза: когда вспоминал, как греки называли себя — «эллинами», и еще когда сообразил, что забыл рассказать о происхождении греческого алфавита. Но он быстро вернулся к этому и, уже не останавливаясь, закончил ответ, испытывая какое-то ликующее спокойствие. Кто-то из ребят корчил ему рожи, кто-то одобрительно кивал головой. Наталья Павловна меланхолически протянула ему дневник с пятеркой:

— Ну что, Русаков, ведь можешь учиться, если захочешь?

Он сел на место, чувствуя себя так, как если бы с него слетела вековая тяжесть и никогда уже не вернется.

— Нефедова, — вызвала Наталья Павловна.

Алешка словно впитывал ясный, выразительный и быстрый ответ. И снова ему показалось, что она как-то радостно переполнена знаниями. И он впервые почувствовал чужую интересную жизнь.

Наталья Павловна вызывала других ребят, и Алешка не очень удивился, что отвечают они лучше обычного, звучнее и увереннее. Он понял — с ними произошло то же, что и с ним. «А она даже и не догадывается!» — весело подумал он, глядя на светлоголовую новенькую.

Лидия ПАНИНА

МАМА

(Продолжение повести «Полынный хмель»)

*Свернувшись в маленький клубочек
И крепко сжавши кулачки,
Во чреве матери поправивши пупочек,
Дитё сказало Богу: «Помоги!*

*Я не хочу идти на свет на белый,
Он страшен мне, и я его боюсь.
Ведь я ещё совсем неопытный, несмелый,
Я в нём погибну, я в нём заблужусь».*

*Бог с неба нежно прошептал:
«Не бойся, Крошка! Я тебя люблю!
Я Ангела тебе пошлю,
И чтобы ты его узнал, я имя дам ему».*

*«Скажи скорее, как его зовут?» —
Спросил нерожденный упрямо.
И Бог с улыбкой прошептал ему:
«Его зовут так просто — Мама».*

Поезд приближался к столице, мы с мамой не отрывали глаз от окна, в которое заглядывали подмосковные леса. На душе было тревожно. Природа — успокаивала. Могучие липы, сосны, ели зелёным покрывалом стели-

лись по голубому мирному небу, с плывущими на нём облаками. Берёзы, белыми стволами, словно очерченные вёрсты, приближали нас к цели. Мамочка волновалась. Она не могла не волноваться. Несовершеннолетняя дочь едет к отцу, как оторвать её от своего сердца.

Война разлучила родителей. После нее они долго не могли найти друг друга. На частые запросы, которые посылали оба, приходили одни и те же ответы — « без вести пропавшие». Только спустя несколько лет после войны отец узнал, что мы живы. У них теперь были другие семьи. Тем не менее, когда я окончила среднюю школу, мама посчитала, что в провинции делать нечего. Надо учиться дальше, получать образование. Было решено ехать в Москву.

Встреча с отцом получилась не такой, как мы представляли. К поезду он почему-то не пришел. Пришлось самим добираться по его адресу. Папа жил, как тогда еще считалось, за городом, в районе Перова, рядом со станцией Плющево. Мама, уставшая от длительной дороги, часто останавливалась, чтобы передохнуть. Поезд, метро, электричка, пугающая неизвестность — все это не способствовало хорошему самочувствию. Её сердце, измотанное войной, едва выдерживало такое нервное напряжение. Я тоже шла уставшая, в голове вертелась одна мысль: «Когда же, наконец, доберёмся».

Когда мы вышли из электрички и огляделись, меня поразила неприглядная окружающая местность. Низкие деревянные домики, окружённые ветхими старыми заборами, неровная, неасфальтированная дорога. «Ничего себе — Москва!» — думала я. Со стороны можно было видеть грустную картину. По корявой дороге, осторожно переступая ухабины, медленно шла молодая женщина, на которую прохожие обращали внимание. Оглядывались не только потому, что ее красота заставляла остановиться, но и потому, что она была без ноги. Она шла, опираясь на костыль. Рядом, крепко держась за руку, шла девочка, которая подстраивалась под медленный, неторопливый шаг матери.

Сосредоточенные на своих мыслях, мы не замечали ничего вокруг. Неожиданно перед моими глазами промелькнул давний эпизод. Это было в первые послевоенные годы. Мы с мамой, так же как и сейчас, шли по центральной улице Курска. Навстречу шёл пожилой мужчина в генеральской форме, брюки с лампасами, грудь в орденах. Он не мог не обратить внимания на женщину без ноги, медленно идущую со своей маленькой дочкой. Мужественное лицо генерала, украшенное густой сединой, стало серьёзным и строгим. Растроганный женской красотой, изувеченной войной, он остановился и подошёл к нам. «Разрешите представиться», — сказал он, назвал своё имя, расспросил маму о том, где, при каких обстоятельствах она потеряла ногу. Потом очень бережно взял её руку, растертую деревянным костылём, наклонился, поцеловал и сказал: «Простите нас, Ольга, за то, что не

смогли вас уберечь, не оказались рядом в тот страшный момент». Мне тогда шёл седьмой год, но я навсегда запомнила этого генерала и его преклонение перед моей мамочкой. Какой же русской, голубоглазой красавицей должна была она быть, что люди не могли пройти мимо и преклонялись перед ней.

Наверное, эта людская, человеческая любовь помогла тогда маме остаться полноценным человеком, без комплексов, уверенной в себе. Вновь построить семью, уже будучи без ноги, родить вторую дочь. Вырастить нас.

Наше время отмечено жестокостью и безнравственностью. Матери бросают своих детей. И общество прощает, не наказывает их. Это бесчеловечно. Не может женщина, бросившая своего ребёнка, называться человеком и даже животным. Животное не бросает своих детёнышей. Не знаю, как называть этих нелюдей. Знаю только одно, они должны быть изгоями. Таких надо изгонять из общества людей. Я хочу, чтобы в России не было брошенных детей. У меня разрывается сердце, когда я слышу, что их крадут, убивают. Я верю, что на моей Родине всё станет на свои места, потому что в России живёт самый добрый, самый чистый, самый самоотверженный народ. Мои современники исправят то плохое, что незаметно вошло в нашу жизнь. Мы вернём своей национальной культуре то бережное, трепетное, заботливое отношение к детям, которое присутствовало у нас после Великой Отечественной Войны.

Я навсегда запомнила один эпизод из моего детства. Случайно, оказавшись на ёлке, в красном уголке железнодорожной станции, я увидела девочку, в руках она держала газетный кулёчек, в котором было несколько конфеток — подушечек. Голодная, маленькая девочка, по-сути — сиротка, я не могла отвести глаз от этого кулёчка. Её отец, который стоял рядом с ней, увидев мои глаза, взял у неё и отдал мне этот кулёчек. Это тогда, в послевоенное, голодное время, когда в семьях не было даже кусочка сахара. Это, по истине, русская душа — отдать последнее. Так давайте всем миром воскресим эту русскую душу, и тогда, в нашей святой России не останется ни одного брошенного ребёнка.

Теперь снова вернёмся к моей мамочке. Когда моя мама почувствовала, что у неё будет ребёнок, она не испугалась и решила родить от любимого человека. Её не смутило то, что с отцом будущего ребёнка они не были зарегистрированы в браке. Она сама не хотела оформлять отношения и говорила своему любимому: «Ваня, я инвалид, возможно, ты ещё встретишь здоровую нормальную женщину. Ты должен быть свободен». Их связь была построена только на любви. Никто из соседей не верил в их длительные отношения. Многие советовали избавиться от ребёнка. Но она не побоялась рожать без ноги и надеялась только на себя.

Когда она родила сестрёнку, которую в честь её назвали Ольгой, то богатые соседи, у которых не было детей, просили отдать малышку им, они говорили: «Ты инвалид, тебе будет трудно вырастить вторую дочь». Мама

была так возмущена, что до конца дней не могла слышать о них. «Это мой ребёнок, и никогда никому на свете я его не отдам». И вырастила нас. Только после рождения Ольги они зарегистрировались и дали своей девочке фамилию отца. Жизнь их была своеобразной. Он работал в Курске, в военном госпитале, приезжал редко. Практически, она одна, с помощью бабушки растила нас, но не бросила и никому не отдала. Мне бы очень хотелось, чтобы мои читатели знали о моей маме и брали с неё пример.

Я совершенно безумно любила маму. Когда судьба мне вернула её, я не могла наглядеться на неё, нацеловаться с ней. Обнимая за шейку со спины, целовала её щёчки бессчётное количество раз. Моя мамочка, устав от моих бесчисленных поцелуев, говорила мне: «Ну хватит, хватит, поцелуйка моя». Я всегда очень волновалась за её здоровье. Несколько общих наркозов повлияли на сердце. Часто она чувствовала боль. Вот и сейчас, я шла и боялась за неё. А перед глазами, не знаю почему, словно киноплёнка, шли воспоминания.

Мы опять в Курске втроём. Мама, дядя Ваня и я, едем в такси, куда-нибудь перекусить.

Мой отчим останавливает машину у каждого киоска, который встречается на пути, и каждый раз покупает мне плитку шоколада. Маленький карманчик на платянице уже не помещает их, отчего я прихожу в неопикуемый восторг. Мы заходим в ресторан, садимся за стол. Мне не интересно так сидеть и ждать, когда официант обслужит нас. Я маленькая, ухожу бродить по красивому залу. Дядя Ваня опять даёт мне денег на шоколад, и я иду к буфету.

Буфетчица, увидев такую необычную пару, видимо испытывает огромное любопытство. Ей явно хочется узнать, кем же приходится этот высокий блондин безной красавице. Она спрашивает меня: «Кто там сидит, твой папа?». И я со всей детской чистотой и наивностью, да ещё и ревностью к маме, отвечаю ей: «Нет, это не мой папа. У меня есть свой, только я не знаю, где он сейчас».

«А, ясно», почему-то радостно восклицает буфетчица. Я возвращаюсь обратно и рассказываю маме, о чём был разговор. Мамочка, несколько огорчённая, говорит мне: «Доченька, это очень взрослый вопрос, который можно задавать только взрослым. Например — мне. В следующий раз ты не отвечай на такие вопросы и говори — спросите, пожалуйста, у мамы. Или коротко — да. Потому что в данный момент дядя Ваня и есть твой папа. Он воспитывает и любит тебя». Как права была она, спокойно и терпеливо разъясняя жизненные ситуации, помогая мне разобраться в сложных вопросах жизни. Разные люди смотрели на маму по-разному. Одни с сочувствием, другие из простого любопытства, как эта буфетчица.

В Библии говорится, что Бог — это любовь. Красота спасёт мир. Так вот моей мамочке, прошедшей большие жизненные испытания, Бог всё-таки назначил быть красивой и любимой. А сейчас — я молча шла и не могла по-

нять, почему эти далёкие воспоминания нахлынули на меня. Может быть, это начало предстоящего расставания с мамой. Любовь, безграничная любовь к матери, тревога, боязнь за неё разрывали моё сердце, я уже скучала о маме, ещё не расставшись с ней.

Воспоминания не оставляли. Вот, в очередной раз, мы ужинаем всё в том же ресторане. За ближним столом сидят несколько офицеров. Вижу, как один из них, высокий красивый брюнет, направляется к нашему столу. Он галантно раскланивается перед мамой и, спросив разрешения у отчима, приглашает её на танец. Он и его друзья пришли позже и не могли видеть, что мама инвалид, что её костыль, без которого она не может встать, лежит под столом. Мы как раз и приехали в Курск, чтобы заказать новый протез, потому как старый не годился. Мама вежливо отвечает на приглашение:

«К сожалению, я не танцую», — говорит она, но он не уходит. Мама вновь повторяет сказанное. Отказ не принимается. Молодой человек возвращается к друзьям. Вижу, как он с обидой что-то объясняет им. Я вся внимание, и с интересом наблюдаю за этой картиной. Мне так хочется подойти к этому стройному офицеру и сказать о том, что моя мамочка больше всего на свете любила танцевать. Она не раз говорила мне об этом, но сейчас она не может танцевать, потому как у неё нет ножки.

Мы поужинали и собрались уходить. Я всё наблюдаю. Дядя Ваня достаёт костыль и подаёт маме. Он бережно подставляет свой локоть, на который другой рукой она опирается. Мы уходим. Боже мой! Все офицеры, увидев эту картину, встали и вышли следом за нами. Они что-то сказали отчиму, затем, по очереди подойдя к маме, целовали ей руку.

Моя любимая мамочка, какая же ты у меня прекрасная! Я плакала. Мама, тоже растроженная, через силу улыбаясь, говорила мне: «Доченька, что ты, не плачь. Всё хорошо!».

Красота и любовь движет миром. Они всё побеждают. Это доказала моя мамочка. Сейчас, с высоты прожитых лет, я анализирую. С мамой я прожила всего девять лет. Что за это время она могла мне дать? Без неё, я убежала в школу. Когда она приехала из госпиталя, я перешла во второй класс. Закончив десятый, получила аттестат и сразу уехала в Москву. Это так мало, всего девять лет прожила я с ней. Но! Это и очень много. Это — оставшийся в памяти, на всю жизнь, вкусный запах материнского тела, это ласкающая твою голову рука матери, это материнский поцелуй, это — огромная духовная защитная стена. Наконец, материнская забота и любовь. Как же это много! А наука быть женщиной!

Она всегда старалась передать нам с сестрой удивительную способность быть любимыми, умение перевоплощения, старание быть всегда красивыми, ухоженными, неповторимыми. Старалась объяснить, как

это важно для девушки. Вместе с тем, учила стойкости, смелости и независимости. Она никогда не плакала, не разрешала и нам плакать по пустякам. Когда нас кто-то обижал, говорила: «Сами виноваты, надо уметь давать сдачу».

Каждое утро, встав после сна, она как бы плавно переходила в другой, только ей принадлежащий мир. Приводила в порядок своё лицо, волосы, убиралась в своей комнате. Как у Экзюпери: « Утром приведи в порядок себя, затем свою планету». Как Патриция, в романе Эриха Марии Ремарка «Три товарища», она, вглядываясь в зеркало, тонкими штрихами доводила до совершенства свои прекрасные черты лица, там, где, как ей казалось, поленилась природа. Карандашиком подводила бровки, подкрашивала губки. Когда, наконец, она вышла к нам, мы не могли оторвать от неё глаз. А как она одевалась! Обладая врождённым, безукоризненно тонким вкусом, она знала, где купить самые лучшие, самые красивые и дорогие платья. Дешёвой одежды она не носила, и нам не покупала. Тогда не было синтетических материалов, в моде были натуральные шелка. Её крепдешиновые, креп-жоржетовые, креп-сатеновые платья, пахнущие любимыми рижскими духами «Белая Сирень», всегда вызывали у меня какое-то фантастическое головокружение. Мама была настоящей женщиной, поэтому её все любили.

Самое главное для любого ребёнка, это то, что передаётся с молоком матери. Как хорошо, что мама кормила нас своим грудным молоком, когда мы были совсем маленькими.

По сей день со мной тепло маминых объятий, её нежные поцелуи, мудрые сильные слова поддержки. Это счастье, что судьба вернула мне маму. Жизнь ребёнка, освещённая светом материнской любви, — красивая, полноценная жизнь.

Когда оставалось пройти совсем немного, мама, издали увидев кого-то, остановилась и вывела меня из тумана воспоминаний. Навстречу шел неприметный пожилой и, по всему было видно, очень одинокий человек. Это был мой отец. В самом деле, к тому времени отец был одинок. Всего три месяца назад он похоронил свою жену, с которой прошёл длинный жизненный путь.

Он встретил её, в своей опалённой революции юности, в подпольном марксистском кружке, ещё в Коломне, где жил тогда. Они вместе боролись против царизма, не однажды были приговорены к расстрелу, чудом спаслись. Жили они в гражданском браке. Тогда это было в порядке вещей. Она очень любила его, заботилась о нём, и он отвечал ей тем же, но у них не было детей. Видимо, это послужило их разрыву тогда, когда отец встретил мою маму, которая родила ему сына и дочь.

Прочувствовав, что у него появилась новая семья в другом городе, Пелагея Михайловна — так звали её, приехала к маме. Когда она увидела молодую красивую женщину, она взмолилась, чтобы мама оставила отца: «Ты молодая, у тебя вся жизнь впереди, не отнимай его у меня». Мама тогда сказала ей: «Я его у вас не отбирала, он сказал, что свободен и показал мне чистый паспорт. Пусть решает сам, с кем ему жить».

На самом деле, мама очень переживала этот разговор, и говорила мне, что если бы отец тогда вернулся к этой женщине, она не стала бы его удерживать, как бы тяжело ей ни было. Неизвестно, как в дальнейшем сложились бы их жизнь, но после войны отец, не найдя нас, вернулся к своей боевой подруге. Они усыновили мальчика — сына её племянницы, вырастили и дали ему высшее образование. К моменту моего приезда их приёмный сын уже был женат.

Всё это время отец не прекращал поиски и только через восемь лет нашёл нас. Конечно, Пелагея Михайловна переживала, что у него нашлась родная дочь. Но Божественному провидению было угодно не допустить нашей встречи. За три месяца до моего приезда она умерла. Отец остался один. И вот я, наконец, вижу своего отца. Мне, тогда ещё — девочке, не достигшей шестнадцати лет, при той первой встрече показалось, что отец был очень похож на Ленина. Выросшая и воспитанная школой в духе коммунистических идей, постоянно видевшая в учебниках портрет вождя, я ассоциировала образ отца с его образом.

Отец был из того поколения, которое делало революцию. Старый большевик, отдавший молодость на свержение самодержавия, как и многие, подражал вождю, видимо, поэтому и походил на него. Невысокого роста, в такой же кепочке, как у Владимира Ильича, он казался усталым и старым, словно уже прожил всю свою жизнь. Но обо всём этом я узнаю значительно позже, а сейчас мама, легонько и нежно подтолкнула меня к нему, коротко сказав: «Вот твой отец».

Еще не понимая до конца смысл этих слов, я какой-то непонятной силой кинула себя навстречу этому старому человеку и со слезами прошептала: «Папа!». Два чувства тогда сверлили мою душу, одно — чувство какого-то насилия, которое я делала над собой, другое — огромное разочарование. Не видя и не зная отца, я гордилась им и представляла его совсем другим. Но, тем не менее, в душе я понимала, что поступила справедливо по отношению к старому, одинокому, как мне тогда показалось, но родному отцу, которому я была обязана появлению на белый свет.

Жизнь, которой я жила ещё совсем недавно, не оставляла меня, мне опять вспомнилось мое детство. В один из летних месяцев, когда я была в пионерском лагере, ко мне на такси приехала мама со своим будущим

мужем. Это было спустя два года после войны, она уже была без ноги и поэтому не вышла из машины, чтобы не обращать на себя излишнего внимания. Красивая, молодая и счастливая, оттого что рядом любимый и что скоро увидит свою девочку, мама спокойно смотрела, как дети, не понимая, почему она не выходит, любопытно и озорно заглядывали в окна и открытые двери такси. Я с пионерским отрядом была на речке и увидела, как по противоположному берегу реки бегут ребята и кричат: «К тебе приехал папа, беги быстрее». Ничего не понимая, я тогда остановилась как вкопанная и не могла сдвинуться с места.

Ребята с недоумением окружили меня и, подталкивая вперед, продолжали объяснять, но я не слышала их. В тот момент мое детское сердце сжалось от щемящего чувства пережитого одиночества, когда я жила с бабушкой в деревне и ещё не знала, что у меня есть мама. Оно совсем недавно покинуло меня. И вот теперь это душевное смятение вдруг вернулось. Тревога охватила с новой силой: «Папа, да неужели!» В голове промелькнуло: «Это не ко мне. У меня нет папы». Мама искала его после войны и не нашла. Во всяком случае, до сегодняшнего момента мы ничего о нем не знали.

Наконец очнувшись, стремглав бросилась навстречу неизвестности. Быстро преодолев длинный берег, я с разбегу повисла на высоком красивом мужчине в офицерской форме, даже не посмотрев на него. И только когда оказалась в крепких руках, мельком взглянув, поняла, что это не папа, а мамин знакомый, которого я уже видела дома и к которому страшно ревновала маму. Вокруг нас собрались взрослые работники лагеря и ребята. Все с радостью и любопытством наблюдали эту картину. Делать было нечего, надо было не показать своего разочарования. Несмотря на обиду и душевное волнение, я вдруг почувствовала, как огромная радость и гордость за этого красивого, молодого человека, считавшегося в этот момент моим отцом, заполнила все моё существо. Всем своим видом я говорила: « Вот смотрите, какой у меня папа», и очень гордилась им. Когда же я увидела своего отца, то глубокое разочарование наполнило мою душу. Я и представить себе не могла, что когда-нибудь буду гордиться им. Но, тогда, отец молча прижал меня к себе, проглатывая подступивший к горлу ком, и долго не разжимал объятия.

(Продолжение следует)

Виктор СОКОЛОВ

ВНУЧКА ВОЖДЯ*

К концу 1996 года положение дел в Городском добровольном обществе профессиональных литераторов «Москва» в основном стабилизировалось. Были погашены долги прошлых лет, проведен ремонт помещений и фасада здания. В нашем противоборстве с Мосгорюстом за право называться «Московским союзом литераторов» наметились положительные тенденции. Пришла пора укреплять организацию изнутри.

Из четырех творческих секций, существовавших к тому времени в ГДОПЛ «Москва», в самом плачевном состоянии находилась секция прозы. Ее председатель практически не уделял внимания секции, творческая жизнь в ней заглохла, собрание членов, обсуждение новых книг коллег не проводились. Опасаясь быть не переизбранным на новый срок, председатель в течение нескольких лет не проводил ежегодных отчетно-выборных собраний и занимался какими-то одиозными проектами — издавал газету «Нео-Сфера», которую никто не читал, разрабатывал идею графического нанесения великих мыслей на негорючие материалы, чтобы сохранить их в вечности, обсуждал со своими единомышленниками, не членами организации, вопросы влияния различных сфер Космоса на политическую, социальную и прочие стороны жизни человечества и в частности России. Если кратко суммировать направленность его «кипучей деятельности», то можно ее свести к решению проблемы влияния лунного света на рост телеграфного столба. Все это мне, да и другим, изрядно надоело. Я аргументировано переговорил с председателем секции и настоятельно посоветовал ему взять самоотвод на отчетно-выборном собрании, что и было им сде-

* Из подготовленной к изданию книги воспоминаний «Ухабы жизни, или превратности судьбы». Публикуется в авторской редакции.

лано, хотя и с большой неохотой. Однако принять знамя из рук бывшего председателя желающих не удалось. Не буду описывать, как заново создавался актив секции прозы, как наконец была найдена достойная кандидатура председателя секции (им оказался недавно вступивший в нашу организацию Джангули Борисович Гвилава, ныне заведующий отделом сатиры и юмора газеты «Московский комсомолец»), как был брошен клич к прозаикам Москвы и Московской области вступить в ряды нашей организации. Желающие нашлись. И где-то дней за десять до наступления 1997 года пришли сразу человек двадцать, и состоялось общее собеседование.

Чтобы больше не мучить читателя длительным подходом к основной теме данной главы, отмечу только, что по результатам этого собеседования кандидатуры 16 соискателей были отклонены и принятыми в члены оказались только четыре человека. Среди них выделялась черноволосая женщина средних лет, с приятными чертами смуглого лица. И мне показалось, что я это лицо где-то уже видел. Женщина представилась Галиной Яковлевной Джугашвили. Это была дочь Якова Джугашвили, старшего сына Сталина. Черты ее лица поразительно напомнили облик вождя. Когда мы познакомились ближе, я как-то пошутил: «Галина Яковлевна, если на Вас надеть военную фуражку и приклеить усы, то это будет точный портрет Вашего дедушки».

Я не могу сказать, что между нами установились дружеские отношения, но они были искренними и доверительными. Мне приятно сознавать, что три ее книги с дарственной надписью стоят в моем книжном шкафу. На титульном листе первой книги «Дед, отец, Ма и другие» написано: «Виктору Анатольевичу с уважением и большой симпатией. 27.11.97». Держу в руках эту книгу, и если бы не фамилия автора и фотографии на внешних и внутренних сторонах обложки, то можно было бы подумать, что это правдивый рассказ какой-то девочки о своем детстве, в котором были отец и мать, бабушка, другие родственники, например, тетя Света и дядя Вася. И нет в этой книге никакой звездности, экстраординарности. В отношениях с людьми Галина Яковлевна была очень избирательным человеком и не допускала в свой круг тех, к кому не испытывала доверия.

Родилась Галя 19 февраля 1938 года «...вся в тоненьких черных волосках», так начинается ее первая книга, и отец тут же окрестил ее Галчонком, а родные и близкие ласково называли ее Гулей. «Много людей, шум, говор. Среди них человек с толстой черной полоской над губами. Я не спускаю глаз с полоски, вот он уже передо мной. Руки его тянутся ко мне, вскидывают наверх. Полоска начинает колоть щеки. Я ору и кручу головой, и оказавшись на полу, объясняю: «Усы колотятся!». Это — первое осознанное общение с дедом, о котором вспоминает Галина Яковлевна. На ее долю выпала нелегкая жизненная судьба.

По сути дела счастливыми и безоблачными оказались лишь первые три довоенных года. Тогда она часто сидела на коленях своего деда. Затем пришла война, пропал без вести ее отец, старший лейтенант Яков Джугашвили. Позже была арестована и отправлена в ссылку ее мать, Юлия Мельцер.

Последующие годы Галя воспитывалась няней, Евдокией Ивановой Чернобаевой, которую называла Дюннюня. Галя любила свою няню, с ней можно было поиграть, она была ее заступницей и перед шестнадцатилетней тетей Светой, принявшей на себя роль маленькой мамы, и перед бабушкой Аллилуевой, пытающейся постоянно опекать девочку, оставшуюся без родителей. Но однажды Галя повздорила с няней и сказала, чтобы та собирала свои пожитки и уходила из дома. Дюннюня долго нехотя собирала свои вещи. Наконец стукнула закрывшаяся дверь. Гале стало жалко няню и себя. Что делать, кому высказать свое горе? Девочка бросается к телефону и набирает номер деда. Тот берет трубку. В кабинете слышатся другие голоса. Видимо идет совещание. Галя рыдает в трубку и требует, чтобы дед сейчас же приехал. И что же ты думаешь, мой дорогой друг — читатель? Через 15 минут послышался скрежет лифта и дед вошел в квартиру. Внучка повисла на нем, пакчая пиджак зареванным лицом. Как вспоминает Галина Яковлевна, дед сначала предположил, что произошло что-то серьезное, но начав слушать сбивчивую речь внучки, стал успокаиваться и терпеливо ждал конца рассказа. Потом он развел руками и произнес: «Я тебя не понимаю. Ты же взрослый человек! На черта тебе все эти Дюннюни-Шманюни! Пригласи к себе друзей, знакомых. Сама сходи в гости. Послушай радио!» Галя всхлипнула, что у нее нет радио. Через неделю дед подарил ей прекрасный по тому времени транзистор «ВЭФ». По воспоминаниям Гали, дед вообще любил делать подарки. Так началась ее самостоятельная жизнь.

В марте 1953 года, когда дед умер, Гале исполнилось 15 лет. Через три года прошел XX Съезд КПСС и было опубликовано известное «Постановление о культе личности». Под напором антисталинской волны дочь Сталина Светлана взяла себе фамилию матери — Аллилуева. Галя же фамилию менять не стала. И носила ее с честью и достоинством до своего последнего дня. Когда она подавала заявление о поступлении в МГУ, у нее не хотели принимать документы. И все же она поступила на филологический факультет этого самого лучшего учебного заведения страны, успешно сдав вступительные экзамены. После окончания университета Галина Яковлевна продолжила учебу в аспирантуре, защитила кандидатскую диссертацию, став кандидатом филологических наук. Из под ее пера вышло более 30 литературоведческих статей и монографий по различным аспектам филологии и языкознания.

Длительное время она изучала фольклор стран Магриба (Северной Африки), публиковала исследования на эту тему, занималась рецензированием и переводом художественных произведений французских, канадских и фран-

коязычных африканских авторов, которые печатались в таких престижных издательствах, как «Прогресс», «Наука», «Художественная литература», «Олимп», «Союздизайн». Ее рассказы и повести публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Свет».

Галина Яковлевна была блестящим переводчиком зарубежной художественной литературы. В юбилейном Альманахе, посвященном 70-летию Московского союза литераторов, который вышел в мае 2007 года, опубликован рассказ Жака Феррона «Как умирал старик» в переводе с французского Галины Джугашвили.

Галина Яковлевна не любила давать интервью и всячески от этого воздерживалась. Она опасалась, и не без причины, что ее слова могут быть вырваны из общего контекста или переиначены, так как хорошо знала, что целью большинства журналистских интервью является погоня за жареными фактами.

К примеру, Галина Яковлевна приводит в первой книге свои детские воспоминания о том, как известная в светских кругах портниха Альбина шепотом сказала ей на ухо, что согласно якобы «совершенно подлинным» документам ее дед «вовсе не сын Пржевальского и Катерины — матрасницы (о чем знает весь свет), а Пржевальского и некой грузинской княжны «очень, очень» знатного происхождения. По словам портнихи, плод их любви — ребенок — был подкинут Катерине Джугашвили, а в бумагах Пржевальского якобы «действительно существовали пометки о деньгах, переведенных Катерине». Галина Яковлевна продолжает: «...Рассказчик удовлетворен и держит эффектную паузу. Он настроен на пикантный лад. Я подыгрываю, делаю большие глаза и всей фигурой выражаю крайнее изумление. Зачем отрывать его от маленьких радостей, задав не взрослый и скучный вопрос: «А почему Пржевальский не мог быть просто добрым человеком? Ну видел, как Катерина с большим животом колотится на поденке. Может, перекинулся с ней двумя-тремя словами, нашел смышленной, пожалел...».

И что из этого следует? Да ничего. Ведь известный путешественник и географ Николай Пржевальский никогда в Гори и даже в Грузии не был, а в период с января 1878 года до конца 1881 года находился в длительном путешествии по Китаю и Тибету. Тем не менее, некоторые авторы, поддерживая версию об отцовстве Пржевальского, делают ссылки на то, что и внучка Сталина утверждает, что-де Пржевальский посылал деньги ее прабабушке. А утверждала это не внучка вождя, а портниха Альбина. Внимательно надо читать, господа! К тому же далее в своей книге Галина Яковлевна приводит и другие версии, с которыми ей пришлось встречаться. Согласно этим версиям, в качестве отца Сталина называли и двух или трех местных князей, и богатого соседа домовладельца, и заместника российского самодержца в Грузии и даже некую персону царского происхождения. Не обошли своим вни-

мание горе-романисты и прадеда Галины Яковлевны, сапожника Виссариона Ивановича Джугашвили, уверяя, что «...даже и фотография его не фотография вовсе, а то ли муляж, то ли подретушированный снимок самого Деда».*

Не могу не отметить, что Галя всегда по-доброму и с сочувствием относилась к своему дяде Василию Сталину, называя его просто Вася. И что бы ни говорили и ни писали, и в чем бы его ни обвиняли, она своего мнения не меняла.

А судьба у Василия Сталина сложилась истинно трагически. Он родился в 1921 году и был старше своей племянницы Гали на 17 лет. По завершении школьного обучения окончил Качинское летное училище. С первого до последнего дня войны на фронте, в действующих частях, где командовал полком, затем дивизией. Сослуживцы характеризуют его как смелого, волевого и отчаянно храброго пилота, не боящегося риска, в связи с чем командование было вынуждено запретить ему самостоятельные вылеты на боевые задания. Василий был хорошим организатором, он сумел разработать и внедрить в практику боевых вылетов такую систему, в результате которой летчики его полка сбили за один день 34 самолета противника. Этот рекорд до конца войны не был превзойден.

Привожу воспоминания дважды Героя Советского Союза генерал-полковника авиации, одного из лучших воздушных асов Великой Отечественной войны, Виталия Ивановича Попкова, воевавшего в дивизии, которой командовал Василий Сталин. Попков отзывается о Василии Сталине как о хорошем и заботливом командире, отличном и душевном человеке, в чем он убеждался не раз. «Однажды уже в Берлине в конце войны в нашей столовой, — вспоминает Попков, — к Василию вдруг подошла старушка, наш повар, которая была с ним на фронте четыре года. Говорит, что дочка у нее поступала в Московский университет, экзамены хорошо сдала, а ее не приняли потому, что, дескать, она — дочка какой-то поварихи. Василий ей говорит: «Мама, не бойся, она будет там». Я подумал, что сразу после ужина вряд ли этот известный человек вспомнит, что дал старушке слово. А он ночью позвонил самому Молотову, и уже утром из Москвы перезвонили дежурному — дочка поварихи была зачислена в МГУ».**

Попков приводит и другой эпизод. «Как-то летчики моего полка посетили ресторан и там подрались с союзниками. Очень скоро приехали американские и английские генералы, хотели проехать к нам на аэродром, но часовой их не пустил. Они около ворот стали и потребовали командира дивизии. Василий вышел, а они ему гневно — вот ваши летчики в ресторане напились, достали список — вот их имена. А он им отвечает — это ваши офицеры по

* Г. Джугашвили. «Дед, отец, Ма и другие». М.: «Олимп», 1993. С. 13–14.

** Журнал «Моя Москва». 2005. №2 (102), с. 44.

ресторанам ходят, а у нас свой клуб есть. Короче говоря, отшил он их. Спросил меня, кто там на самом деле был? Я сказал, все, кто в списке у союзников. А в то время всех, кто попадал к американцам или англичанам, сразу же отправляли в Россию и увольняли без пенсии. Ну не выгонять же восемь боевых летчиков, он только отчитал их...»

Василий Сталин после войны командовал военно-воздушными силами Московского округа. Дослужился до звания генерал-лейтенант авиации. Много сделал для развития армейского спорта. Создал великолепную футбольную команду ВВС. Патронировал соревнования по велосипедному спорту и мотогонкам. Его усилиями был построен плавательный бассейн на Ленинградском проспекте рядом со станцией метро «Аэропорт». Это был единственный в Москве бассейн с длиной водных дорожек в 50 метров.

Однако Василий не зря говорил: «Я живу до тех пор, пока Он жив!», имея в виду своего отца. К умирающему Сталину детей вызвали только 2 марта 1953 года, когда вождь уже лишился речи и не мог ничего сказать им. Тем не менее, по воспоминаниям Светланы, Василий еще при живом отце начал кричать, что того убили. Он был уверен, что отца отравили. В дни похорон он был в ужасном состоянии, обвинял правительство, врачей. Берия был вынужден отвести его от гроба отца на сторону и угрожающе прошипел: «Вася, замолчи!». Но и после похорон сын не унимался, а в Политбюро между тем шла борьба за власть, делили должности. Неадекватный сын вождя абсолютно всем путал карты. Ему предложили на выбор службу в любом военном округе кроме Московского — Василий отказался. 26 марта его уволили из армии — унижительно, без права ношения формы. Тогда Василий сказал в чьем-то присутствии, что хорошо бы рассказать иностранным корреспондентам о том, как отравили отца. Кто-то немедленно об этом сообщил куда следует. Через месяц Василия арестовали за «антисоветскую агитацию и пропаганду, а также злоупотребление служебным положением». По приговору военной коллегии Верховного суда СССР он был отправлен в самую суровую тюрьму — Владимирский централ, где под вымышленной фамилией Васильев отбыл восемь лет срока от звонка до звонка. В тюрьме он заработал кучу болезней, в том числе тромбофлебит. После выхода на волю был сослан на поселение в Казань, где и скончался 19 марта 1962 года.

Уже в наши дни военные юристы сняли с Василия Сталина обвинения по пресловутой статье 58-10, часть 1 УК РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда». А в части обвинения по «злоупотреблению служебным положением и преступной халатности» коллегия переквалифицировала статью 193–17 пункт «б» УК РСФСР на ту же статью, но пункт «а», который исключает «особо отягчающие обстоятельства» и попадает под амнистию 1953 года.

Так, спустя почти сорок лет со дня смерти Василия Сталина, с него формально сняли обвинения, по которым он был арестован.

Последние пять лет жизни Галина Джугашвили полностью посвятила отстаиванию честного имени своего отца. Основываясь на рассекреченных материалах в России и других странах, она вместе с известными историками и журналистами практически доказала, что эпизод пленения немцами в июле 1941 года командира артиллерийской батареи Якова Джугашвили и нахождение его в немецких лагерях до 1943, не что иное, как мистификация Абвера. Такого же мнения, в частности, придерживается доктор исторических наук Сергей Девятов, впервые озвучивший эту версию на состоявшемся в апреле 2007 года «Круглом столе», посвященном рассекречиванию материалов из архивов ФСБ России.

В своем интервью, опубликованном в июле 2007 года в газете «Комсомольская правда», Галина Яковлевна утверждала, что все десять снимков, обнародованных немцами в подтверждение пленения Якова Джугашвили, «изготовлены путем фотомонтажа с применением обильной ретуши и приема «зеркального отражения». Вся эта история «широкомасштабная провокация, затеянная немцами, которые, конечно, прежде всего, пытались нанести удар по деду», — подчеркнула Галина Яковлевна в конце интервью.

Возможно, что именно эта работа отняла у Галины Яковлевны много сил и здоровья. Незаметно подкралась коварная болезнь, с которой хрупкая женщина боролась в течение двух последних лет. Врачи сделали все возможное, чтобы облегчить ее страдания, однако болезнь взяла верх. Галина Яковлевна Джугашвили скончалась в главном военном клиническом госпитале имени академика Бурденко 27 августа 2007 года. Это был добрый, интеллигентный, тактичный, деликатный, порядочный во всех отношениях человек. С ней было приятно беседовать, она умела слушать собеседника, но вместе с тем умела твердо отстаивать свое мнение, свою точку зрения.

Мне довелось присутствовать на траурной панихиде. Не могу сказать, что собралось много народу, чувствовалось, что чужаков здесь нет. Это были родственники, настоящие друзья и хорошие знакомые Галины Яковлевны. Что мне бросилось в глаза, так это отсутствие какого-то ажиотажа. Не было причитаний, оханий и аханий, показного славословия, фальшивой скорби, чем часто сопровождаются подобные процедуры. Панихиду открыл Александр Васильевич Бурдонский, сын Василия Сталина, двоюродный брат Галины Яковлевны. Бурдонский — известный театральный режиссер, многие годы работает в Центральном театре Советской (Российской) Армии. Он был простужен и не совсем здоров. Тем не менее, с большой любовью и теплом рассказал, каким человеком была Галя. Ей была не свойственна какая-либо практичность, она слишком доверяла людям, и ее можно было легко обмануть, если кто-то хотел это сделать.

Поэтому родные и близкие, в том числе и Александр Васильевич, брали на себя различные житейские заботы, чтобы Галя не втягивалась в них. Затем выступила ближайшая Галина подруга, Тинатин Давидовна Эгнаташвили, которая дружила с Галей с юных лет. Тинатин — правнучка князя Эгнаташвили, у которого работали и сапожник Виссарион Джугашвили и его жена Катерина.

Я попросил слово третьим. Во время выступления у меня внезапно перехватило горло, к глазам подступили слезы, стало трудно дышать, и я с трудом закончил свою прощальную речь. Позднее заметил, что в этот миг остановились стрелки моих часов, которые безотказно служили мне в течение 30 лет. После этой чрезвычайной остановки часы продолжают бесперебойно работать. Выступили и другие родственники Галины Яковлевны. Я обратил внимание на то, что хотя некоторые выступавшие говорили с национальным акцентом, их речь была яркой, выразительной, на хорошем русском языке. От их слов веяло высоким достоинством и благородством. И Александр Бурдонский, и другие выступавшие перед гробом Галины Яковлевны, отмечали, что дети и внуки вождя несли и несут на своих плечах огромную ответственность, и никто из них ничем не запятнал своего имени, фамилии и принадлежности к роду. Все они достигли определенных высот в избранной ими профессии. Последние прощальные слова произнес муж Галины Яковлевны, который пригласил всех присутствующих, после захоронения на Новодевичьем кладбище, принять участие в поминальном обеде. Я на обед не поехал, так как кроме Галины Яковлевны не был ни с кем знаком, и испытывал некоторое неудобство, как бы кто-нибудь не подумал, что я хочу, если так можно выразиться, «примазаться» к известной семье.

Через пару дней позвонил муж Галины Яковлевны и выразил сожаление, что не увидел меня на поминальном обеде в день похорон. Я честно объяснил ему причину моего отсутствия. «Давайте исправим это положение», — сказал он. — Приходите на девять дней. Сбор у входа на Новодевичье кладбище». В этот день народу было немного. Пришли только самые близкие люди, и мне было приятно оказаться в их числе. Галю похоронили рядом с детьми Василия Сталина — Иосифом и Надей. После возложения цветов поехали на квартиру Тины — лучшей подруги Галины Джугашвили. Тинатин Давидовна Эгнаташвили в юности была ответственным комсомольским работником в Грузии. Выйдя замуж за русского, она переехала в Москву, где живет уже много лет. Она является заместителем директора Московского городского Дворца детского и юношеского творчества на Воробьевых горах, заведующей Центром экологического образования, членом-корреспондентом Академии естественных наук. В машине всем места не хватило. Мы с мужем Галины Яковлевны проследили, чтобы посадить в машину женщин, а сами поехали на метро.

Хосин Бенсаад, будущий муж Галины Яковлевны, родился в Алжире, участвовал в общественном движении против французской колонизации страны. В середине 50-х годов приехал в Москву поступать в институт. Он хотел стать хирургом, но профессор, проводивший собеседование, сказал, что не видит его в медицине и, похвалив его аналитические способности, посоветовал заняться математикой. Хосин последовал этому совету и подал документы на математический факультет МГУ. В университете он и познакомился с Галиной Джугашвили. Молодые люди полюбили друг друга и решили пожениться. Но официальные власти не давали согласия на регистрацию их брака. И только через 7 лет им удалось сделать это. У них родился сын Селим. Когда мальчик начал ходить и произносить первые слова, выяснилось, что у него отмечаются недостатки слуха, зрения и речи. И вот здесь проявился железный характер Галины Яковлевны. Она ежедневно тренировала речь сына, водила его к специалистам по зрению и слуху. В результате эти врожденные недостатки были сведены к минимуму. Ее муж договорился с одним известным французским врачом, который согласился осмотреть Селима и дать родителям консультацию. Но семью не выпустили во Францию.

Разрешение на получение загранпаспорта, а заодно и алжирской визы, Галя получила только в 1987 году. Хосин давно хотел показать жену и сына своим родственникам в Алжире. Однако Гале пришлось ехать на родину мужа одной. Сына оставили в СССР в качестве гаранта возвращения его матери. Работники КГБ не забыли печальный пример дочери Сталина Светланы, когда ей разрешили выехать в Индию для захоронения праха ее мужа — индуса.

Селим успешно закончил школу, у него обнаружились способности к рисованию, дизайнерскому искусству, но найти работу по душе было трудно из-за его врожденных недугов. В это время я познакомился с профессором, грузином по национальности, который заведовал кафедрой в техническом вузе. Он имел свое издательство. Оно выпускало научные журналы, а также журнал по классической музыке. Со временем, а это было в 2000 году, профессор решил издавать литературный журнал «Золотое перо». Для того, чтобы сделать журнал успешным и раскупаемым, требовалось подобрать авторитетную, деятельную редакционную коллегию, а также иметь в портфеле редакции произведения известных талантливых прозаиков, поэтов, публицистов. Однако этого сделать не удалось. И через несколько лет журнал прекратил свое существование. Но когда формировался состав редакции, я обратился к профессору с просьбой взять на работу Селима в качестве художественного оформителя или дизайнера и рассказал о его способностях. Однако поддержки в этом вопросе я не получил. Профессор не отказал, но и ничего не сделал, чтобы помочь. Видимо, испугался звучной фамилии

матери. Селим женился на русской девушке и работает сейчас в одной успешной фирме. Есть основания полагать, что в скором времени он собирается сделать своего отца дедушкой.

Хосин, муж Гали, еще будучи студентом третьего курса, опубликовал несколько интересных научных работ и был зачислен в аспирантуру университета. Однако защититься в СССР не удалось, и он это сделал во Франции. Многие годы доктор наук Хосин Бенсаад является ответственным сотрудником Организации Объединенных Наций. В качестве эксперта-консультанта Управления чрезвычайными ситуациями и сокращения риска стихийных бедствий он часто выезжает в командировки в различные регионы мира.

Со дня смерти Галины Яковлевны прошел год. Я перечитывал ее первую книгу «Дед, отец, Ма и другие». Раздался телефонный звонок. Это был Хосин. Он пригласил меня принять участие в поминальном обеде, устраиваемом в память его покойной супруги. Мы сидели в уютном грузинском ресторанчике на Большой Ордынке. На столе, как всегда, были грузинские и алжирские вина. Собралось 12 человек. Получилась теплая, непринужденная беседа. Каждый старался вспомнить что-то хорошее о Галине Яковлевне, портрет которой стоял в торце стола. Через три дня Хосин улетел в очередную служебную командировку, по возвращении из которой занялся поисками в архивах кандидатской диссертации Галины Яковлевны, чтобы издать ее отдельной книгой.

Хорошие люди не умирают. Они остаются жить в наших сердцах.

Виктор КРОТОВ

ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК

Жорик приехал не откуда-нибудь, а таки из Одессы. Мы носили одну с ним фамилию, хотя на восстановление цепочки родства ушло не меньше четверти часа первоначального знакомства. А потом я сделал небольшую ошибку.

«Понимаешь, — объяснял я потом жене, — Жорик показался мне таким молоденьким и стеснительным. Мне хотелось дать ему возможность раскрыться. Поговорить о том, что он знает и любит».

Его прислали на курсы повышения квалификации. Я наметил про себя ободряющий ход разговора, который должны были направлять мои расспросы. Что-нибудь в таком духе: «Чем вы занимаетесь, Жорик? Что происходит интересного в вашей области? Чем увлекаетесь на досуге? Хватает ли времени на ребёнка?» Но первого вопроса оказалось более чем достаточно.

В течение следующих трёх часов мы узнали о нем столько, сколько смогли вместить. Невысокий милый Жорик, сохранивший ещё на щеках юношеский румянец, оказался инженером по мукомольному оборудованию. Мы узнали, как очищают зерновую массу от примесей с помощью сепараторов, как работают обоечные машины и вальцовые станки, как на рассевах готовится крупка для сортового помола, как в выбоинном отделении производится автоматическая засыпка и взвешивание мешков. Мы получили сведения обо всех нюансах отличия отечественного оборудования от импортного. Мы лихорадочно пытались запомнить, на случай острой необходимости, как следует оформлять акт приемки агрегата и где можно провести холодную ночь, если ты приехал в командировку воскресным вечером и не смог пробыть в единственную гостиницу провинциального городка. Мы снова ознакомились с соединяющими нас и расходящимися в стороны родственными линиями, узнав множество трогательных под-

робностей из жизни каждой семьи. Переходных вопросов не требовалось. Мы узнали, чем Жорик занимается дома, как зовут всех кукол его маленькой дочки и сколько времени тратит на генеральную уборку его жена.

Нельзя сказать, что наша жизнь на это время замерла. Мы неторопливо пообедали, по очереди с женой помыли посуду (второй из нас оставался на посту слушателя) и краем глаза посмотрели «Кинопанораму». Потом устроили чаепитие, снова помыли посуду, и жена, немного поколебавшись, начала штопать свитер. Сына я сразу после обеда отпустил в другую комнату заниматься своими делами: десять лет — очень занятой возраст. Но настала, наконец, пора обратиться к нему за помощью. У нас тоже было предостаточно дел.

— Антону, наверное, не терпится показать вам свой музей, — решительно выпалил я в кратком промежутке между двумя перетекающими друг в друга сюжетами.

— Музей? — вежливо удивился Жорик. — Очень интересно. Пойду посмотрю. Музей чего? — обернулся он, подойдя к двери. — Музей морр!.. — проурчал я вдохновенно и потянул к себе папку с работой.

— И обязательно попросите Антошу показать вам карты Каории, — заговорщицки прошептала Жорике жена, постепенно подвигаясь к своему столику.

Мы с женой весело переглянулись и прислушались.

— Ну-ка, Антон, тут у тебя, говорят, музей есть. Посетителей принимаешь? И карты Каории показать не забудь!

Из комнаты донесся грохот. Все в порядке. Это Антон прыгнул, сломя голову, с дивана, предвкушая сеанс просветительской деятельности. Мы снова переглянулись, улыбнулись друг другу и углубились в работу. Лишь краем уха я слышал скрип выдвигаемых ящиков (это демонстрируется коллекция орденов Какорея и подшивка газеты «Иногдашние новости»), шурушание разворачиваемых каорийских карт (климатических, физических, административных, демографических — весь постоянно пополняющийся комплект), хлопанье об стол коробками какорейского архива (то ли это свод указов Главных Законодателей, то ли сборники исторических повествований Драконезии) — и захлебывающийся голос Антона, торопящегося поделиться с гостем чудесами своей планеты...

За любимой работой время течет незаметно. Ни я, ни жена не смогли припомнить, сколько времени прошло до того момента, как Жорик возник на пороге. Румянец залил теперь его щёки целиком, а взгляд был затуманен.

— Да...

Это было всё, что сказал Жорик, усаживаясь в кресло-качалку, но всё же мне показалось, что он вот-вот вернется в прежнюю форму и... Я едва миновал половину своей синей папки. Может быть, это меня частично оправдывает.

— Ну что, Жорик, — произнес я профессорским тоном. — Три вопроса на проверку эрудиции.

В двери безмолвно возник Антон. Такой оборот событий был для него новостью. Он напряжённо переводил взгляд с меня на дядю Жорика и обратно.

— Хоть десять, — бодро отозвался родственник.

Да, он на глазах приходил в себя. Что ж, сам напросился.

— Вопрос первый. На какой высоте от уровня моря находится живописная впадина Ынш-Ынш?

Ответа я не дожидался.

— Вторым вопросом. Из какого источника пьют воду жаждущие инюки, чтобы превратиться в чинюков? И третий. Скольким тыфуколкам соответствует один арнольд при переходе от противоденежной валюты Мивландии к общекаорийской системе расчетов?

Последних слов Жорик не слышал. Уязвленный Антон, досадуя на зияющие провалы в подготовке гостя, уже тащил его к себе, шепотом начиная по дороге инструктаж повышенной интенсивности.

Некоторое время спустя я забеспокоился. За стеной было тихо. Стараясь не нарушить рабочую атмосферу, я отправился на кухню, не преминув постучаться на распахнутую дверь другой комнаты. Жорик сидел над климатической картой острова Съем и водил пальцем по изотермам. На коленях у него лежала «Большая какорейская энциклопедия». Другой рукой он придерживал, боясь потерять какое-то важное место, «Книгу об инюках и об их местообитании». Антон налаживал кассетный магнитофон.

На обратном пути с кухни я заглянул в дверь основательнее и посочувствовал:

— Ну как, нелегко?

— Пока держусь, — задумчиво ответил Жорик и замолк, отрешенно углубившись в «Энциклопедию».

Я вернулся к работе. Скоро из-за стены донеслись звуки рок-оперы «Чинюки у ворот к источнику Инес»...

Нет-нет, мы расстались друзьями. Более того, уже надев пальто и распрощавшись, Жорик вдруг подмигнул Антону и заверил его:

— Не беспокойся, я никогда уже не забуду, что живописная впадина Ынш-Ынш на тринадцать метров ниже уровня моря и что её максимальная температура июля составляет сорок восемь градусов!..

Виктор ЧЕРНЯК

БЕГУНОК

С. А., начальница отдела кадров, женщина приветливая и понятливая, сидела на корточках посреди архитектурной мастерской, освобожденной от мебели — для ремонта. Я вошел, она быстро сомкнула колени.

— Макулатуру собираю, для дочери, — объяснила она. — Дай руку.

Она поднялась. Я отошел к окну, стал ждать, пока она ногами сгребала в угол старые отчеты, чертежи, «пояснительные записки». В лучах августовского полдня суетится пыль. Окна выходят во двор, заполненный древним тополем.

По длинному коридору ходят туда-сюда сотрудники института, знакомые и незнакомые люди, командированные. Дверь настежь. Заглянул Володя, то есть Владимир Витальевич, спортивный, весь в белом — только ремень на штанах черный и часы на золотом браслете — партийный посредник между институтом и райкомом — взносы туда, инструкции оттуда. Свой в доску, но при нем все разговоры только о футболе и погоде — инстинкт самосохранения.

— Ты что ж, Соня, — сама? — посочувствовал он. — Сказала бы Лидке. Ладно, потом зайду. Все сама, сама. А ты, значит, уходишь? Куда, если не секрет?

Он заметил меня. Вообще-то мой уход ему до лампочки. Но он радуется и сожалеет одновременно. Радует, потому что еще один выскочка увольняется, сожалеет, предполагая, что я нашел место получше, в смысле зарплаты.

Неслышно, как в пьесе, появился в дверях Накриненко, не глядя нащупал на стене гвоздь для плаща. Это его мастерская. Как говорили на недавнем юбилее, он ее породил. Теперь мастерскую закрыли, официально — для ремонта. Кому лапшу вешают? Все знают: объединят с 3-й мастерской, а это значит... Значит, Накриненко больше не будет руководителем. Это он-то. О нем во всех энциклопедиях мира, а они его. По этажам гуляют слухи. На лестничных площадках, в туалетах, в мастерских и отделах — только и разговоров, даже чай

стали чаще пить, даже на улицу выходят — как бы покурить. Событие действительно редкое. А из-за чего сыр-бор? Говорят, не понял. Его новый проект театра выдвинули на премию Совмина. Никто не сомневался — талант. Будто бы Адрианов намекнул: надо включить в «авторский коллектив» одного «нужника» из Министерства, сам понимаешь (он со всеми на ты), от него заказы зависят, и, главное, премии. Дело привычное, чиновники сплошь лауреаты и орденосцы. А Накриненко не понял, в позу встал, на ровном месте. Он, видишь ли, возражает: если в список включить липового соавтора, то надо вычеркнуть кого-то из настоящих, так как — лимит. Умничает, усмехается. Доусмехался. Сотрудники мастерской шепчутся, собираются бороться за него или, верней, — за себя, в Министерство письмо сочиняют.

Ни один проект не проходит легко. Республиканское начальство не упускает случая попозировать для центрального журнала на фоне новостройки — театра или Дворца культуры, или нового здания горкома партии. Prestижно, говорит об экономических успехах региона. Страна должна знать в лицо своих начальников. Это с одной стороны. А с другой... В городе с этими зданиями сплошная морока: театр, который, по нормам, должен строиться двадцать четыре месяца, реально строится более десяти лет. За это время вся городская и партийная администрация поменяется, прорабы, бригадиры, рабочие, да и проект устаревает, какие-нибудь чертежи потеряются, новые стройматериалы изобретут. Здание становится местным долгостроем, из стен трава прорастает. Не новость, но для прессы — находка. А почему? А потому, что пресловутый «остаточный принцип», все знают. Театр подождет, не первая необходимость, без него прожить можно. Финансы, стройматериалы, трудовые ресурсы и все такое перебрасывается на более важные объекты — те же промышленные сооружения и жилье. Годами прячутся за глухим высоким забором недостроенные, мрачные, как руины, театральные здания в ожидании лишнего денег, местная достопримечательность. Но когда же в городском бюджете деньги были лишними? Едет в столицу «выколачивать» финансы сам Предсовмина автономной республики с группой поддержки — ветеранами труда и партии при орденах и медалях. Крепкие парни волокут следом пузатые портфели с дорогим коньяком, каменной колбасой и прочим дефицитом. В Москве к ним присоединяются, в качестве союзников, директор проектного института, главный архитектор, главный инженер, главный экономист. Делегация направляется в Охотный ряд или даже на Новую площадь. Иногда удается «выбить» в Госплане немного денег — хватает построить этаж или два. На Новой площади срабатывает намек на дискриминацию маленького народа, который в свое время сильно пострадал. Здесь таких намеков боятся: не покричишь.

А тут еще сражения местного значения. Вроде этого: из-за дурацкой со-вминовской премии. И что? А ничего. Пошлепчутся и успокоятся. Никуда не денутся, уверенно говорит опытная С.А. в кабинете Адрианова.

Теперь Накриненко, надо думать, уволится, его в любом институте подхватят. На его месте появится какой-нибудь засланец, «парашютист», «позвончик», засланный, спущенный сверху, внедренный по телефонному звонку. Может быть, даже хорошего архитектора пришлют откуда-нибудь из Минска, но у того долго не будет получаться, потому что — они здесь команда. Это в идеале, а в жизни каждая кухарка может...

— Пойдем, — говорит мне С.А. — Чего ты стоишь? А ты не переживай, Накриненко, прорвемся. Пойдем.

— Меня даже не спросили, — бормочет Накриненко. — Пока в командировке был. Сами все решили. Только не говори, что позвонить не могла. Ну, ладно, там видно будет.

— Зря ты так. Не преувеличивай мою роль в истории. Я сама чуть с работы не загремела. Ты только свои проекты не бросай, они без тебя не потянут.

— Они думают, что — потянут...

— А что я могла? — снова говорит она.

— Я тебе, кажется, ничего не говорю.

— Не говоришь, а думаешь, я вижу. Тут Лилька приходила, — вспомнила С. А., — за тебя бьется насмерть. Я ее понимаю.

— Ей не стоит лезть на рожон, сама знаешь. У вас с такими анкетами не жалуют. Помнишь, наверно, как ей Госпремию давали?

Я увольняюсь «по собственному желанию», ухожу в НИИ, куда позвал меня Н.З., руководитель группы, теперь — бывший, он старше меня, успел повоевать, о нем я когда-нибудь напишу отдельно. Уйду, отряд не заметит потери бойца, а мне жаль, успел привыкнуть, институт своим стал.

— Я уволился, — зачем-то говорю я.

— Ну и правильно, — одобряет Накриненко, ни о чем не спрашивая, не до меня ему.

Сотрудники разбрелись по институту, стараются не попадаться ему на глаза. Считают, что из-за него все эти неприятности. А из-за кого же еще? Даже Витя Корнилов так думает. Они проектировали цирк, Витя кандидатскую защитил по вантовым конструкциям для купола этого цирка, вроде тех, что на Крымском мосту. И сразу из простого инженера превратился в главного инженера института, а потом его забрали (буквально — забрали, потребовали, приказали перевести) в Министерство. К тому времени он уже начал сочинять программу для ЭВМ, думал докторскую писать. Мы случайно встретились в полутемном министерском коридоре. Витя изменился, посерьезнел что ли. Потом вообще исчез за горизонтом. Говорили, преподавать ушел, сделался профессором.

А с тем цирком приключение было. На стройку привезли новый материал для покрытия купола изнутри — серебристого цвета, податливый, руками можно любую форму придать, даже от пальцев вмятины остаются. Одна женщина сообразила — сделала себе бюстгальтер соответствующего размера. Другие изобретение подхватили, работу, естественно, побросали, радуясь, смастерили бесплатную обновку. А к вечеру всех в больницу повезли. Материал не оправдал надежд, из него стеклянные иголки стали впиваться в самое это, как из кактуса, страшное количество. Каждую иголочку пришлось пинцетом выдергивать.

Отдел кадров находится за фанерной перегородкой в начале коридора, возле лестничной площадки, все слышно.

— Подпись Мих Миха нужна, — заметила С. А. — Он-то хоть в курсе? Между прочим, тебя продвигать собирались. Поспешил ты.

Интересно, что она там, на стене, читает? Календарь, что ли? Хорошо, что я вчера к ней не сунулся, выждал пока ситуация созреет, то есть она переговорит с Адриановым и Мих Михом. Не такая я персона, чтобы меня удерживать.

— Ну ладно, — решила она. — Все в курсе.

Она, наконец, протянула мне «бегунок».

— Иди, подписывай. Тут указано, чьи где подписи должны быть. Торопишься, зря торопишься, к тебе здесь все хорошо относятся.

Библиотека на антресолях. Поднимаюсь по крутой деревянной лестнице в безвоздушное пыльное помещение, лишенное окон и дневного света. У наших библиотекарей повышенное чувство юмора. Ничего, что им здесь дышать нечем. Не воздухом единым, — говорят они. Под стеклом на столе портрет Иннокентия Смоктуновского в роли Гамлета. Я сдал журнал «Немецкая архитектура», больше ничего за мной не числилось.

— Уходишь? — спросила Танечка. — Давай подпишу.

Серый свитерок как раз то, что ей надо, потому что на размер меньше: посмотришь и с первого взгляда все ясно. Не то, что у некоторых девушек из технического отдела: пока разберешься, какое там у них что, два часа рабочего времени потеряешь.

— В последнее время, — говорит Танечка, — многие приходят «бегунок» подписывать. Может, там для меня место найдется?

— Где — там?

— А ты куда идешь?

— Танечка, Солнышко! Для такого серьезного разговора необходимо много свободного времени. И не здесь. Как ты на это смотришь?

Она умница, смотрит положительно, как всегда.

Однажды Союзгосцирк сделал институту подарок. Прислал бесплатные билеты на новую программу. Танечка пришла в таком же, может быть даже в этом же, свитерке. Артистка Анзорге разыгрывала сюжет на вертикальном

канате. В своем пластическом этюде красивая, потрясающе гибкая блондинка рассказала целую историю молодой женщины: томление в ожидании любви, долгожданная встреча и нахлынувшая страсть, отчаяние и страдание покинутой, безысходность и вновь надежда. Вскоре номер был запрещен — циркачку обвинили в использовании порнографических поз и в сексуальной распущенности, а в вертикальном канате руководство углядело сходство с шестом для стриптиза. В страну тогда едва проникали слухи об «их нравах», но о таких подробностях, как шест, вообще мало кто знал.

Большое впечатление произвел также другой номер. Юная дрессировщица в легком, воздушном платье, такая беззащитная и хрупкая, пробуждала яркие эротические ассоциации, когда вокруг нее приседали, поджав передние лапы, огромные тигры. Мужчины их понимали. Танечка — тоже. Так мы с ней познакомились. Хотя могли бы и раньше, если бы я иногда захаживал в институтскую библиотеку.

— Значит, договорились, позвоню.

Я спустился на второй этаж и в коридоре тут же столкнулся с Фаиной. Она была в черном костюмчике с юбочкой до колен и блестками на воротничке. О моем уходе, конечно, знает. Но соврала, как бы переполошилась, у нее это всегда получалось, врунья такая. За рукав меня держит.

— Мне тоже придется... Боюсь, скоро... По телефону угрожают. Знаю, кто.

— Кто?

— Она. Кто же еще?

— А ты пожалуйся.

Кажется, я применил запрещенный прием. Что это с ней? Слезы?

Мимо прошла С.А., взглянула, сделала вид, что никого-ничего не заметила.

— Хорошо, пожалуюсь, — сказала она тихо. — Ты на меня злишься?

— Прости, пошутил по-дурацки. А ей-то что надо?

— Не знаю. Зарплата у меня большая, карьера быстрая. Знала бы, сука...

Всего два года Фаина в плановом отделе, а уже — зам. начальника, хотя по штатному расписанию такой должности нет. Все понимают, скоро начальницей будет. Адрианов заметил ее на институтском новогоднем вечере. Она танцевала, пила шампанское, громко смеялась. Ее все заметили: хорошенькая, веселая, каштановые волосы, кареглазая, плечи голые. Он сам подошел. Сплетня вспыхнула мгновенно. Потом пошло-поехало. В обеденный перерыв она садилась к нему в машину и шофер увозил их в ресторан «Тройка» в Покровско-Стрешнево или в Выхино, или еще куда. Адрианов вдвое старше, невысокого роста, с могучими плечами, раньше, говорят, мордовской «зоной» управлял, еще недавно — кремлевским гаражом в Манеже, а когда гараж куда-то перевели, Адрианов объявился в институте — в скромной роли замдиректора по хозяйственной части. Быстро проявил себя на партсобра-

ниях, Собрал отделы и мастерские, ютившиеся в московских полуподвалах, в одном старом здании в центре, что было почти нереально, ремонт сделал. Никто и не заметил, когда он стал главным в институте. Директор, кстати, не возражал. С обеда Фаина опаздывала, но кто что скажет.

Нашлась, правда, одна. Борец за справедливость. Крохотная щуплая сметчица Зина говорила: «совсем совесть потеряла», «гнать таких надо». Было видно невооруженным глазом, что она сама не прочь посидеть в той машине вместо Фаины, но ее, как она выразилась, «муж убил бы».

Как-то в конце рабочего дня за Фаиной зашел ее муж. Робкий ботаник в очках. На него смотрели с сочувствием.

— Оставь свой телефон, — сказала она. — Тебе домой можно звонить? Если будет совсем плохо. Я позвоню, можно?

— Звони, конечно. Поискать для тебя местечко? У них тоже плановый отдел имеется.

— Зря ты злишься, — сказала она. — Я попалась, по-настоящему попалась. Он страшный человек. Ты не знаешь.

Она поцеловала меня в щеку, прижалась и вытерла платком след от помады.

— Постараюсь найти тебе работу.

— А раньше не мог?

— Я думал, ты сама всего этого хочешь.

— Может быть, может быть.

Заведующую складом Валентину я нашел в гардеробе. Она уже надела пальто и заворачивала в газету тапки. Она подписала мой «бегунок». В лицо она меня не знала и, значит, ничего я на складе не брал. Подписала и вышла на улицу, я чуть не упустил ее, пришлось бы завтра опять приходить.

Заодно я попрощался с Анной Дмитриевной, интеллигентной гардеробщицей, женщиной ироничной и образованной. Она в курсе всех институтских новостей, раньше была портнихой в Театре юного зрителя, но пришлось уйти — интриги. Сказала, что вечером ей принесут билеты в «Современник». Я поблагодарил и отказался.

Председатель месткома, патологический бездельник Петя закричал:

— Ни-ни-ни, и не думай, из головы выброси. Я ничего не знаю, не знал и знать не хочу. Почему вопрос не решал общественный отдел кадров?

Когда-то он мне здорово насолил по глупости. Мы с Н.З. обедали в столовой, Петя подсел, предложил мне занять место Н.З., пошутил вроде бы. Я промолчал, а Н. З. запомнил. А может, не расслышал? С собой позвал.

Раньше Петя был парторгом института. Так что местком для него вроде бы понижение. У него оригинальное хобби. Коллекционирует ресторанные фужеры, обязательно с названием ресторана. Однажды

в столовой он показал технологию процесса: ставит у ножки стула раскрытый портфель и осторожно опускает в него фужер. Официант пересчитывает фужеры на столе, но спросить не решается: клиент всегда прав, да и выглядит солидным, может, — не он. Фужеры я видел у него дома. Из «Метрополя», «Националя», «Баку», «Москвы», «Золотого колося», других больших и малых ресторанов, несколько заграничных — из столиц соцстран — Праги, Бухареста, Будапешта, даже из солнечной Гаваны: Петя, как идеологический лидер, мог за границу выезжать без проблем, когда хотел, причем в качестве руководителя группы, то есть бесплатно. А в рестораны его водят молодые сотрудники, только что принятые в кандидаты или в члены партии. Солидная собралась коллекция. Фужеры стояли у него дома в два ряда на пианино, по росту — высокие, пузатые, изящные — на тонкой ножке, маленькие, как какие-нибудь мраморные слоники.

В конце концов, Петя перестал шуметь, симулируя бурную заинтересованность в моей судьбе, сказал:

— Звони, старик, — подписал «бегунок» и даже сам позвонил в кассу взаимопомощи, узнал, что я не состою, и поставил еще одну подпись, имеет право.

В техническом архиве за мной числилось несколько чертежей и смет, которые исчезли: кто-то брал на день и не возвращал, а я забыл — кто. Зато у меня скопились чьи-то чужие сметы и чертежи. Инка все переписала на себя. Вера Дмитриевна, начальница технического архива, высокая женщина в валенках (приходится весь день стоять на холодном кафельном полу) прошла за стеллажи. Я за ней.

— Что же это? — сказала он. — Такой молоденький.

Засмеялась. Она проверять не стала: все задолженности вычеркнула из моей карточки, поверив на слово.

Вообще-то надо было начинать с начальника отдела, но к Мих Миху я пошел, когда «бегунок» был уже весь в подписях. Он, естественно, знал, что я увольняюсь, даже покраснел от счастья. Потому что глуп, всерьез видит во мне конкурента. Он внимательно осмотрел подписи на «бегунке», хотя это не его дело. Напряженно посоображал и неожиданно сказал, что подпишет завтра. Когда ему исполнилось 53, он изрек: «Прежде, чем жениться, надо чайку напитокся». Так это к нему и пристало. Начальником он стал недавно, причём до приказа, всего две недели назад, когда ушел Н.З.

— Успел, — шипела вслед уходящему Н.З. злая сладкоголосая Галина Григорьевна — ГГ, с седой прядью, в бордовом костюме.

В коридоре висел приказ: в связи с тем, что... и т. д., Н.З. должен передать дела и т. д. Значит, Зина и ГГ добились своего: в институте решили провести общее собрание — пар выпустить. Адрианов распорядился в бухгал-

терии подготовить копии трудовых соглашений, где стоит его подпись, на всякий случай. Он вызвал к себе Н.З., объяснил, что уйти надо тихо, понял? Н.З. написал речь на восьми страницах.

Собрание решили превратить в партийное, потом, по совету Адрианова, — в закрытое партсобрание: народу будет меньше. Но не тут-то было. ГГ и Зина, ее молодая единомышленница, написали в партбюро заявление: просят разрешить им, беспартийным, присутствовать на собрании. Повестка дня: «Персональное дело члена КПСС ...». Н.З. бледен, лицо опухло, курит больше обычного. Дурашливый и энергичный парторг Володя напрягся, зачитал: приписки, объемы, график, «мертвые души», но главное — приписки. Зал затаил дыхание. Из «обвинения» исчезли упоминания о внеплановых «трудовых соглашениях», где стояла подпись Адрианова. Н.З. успокоился.

— Прошу два дня для ознакомления с документом и ответа на него, — сказал Н.З., когда-то он учился на юридическом.

Утром он позвонил мне, просил придти на работу пораньше. Сказал, что вчера после работы к нему подошла ГГ. «Н.З., — говорит, — что я могу сделать, чтобы все это прекратилось? Муж меня страшно ругает». По-моему, разведка — ты как думаешь? Ищут слабые места? Или хочет загнать джинна в бутылку?

Он уволился, начались мои походы с «бегунком» по этажам и кабинетам. Я и не заметил, что в институте у меня столько друзей, хотя некоторые, разговоривая, оборачиваются: не видят ли нас, все-таки я теперь чужой, к тому же с Н.З. дружу. Одни сочувствуют, предполагая, что после истории с Н.З., ухожу я не совсем «по собственному». Другие говорят: «Он тебя с собой позовет, кто-то же должен за него пахать».

В конце концов «бегунок» подписан всеми, кому положено: в библиотеке, в тезотделе, архиве, кассе взаимопомощи, местком.

Юра Коднер искренне сожалел, что я увольняюсь. После ухода Вити Корнилова и Н.З. я был последним шахматным партнером. Уйду — ему играть будет не с кем. Неожиданно он подарил мне казенные шахматные часы с двумя циферблатами, сказал, что на складе числятся за ним, но он уходит не собирается, а если придется, что-нибудь придумает.

В прошлом году Юру не пустили в турпоездку во Францию, даже причину не объяснили. Он догадывался, но обиделся. Стал коллекционировать «паровозики» — модели немецкой железной дороги, множество красивых паровозов, электровозов, вагонов, семафоров, стрелок. В обеденный перерыв бегал за ними в «Детский мир», там целый клуб образовался — коллекционеры и спекулянты. Юра перестал оставаться в институте после работы, до одурения рассчитывая на логарифмической линейке инженерные премудрости, а стал лучшим шахматистом наших вечерних турниров.

В кассе денег не оказалось. Значит, все-таки придется придти еще раз, ну и хорошо. Слоняюсь по этажам, заглядываю в отделы и мастерские, все работают.

— Привет, Лева.

В феврале, помнится, позвонил мне архитектор Лева Катаев.

— Ваш новый, Михал Михалыч, — сказал он, — на тебя бочку катит. Мы на твоей стороне. Это ты знай. Отвели удар. Но ты имей в виду.

Оставалось принести в свой отдел торт «Киевский» или лучше — два. Попрошаться.

В отделе суета, все столпились у крайнего стола. Курьер Димочка развернул торговлю билетами. Он громко поздоровался со мной, у него почти нет зубов — голые десны, бегающие зрачки. В прошлом году он рассмешил весь институт. История была такая. Женщины, разговаривая по телефону, обычно выходят из своих мастерских в коридор, секретничая. Коридоры длинные и узкие. Когда проходит Димочка, женщины нарочно стараются задеть его грудью, он в этом уверен, даже докладную директору подавал.

Димочка обеими руками быстро пригладил челку. Виногато посмотрел на меня.

— Все, Дмитрий, заканчивай, придешь в другой раз.

Ближе всех сидит Светка, копия Екатерины Второй. Димочка нагнулся к ней, что-то зашептал. Светка радостно, не обращая на меня внимания, объявила:

— Налетай-подешевело! Два билета на Марьяновича. На когда у тебя, Димочка, билеты?

Димочка засуетился, быстро заморгал, глядя то в мою сторону, то вообще в сторону.

— Это... На сегодня... На сегодня билеты... Это.... На семь.

Инка видела, что я вошел, но продолжает говорить, как бы не заметила.

— Между прочим, — говорит она, — отечественная история знала времена, когда сметчики были неграмотные, то есть подсчитать материалы умели, а записать не могли, неграмотные были.

— Это как же? — спрашивает любознательная Роза, девушка из далекого Подмосковья, решившая завоевать столицу.

— В старину всю смету от начала до конца сметчики диктовали дьячку, — говорит Инка, взглянув на меня: еще в институте я рассказывал ей эту байку, — а дьяк, не был обучен подсчитывать объемы, зато грамотным был, вот он и записывал. И были те сметы, между прочим, без единой ошибки. Один мой знакомый проверял. (Это я — ее знакомый). Пересчитал старинные сметы, они в монастырях сохранились. Как думаете, каким методом это достигалось?

Никто, кроме Мих Миха, не работает. Мих Мих, конечно, не работает тоже, но он делает вид, как обычно. Все затаили дыхание. Неужели есть способ, чтобы — без ошибок?

— Элементарно, — продолжает Инка. — Обнаружат ошибочку и наказывают сметчика батогоми.

Холодков аж подскочил на стуле. Закричал, размахивая руками:

— Это, конечно, меньше, чем партийный выговор, но, пожалуй, приближается к лишению премии. Предлагаю внедрить этот метод у нас, назначить меня ответственным исполнителем. Михал Михалыч, не возражаете? Вас без очереди.

Старик Дмитриевский сидит, высунув из-под стола ноги в войлочных ботинках на молниях типа — «прощай молодость».

Жаль расставаться с ними со всеми. Привык. Но не оставаться же, а то превратишься в Мих Миха.

Звякнуло радио. Подоспела производственная гимнастика. Законный перерыв. Зина усердно делает упражнения. Остальные болтают.

... Жукова, что с мужем? Уморила?

... а, может, он с какой-нибудь блондинкой на улицу выбегал, пока ты там за столом флиртовала?

... У нас вчера телефон не работал.

... А что с Москалевой? Загуляла девушка? После праздника в себя не придет?... Как же теперь узнаем, права ли Каренина?

... Кто конфеткой угостит к чаю?

... Скоро зима: Холодков шапку купил — верная примета.

... Вот именно: в троллейбусе забыл.

... Я тоже чуть ни разболелась. Может, еще заболею, дома все гриппуют.

... У меня самого с утра настроение плохое. И вроде бы нечего, все хорошо.

Дмитриевский уйдет на пенсию. Будет дома делать объемные фотографии, у него получается, проектный аппарат мастерил.

Роза станет старшим инженером — усидчива, берет работу на выходные домой. Лучше бы, дура, в клуб ходила, пока не поздно. Или в институт готовилась. Доброжелательная Зина говорит, что у Розы усердие не по уму, ГГ с ней согласна, но не выступает. ГГ наверняка заболеет, потому что очень злая.

Неутомимый болтун Холодков каждый день будет ругаться с Мих Михом, оспаривая свой метод оформления титульного листа отчета: подпись справа или слева. Мих Мих пересядет на место Н.З., он уже пересел, не дожидаясь приказа, будет делать замечания Холодкову: «Ведите себя прилично». В обеденный перерыв он будет аккуратно разрезать столовым ножом длиннющий батон — от горбушки до горбушки, уложит на край батона половину крутого яйца и, откусывая хлеб, будет подталкивать губой яйцо к дальнему краю,

чтобы проглотить вместе с последним куском батона. Потом он неслышно размешает сахар в чашке. Однажды он рассказал в отделе, что забыл в метро кастрюлю с горячим супом, которую вез от сестры. Ездил в «комнату находок». Так и не нашел. Светка чуть со стула не свалилась. Холодкову эта история нравится больше всего, пересказывает то в трагическом, то в комическом варианте, уточняя у Мих Миху подробности.

Столы. Шкафы. Скоросшиватели. Счетные машинки. Пятно на потолке. Сотрудники. У всех свои дела.

Задумавшись, Мих Мих точит карандаш столовым ножом. Стружки прыгают мимо корзинки на пол.

Зина возьмет у Адрианова рекомендацию и вступит в партию, будет на собраниях обличать, выводить на чистую воду.

ГГ однажды принесет из дома, составленные мужем, расчеты очередной квартальной премии. И тогда Мих Миху — конец. А он как думал?

Инка тихо говорит мне, что звонил Витя Корнилов, меня спрашивал.

— Прослышал, что уходишь, интересовался, не нужна ли поддержка.

— Прослышал, говоришь? Ты что ли ему позвонила?

Инка хотела ответить, я понял по ее глазам: мол, а что такого? Но тут зазвонил телефон.

— Тебя, — говорит она и шепотом добавляет: — Кажется, кадры.

— Ну что? — спрашивает С. А. — Подписал «бегунок»?

— Подписал.

— У всех? — удивляется она. — Что ж не приносишь? Передумал? А то могу отменить приказ. Кстати, слышал? Накриенку отстояли. Все остаются на своих местах. Что это я по телефону? Зайди.

Я позвал, но Инка сказала, что со мной не пойдет. Мы с института дружим. К экзаменам на пляже пытались готовиться, на Воробьевых горах. Книжками обменивались. Читали Олжаса Сулейменова. В прошлом году она искала работу, позвонила и пришла, когда я позвал ее, в мою группу. Потом сказала, что работу она тогда не искала, просто надумала работать со мной. А сейчас сказала, что не пойдет. Не представляю, как она сработается с Мих Михом. Может быть, все-таки увести ее отсюда.

— Все равно ты там долго работать не будешь, — сказала она. — В «науку» уйдешь, я тебя знаю.

Все-то она знает.

Эрик ДИВИЛЬКОВСКИЙ

НОША

В Петрово Василек и Наташа приехали в конце мая. Вот уже второй год, как они летом бывали в этом чудесном краю...

А тесть Василька, Захар Семенович, жил там в доме крестьянки Веры уже с середины апреля. После смерти жены в позапрошлом году тесть снял дачу в другом месте, чтобы поскорее забыть все тягостное из недавнего прошлого. Однако далекое прошлое, когда он служил в министерстве после войны, он не хотел забывать. То прошлое, давшее ему все блага и регалии, до сих пор грело его душу.

Погода стояла не майская, а почти июньская. Было тепло, и Василек решил попробовать искупаться утром в субботу. Разделся, натянул плавки и осторожно вошел в воду. Преодолев легкий озноб, ринулся прямо в глубину. Поплыл — и холода как не бывало. Немного проплыл по течению и у излучины реки увидел на берегу фигуру человека в резиновых сапогах. Пригляделся: тесть Захар Семенович. Василек быстро повернул назад: ему не хотелось говорить с тестем в такое прекрасное утро. Вылез на берег, растерся полотенцем и надел рубашку и джинсы. Солнце щедро дарило тепло, и Василек, согревшись, снова снял рубашку, чтобы немного позагорать...

Кто-то окликнул его, он обернулся и встретился взглядом с Захаром Семеновичем, который, вероятно, закончил ловлю рыбы и возвращался на дачу.

— А я Вас, Василий, заметил, когда вы плыли, — сказал с укоризной тесть и пригрозил пальцем. — Что ж это вы повернули обратно? Нехорошо-с... Те-те-те.

— Извините, — смутился Василек, — вода еще прохладная. Надо было одеться. Я бы к вам позже подошел...

— Оправдываться не на-адо, — нараспев сказал тесть, ласково улыбаясь. — Не захотели — и ла-адушки.

Василек сумел перевести разговор на другую тему, и тесть не спеша, вразвалочку, пошел домой, держа в левой руке алюминиевый бидончик с добычей, а в правой бамбуковую удочку.

А перед обедом, когда они все собрались на террасе, Захар Семенович взял свой бидончик и стал кликать вороватого хозяйкиного кота Ваську: «Васенька! Иди ко мне, ко-отенька Ва-асенька!». Василек не знал, что тесть специально отложил этот ежедневный «рыбный» ритуал на предобеденное время, чтобы как можно больше досадить ему. «Надо скорее кормить бедняжку Ва-асеньку, — продолжал тесть. — Кис-кис-кис».

Худой и облезлый кот Васька объявился тут как тут и стал противным голосом требовать свою долю улова. Тесть знал, что Василек против того, чтобы ловить мальков. «Так и рыбы в реке не останется», — не раз говорил он тестю. Но тот все равно таскал из реки всякую рыбу без разбора. И этот ритуал кормления «Васеньки» мальками доставлял Захару Семеновичу особенное, прямо-таки садистское удовольствие. Совпадение же имени зятя и кота было дополнительным удовольствием для тестя.

Не в силах больше смотреть на ту картину, Василек вышел во двор, взял ведро и пошел на колодец за водой. По дороге он старался думать о Селибе — сказочной лесной поляне с дубами и молодыми сосновыми посадками, куда он собирался пойти с женой Наташей завтра. Они любили ходить туда вдвоем. Василек учил Наташу любить и понимать лес, который он считал живым, все понимающим существом. Он рассказывал ей о тайнах лесной жизни, о грибах, об их премудростях, о редких цветах и травах. Наташа внимала его рассказам и потом в лесу с удивлением находила всё это сама...

Все эти картины прошлого проходили у Василька перед мысленным взором одна за другой и повторялись снова. Казалось, это было так недавно. А ведь прошло лет двенадцать. Сильно изменился лес, хотя для Василька он был все тем же, близким другом. И с грустью думал Василек о том, что совсем исчезли пахучие ночные фиалки, редкими стали и золотистые кувшинки.

А Захар Семенович, живя па даче в Петрове, никогда не ходил в лес. Когда его спрашивали об этом, он уклонялся от ответа, темнил. Он просто не хотел, чтобы кто-нибудь догадался, что он не любит лес, не любит цветы, не любит воду. Он тщательно скрывал от людей, особенно от близких, что не любит Природу. А не любил он ее потому, что боялся ее. С детства боялся воды, так и не научился плавать. Боялся лесной темноты, боялся деревьев, ему казалось, что они смотрят на него с укором. И, вообще, он не понимал, зачем нужны этот лес, эти травы, эти бесполезные цветы. Он никогда не дарил жене цветов, она сама покупала их себе...

Нелюбовь к Природе у него сложилась в детстве, когда его то и дело пугал шум леса возле их дома на окраине села. Он не играл со сверстниками

в общие игры, всегда держался особняком. И друзей у него никогда не было. Они ему были просто не нужны.

Он жил своим, давно придуманным им миром, куда никого не хотел пускать. Он любил полежать после обеда на кушетке и мечтать. Это было его любимое занятие (наряду с рыбалкой). В мечтах он летал над миром и устраивал на планете все на свой лад, Ликвидировал парламенты, уничтожал фирмы, банки, биржи и огораживал высоким забором поселения для «паразитов» (так он называл всех капиталистов). Однако он не собирался насаждать на земле коммуны: в коммунизм он не верил, потому что считал его несбыточным. Он верил только в сильную власть: в «железный» общественный порядок.

Таким мечтам Захар Семенович предавался регулярно, изо дня в день. Он не понимал, что это у него — obsессия: идея, застрявшая в голове с юных лет. Вообще его многое возмущало, гневило, но он старался сдерживать свои чувства на людях и внешне всегда был спокоен. Зато в мечтах он давал волю своим чувствам: всех врагов резал, вешал за ноги на столбах и плевал им в лицо.

Властям предержавшим (партии-правительству) он служил ревностно, любил и умел подчиняться, но в душе считал всех своих начальников дураками. Умными у него были только некоторые министры и члены Политбюро. Он уважал их уже за то, что они могли взлететь так высоко. Себя он не видел взлетевшим до «Политбюродства», но одним из секретарей по идеологии он не прочь был бы стать...

Теперь же, уйдя на пенсию, он мог только, лежа на диване, витать в облаках. Какие только казни, похлеще средневековых, не придумывал Захар Семенович для своих врагов! Самой легкой из них была такая: «паразитов», «предателей» привязывали к колонне в ресторане и не давали есть в течение многих дней. Разумеется, каратели вокруг как можно громче обсуждали вкусовые качества блюд. А сам тесть с наслаждением наблюдал за тем, как мучились от голода его враги.

Но для своего главного врага он до сих пор так еще и не придумал подобающей казни: расстрел, костер и медленно действующий яд были явно недостаточны.

Да, главным врагом для него был зять, интеллигент Василий, которого все, кроме тестя, звали Василек. Он был для Захара Семеновича воплощением всех отрицательных качеств «гнилой» интеллигенции. С одной стороны, тесть любил подражать интеллигентам (покупал «интеллигентные» шторы, ковер и так далее), но с другой, просто не терпел эту породу людей. Удивительно, что вначале, когда Наташа «жениховалась» с Васильком, тесть был не против ее выбора. Может быть, потому что ее жених нравился ему чисто внешне: худощавый, стройный, всегда корректный; лучистые голубые глаза.

А со временем Захару Семеновичу стало ясно, что его зятек придерживается крамольных демократических взглядов и критически настроен по отношению к советским властям. Демократия же, считал тесть, всякому обществу вредна, как вирус гриппа. Она еще хуже анархии! чего этой черни свободу выражения мысли давать! Порядок должен быть «железный» — и всё!.

Пока же железный порядок еще не утвердился в обществе, Захар Семенович решил насаждать его в своем доме. И всё у него в доме вроде было в порядке: всё аккуратно расставлено, вычищено, пропылесосено. Да вот только этот зятек фигов никак не вписывался в рамки порядка! Этот «слабак», как называл его про себя тесть, был неподтянут, рассеян, и в мыслях и в делах разбросан. Почти ничего не умел делать по домашнему хозяйству. Гвоздя даже не умел как следует вбить! И, главное, понимаешь, порядки, существующие в социалистическом государстве, не признавал. Все критиковал, всем был недоволен. Все о свободе в обществе вздыхал. Прямо из себя Захара Семеновича таким разговорами выводил! Только тесть всеми силами сдерживался, не взрывался, хотя и страшно хотел заткнуть глотку этому критикану — слабаку кляпом...

И еще тестя раздражало, что этот слабак в карты, в заморскую игру «марафон», сильнее его играл. Захар Семенович лучше всех играл в «дурака», а вот в эту «нерусскую», но интересную для него игру он играл неважно. Василек, когда работал переводчиком с молодыми финнами на Всемирном фестивале молодежи в 1956 году, научился у них играть в «марафон» и обучил этой игре тестя и двух юношей, Сашу «большого» и Сашу «маленького», соседей по даче. Вечерами по субботам они резались в «марафон» на террасе допоздна. Это был действительно марафон, потому что надо было набрать 42 очка. Игра требовала не только сообразительности, но и смелости. И вот смелости-то тестю не хватало. Он каждый раз надеялся выиграть, набирая очки понемножечку, тихой сапой. Но этот слабак часто рисковал, смело менял по три карты и прикупа и почти всегда выигрывал у тестя, чего тот никак уж не мог стерпеть. Зато когда Захару Семеновичу удавалось «подсидеть» этого «интеллигента», оставить его без взятки, а то и без двух-без трех, то уж тут тесть вдоволь наслаждался! Он в таких случаях не спешил раскрыть свою карту, клал ее на стол, прикрыв ладонь, и произносил ележно: «Э-те-те-те-те!». И забирал у Василька взяточку, на которую этот интеллигентик как раз-то и надеялся.

И потом, лежа в постели и слушая на ночь последние известия по транзистору, тесть то и дело с наслаждением, особенно когда передавали хорошие новости о провалах происков империалистов, повторял про себя: «Э-те-те-те-те! Э-те-те-те-те!»...

О Саше большом и Саше маленьком вспомнил и Василек в своей больничной палате. Он вспомнил, как они с тестем пошли провожать по деревне домой обоих Саш. Шли «по-над берегом», река блестела красноватым закатным цветом, а солнце расцветило багряно-золотистыми тонами полнеба. Василек и оба Саши невольно залюбовались такой живописной картиной, а тесть, искоса взглянув на них, фыркнул: «Что пользы от этих закатов-перекатов?» И усмехнулся своей остроте. А Саша маленький спросил: «Захар Семенович, а какая польза от хорошего настроения?». Тесть только произнес: «Да-а...». И замолчал.

И еще Василек вспомнил, как они с Наташей «на макушке лета» ходили на Богаиху — широкое поле вдаль от деревень, где когда-то жили набожные труждающиеся крестьяне. По рассказам старожилков Василек знал, что Богаиха — место заповедное. Вокруг Богаихи — лес почти дремучий, особенный. В нем — и могучие ели, и столетние дубы, и сосны, и березовые перелески. А на лесных дорогах в окрестностях еще уцелели крупные колокольчики и сиреневые фиалки. Даже брусника и земляника уцелела на некоторых полянах Богаихового леса. И даже грузди настоящие, с опушкой, росли кое-где под Богаихой...

Многие из этих богатств увидели Василек и Наташа, когда, пройдя километров десять по лесу, вышли на легендарную Богаиху. И увидели они этот чудом уцелевший подмосковный лесной островок светлым полднем — во всей красе. Тихо было так, что в ушах звенело, и неясно было: то ли люди пришедшие поражены красотой леса и поля, то ли сам лес удивлен редкими посетителями Богаихи. И еще чем-то неясным, загадочным притягивала Богаиха к себе. Побывав здесь хоть раз, хотелось прийти сюда еще и еще...

Он вспомнил рассказы местных жителей о набожных людях, которые в старину жили здесь и в честь которых и было названо село Богаихой. Неподалеку, на хуторах, жили монахи, и в великие Праздники они все собирались вместе после обедни в храме и отмечали Праздники чинно, благолепно, без излишеств...

А к вере он пришел именно тогда, узнав о духовном подвиге жителей Богаихи, которые в годы лихолетья сумели сохранить свой храм, а позже, когда село сносили, с великим трудом, но добились разрешения перенести все самое ценное из храма и построить новый храм на пожертвования в том поселке, куда их переселили.

А в то время, в начале восьмидесятых годов, Василек еще раз пришел на свидание с Богаихой. В ту благодатную осень появилось множество опят. И Василек в свой «библиотечный» день приехал в Петрово специально среди недели, чтобы набрать крепких «королевских» опят на вздутой ножке и с толстой шляпкой. Он распределил мысленно добычу: большая часть — тестю, который обожал жареные грибы, и тете Вере, хозяйке дачи. А уж что останется, себе с Наташей.

Он не знал, какую взять корзину. Не было у него своей, достаточно большой, и неожиданно пришла на помощь тетя Вера: вытащила из сени огромную почти двухведерную корзину и сказала ему: «По-залетось ходила с ней в ближний лес за опятами, еле дотащила. Вот тебе, Василек, аккурат и сгодится».

И пошел он в большой поход — в самый трудный свой поход за большим урожаем. Никогда не думал он, что наберет столько опят. Видно, Богаиха решила щедро одарить его. Вот уж он думал: «Ну все — хватит. Ведь не унесу же столько!» А лес все подбрасывал ему грибов да подбрасывал. Нет, жадности в нем не было. Но какая-то сила заставляла его все собирать и собирать. В конце концов он сумел остановиться, но когда поднял с великим трудом полную корзину, то понял, что до автобуса он вряд ли ее дотащит. От усталости он лег ничком на траву. И вдруг ему показалось, что из-под земли раздастся какой-то голос. Он приник ухом к земле, и ему послышалось, как кто-то сказал гулко снизу: «Иди! Иди!». И — все.

И он пошел. Корзина была на ремне, и она давила его всей тяжестью к земле. Но Василек знал, чувствовал, что он — не один, что вся Богаиха с ним, что ВЕСЬ ЛЕС тащит и тащит вместе с ним эту огромнейшую ношу! Он не понимал тогда еще, зачем ему надо донести до дома эту тяжелейшую корзину. Но он знал, что НАДО. Раз лес так повелел.

И он шел и шел по полю, качаясь из стороны в сторону, иногда ставя корзину на землю...

И когда впереди показалась крыша автобусной остановки, он оглянулся назад и сквозь всю просеку увидел дивную осеннюю Богаиху во всей красе. Он снял с плеча корзину, лег на траву и обнял землю руками. «Прощай, моя Богаиха! — сказал он сквозь слезы, — Спасибо тебе, родная. Без тебя я б не донес...»

И вдруг деревья вокруг зашумели, зашелестели и, как ему показалось, стали махать ЕМУ ветками. И что-то послышалось ему — какие-то слова в шелесте листьев. И он, пока еще не пришел автобус, все смотрел и всматривался в любимый им лес, чтобы навсегда запомнить его таким — преданным другом...

Автобус довез его до перекрестка. Дальше надо было идти на своих двоих. Он с трудом шел к селу и чувствовал, что силы оставляют его. Справа от дороги, как печальный памятник прошлому, высился давно разрушенный храм. Василек с болью посмотрел на зияющие проемы и пустоты в обшарпанном кирпичном здании, и сам ощутил тяжесть и пустоту в душе. Но тут он взглянул на колокольню, на чудом сохранившийся крест на ней — и вдруг почувствовал, что ему стало легче... Как он шел с корзиной по качающемуся мосту, он плохо помнил. Но когда перешел на ту сторону реки, он увидел на тропе тестя, который смазывал удочки. Когда Василек поравнялся с ним, Захар Семенович, кряхтя, произнес: «Да, чувство меры надо соблюдать!». И Васильку показалось, что тесть рванулся было помочь ему донести корзину, но почему-то остался на месте.

До дома оставалось метров сто, но этот последний путь оказался для Василька самым тяжелым. Корзина то и дело соскальзывала на землю, но временами волочил ее по траве, а ноги, как ходули, не слушались. Но он все время шел и шел вперед.

И вот когда он, наконец, дошел до калитки, руки совсем одеревенели, и он чуть не уронил корзину на землю. Он только заметил, как чьи-то руки подхватили его ношу, и тогда Василек, совсем обессиливший, рухнул на землю.

Когда он поднялся с земли, он увидел хозяйку, улыбающуюся тетю Веру. «Все-ж-ки донес! — сказала она. — Молодец! Отдыхай таперича, Василек». И отнесла его корзину с грибами в дом на террасу.

«Вера спасла меня, — думал он, — Вера». Когда он нес корзину, он все время боялся, что у него может заболеть живот. У него был застарелый гастрит, и он всегда боялся поднимать тяжести, боялся язвы желудка и прободения. Язвы у него не находили, но врачи предостерегали его от поднятия тяжестей...

В Москве у него возобновились боли в животе. С каждым днем они усиливались. Терпеть их было страшно тяжело. Лекарства не помогали. И наконец Василек решил сделать рентген желудка в спецполиклинике, где лечился его тесть.

И вот, когда он утром шел к автобусной остановке, его пронзила, как иглой, острая боль в животе. Боль настолько сильная, что он чуть не упал на асфальт. Он не знал, что делать. И вдруг подняв глаза к небу, он произнес: «Все равно люблю!». И тогда боль уменьшилась...

Удивительно, но на рентгене у него никакой «ниши» (то есть язвы) не нашли. «Нет, это — не живот, — подумал он. — Это душа болит. Это страх мой от головы к животу распространялся». Наташа уговорила его взять больничный лист у врача, он послушался ее, и жена устроила ему дома санаторный режим. И он действительно вскоре перестал бояться за свой живот. Помогло самовнушение и Наташа, конечно, — тоже.

Только еще одно испытание ждало его: визит тестя. Захар Семенович, зная, что его похвалит за это дочь, навестил зятя днем, когда Наташа была на работе. И принес полную сумку гостинцев.

«Э-те-те-те-те! — сказал тесть с порога. — Что-то мы неважно выглядим... Но ничего, возьмите себя в руки, и все — хе-хе — наладится».

Тесть высказал беспокойство, что Наташа устает на работе, плохо спит, что надо ее беречь, а потом вдруг ляпнул: «Да, чуть не забыл. Тут недавно мне звонил ваш шеф. И спрашивал о вас. До него, так сказать, дошли сигналы о вашем поведении на работе. И он спрашивал меня о вашей благонадежности. Я, конечно дело, выгораживал вас как мог! Однако, что это вы там заявили при всем, так сказать, честном народе? Что-то о Чехословакии, не так ли?». «А я-то чудак,

надеялся, что до начальства это не дойдет, — ответил Василек. — Да, я сказал в большой комнате, что в свое время не поднял руки при голосовании за ввод советских войск в Чехословакию. Разве я не имел права на свое мнение?». «Ну вот, вы опять сели на своего конька: свобода мнений, свобода выбора! Да кому это в нашем государстве нужно? Мясо и колбаса — вот что нужно. И всё! Молчите себе в тряпочку и делайте свое дело — сколько раз я вам повторял! А то ведь ваш уважаемый руководитель меня строго предупредил, что вас могут, так сказать, рассчитать, если снова поступят сигналы о ваших, так сказать, выходках»...

Все это Василек вспоминал, сидя у больничного окна. Да это было, кажется, в восемьдесят втором году. А сейчас на дворе — девяносто четвертый... Сегодня его навестил приятель, сослуживец Андрей. Он был вхож к начальству и иногда рассказывал Васильку интересные вещи. Оказывается, вскоре после того визита тестя к Васильку, Наташа, ничего не сказав мужу, приходила к его шефу, долго беседовала с ним и сумела уговорить его не увольнять Васильку с работы.

А вчера к нему в палату приходил тесть. Принес апельсины, яблоки, творог. Тестю он обрадовался. Раньше тесть зачастую действовал ему на нервы. Особенно — когда спорил с Васильком о политике. Но Василек всеми силами старался преодолеть неприязнь к тестю. Вот и вчера после ухода тестя он старался думать о том, что при всех его неприятных чертах Захар Семенович заботливый человек, всегда готов помочь ему и Наташе материально, помогал ему охотно и по хозяйству.

— Знаю, знаю, — говорил ему тесть вчера. — Вы все переживаете. Но разве вы не видите, что ваша взяла? Признаю, что в застое я был неправ. Но я замечал, голубчик, что вы меня подозреваете. Явно вы то не высказывали, но по лицу вашему было видно тогда, что вы считаете меня осведомителем органов. Да, мне предлагали стать платным осведомителем лет двадцать назад. Но я наотрез отказался! Предавать близких и друзей — не в моих правилах. Я считаю это низким делом. Вот так-с, молодой человек!

— Простите меня, Захар Семенович! — сказал Василек. — Я, действительно, иногда питал к вам недобрые чувства. Горячился. Но предателем вас не считал. А теперь я перестроился и хорошо к вам отношусь.

— Ну ладно, ладно, — сказал тесть. — Не будем копать в прошлом. А дальше посмотрим, так сказать, как всё пойдет...

Когда Захар Семенович вышел из больницы на улицу, он подумал: «Итак, слабак повержен. Тяжело болен. Неприязни к нему уже нет. Осталось только пожалеть его. Удивительно, но он даже, кажется, обрадовался моему приходу». И он возвращался домой с приятным чувством оттого, что сумел предстать перед затем благородным человеком. Захар Семенович вообще любил выглядеть лучше, чем на самом деле.

Подходя к дому, он увидел на соседнем административном здании трехцветный российский флаг. Оглянувшись, он тихо сказал самому себе: «Ну, это мы еще посмотрим!..»

Да, Василику теперь было нелегко. «Уж лучше бы Андрей мне этого не говорил», — думал он. Дело в том, что на следующий день после визита тестя к нему в больницу, навестивший его Андрей рассказал а ему о том телефонном разговоре их шефа с Захаром Семеновичем в восемьдесят втором году. Шеф недавно поделился с Андреем своими воспоминаниями, когда они ехали в одной машине после работы.

Сказав тестю о сигналах, которые поступили к нему о его зяте, шеф спросил: «Я вообще-то не доверяю всякого рода доносам, но хочу спросить вас прямо: как вы считаете, ваш зять — диссидент или нет?». Тесть сразу понял ту ответственность, которую он брал на себя любым ответом, особенно — перед Наташей, и ответил уклончиво: «Пожалуй, нет. Особо такого не замечал».

Шеф хотел было уже закончить этот разговор, но на всякий случай спросил: «А как ваш зять к советскому государству относится?». И тут тесть не выдержал: все его долгое озлобление против этих критиканов вырвалось наружу. «Я тоже не любитель катить на кого-либо бочку, тем более — на своего родственника, — сказал он, — но скажу вам, уважаемый, откровенно: он — не патриот. И этим все сказано!..»

Василек стал ходить по палате из угла в угол. «Нет, нет! — думал он. — Не хочу верить, что он хотел мне зла. Его просто прорвало! Да, тесть был верноподданным, рьяным ортодоксом. И я своими спорами с ним подрывал его веру... Нет, нет! Я сам во всем виноват!».

Василек, думая так, забывал, что он по своей природе всегда старался думать о людях лучше, чем они были на самом деле. И весь вечер он ходил по палате и по больничному коридору. «Как тигр в клетке хожу, — думал он. — Не могу найти себе места».

И пришлось ему принять еще одну таблетку нитронга — от стенокардии, от периодических болей в сердце. С этим диагнозом его и уложили в клинику. Однако Василек сегодня вечером, именно сегодня, догадался, что у него — псевдостенокардия. «Это опять душа болит, — думал он. — Раньше я боялся за свой живот, теперь — за сердце... Да разве за сердце? — спросил он самого себя. И вдруг нашел ответ. — За других людей я боюсь — вот что! Вот где боль моя!... За тестя переживаю: не хочу верить, что он намеренно так отозвался обо мне в разговоре с шефом. За Натку переживаю: плохо спит, устает. За Богаиху, за весь лес, за всю Природу нашу переживаю! Страшно я переживучий за все — вот в чем моя беда... А может, и не беда это, а просто судьба у меня такая? Кто знает... Знать, эту ношу мне всю жизнь еще нести и нести».

Боль на некоторое время ослабла, но после новостей по телевидению (где опять говорили о всяких бедах и гадостях) боль возобновилась с новой силой.

Сестра сделала укол, и Василек лег в постель. «Теперь уж — до утра, — думал он. — Засну ли только?» Он уже привык к плохому сну. Сильной бессонницы у него не было, но он все время, ложась спать, боялся не уснуть. Точнее, как он недавно понял, он боялся не бессонницы, а СТРАХА бессонницы. Он хотел жить без страха, но как это сделать, — не знал.

И снова беспокойные мысли навалились на него: «Не в лад мы с тестем живем... А ведь жаль его: наверное, не сам он стал таким. Его сделала таким эпоха... А что, если снова победят ОНИ? Все эти захаросеменовичи? Ведь их еще так много. Да, клещей клещами от страны не оторвать!..» И тут он заставил себя думать о другом:

«Может, восстановят леса наши во всех краях? И придет Богаиха в гости, — подумал он мечтательно, — ко всем людям!» И сразу стало немного легче на душе...

А утром он позвонил Наташе. И сразу же забыл о своей болезни. То, что сказала ему Наташа, было как гром среди ясного неба. Оказывается, ночью тестя увезли в больницу. С подозрением на инфаркт.

Василек засуетился, весь день не отходил от врача и к вечеру добился-таки своего. Его выписали досрочно в связи с болезнью тестя. Под расписку, конечно.

Васильку продлили надолго бюллетень, и он целыми днями шнырял по по магазинам и аптекам: доставал все необходимое для тестя.

Вроде бы все достал, но хотелось принести тестю что-нибудь особенное, что порадовало бы его. И тут Васильку повезло: у знакомого столяра он купил отличный липовый мед, только что привезенный из деревни. Наташа в тот день была очень занята, и Василек повез мед в больницу сам.

Подходя к палате, он услышал голос тестя. Тот с кем-то разговаривал. Василек хотел было удалиться, но решил все-таки подождать немного у дверей палаты, надеясь, что разговор вскоре закончится. И невольно услышал, как тесть с яростью произнес: «На хрена она нужна, эта демократия! Пораспушались все, никто работать не хочет!..»

Василек отошел от дверей. Переждал. Вошел, когда тесть умолк.

С важным видом Захар Семенович надел наушники и стал слушать какое-то сообщение по радио. Василек хотел было опять переждать у дверей, но тесть широким жестом пригласил его сесть у койки...

— Вот молодец, зятек! — подчеркнуто радостным тоном сказал тесть. — И медку липового принес. Спасибошки... Ну как там дома дела? И что пишут в газетах? Рассказывайте.

Немного поговорили, и Василек замолчал. Ему стало неловко молча смотреть на тестя. Тесть тоже замялся, потом сказал с укоризной:

«Мед-то нынче дороговат. Зачем так много купили?»

И тут Василек вспомнил, как дома тесть часто говорил дочери и ему: «Не миллионеры ведь. Расходов дюже много. Поужаться надо». Тесть знал, что Василек не любил слово «поужаться», и поэтому Захар Семенович любил напирать на это словцо.

И еще эта тирада тестя о демократии звучала в ушах. Все это больно кольнуло Василька, и он хотел было тут же резко возразить Захару Семеновичу, но вдруг подумал: «Как бы второго инфаркта у него не случилось, Я ведь заводной... Лучше промолчу...»

И уже дома, включив тихую музыку, он перебрал в памяти свои яростные споры с тестем, все конфликты с ним и решил: «Нет, довольно. Войну закончить миром надо... Донесу и эту нелегкую ношу. Всеми силами».

Нелегкую ношу его помнил и заповедный лес на Богаихе. Древние деревья — дубы и ели на опушке — шелестели ветками и терпеливо ждали, не приедет ли к ним снова природолюбивый молодой грибник и не побеседует ли с ними ласковым голосом...

И Василек тоже подумал о чудесной Богаихе. Он часто вспоминал эти края, и лес не забывал его. Не забывал никогда...

Спал он на этот раз безмятежно, как младенец.

Виктор МОЛЧАНОВ

СОН*

(открывший автору, несмотря на свою причудливость, а может быть, благодаря ей, неразрывную связь всего земного и небесного).

По вибрации СТРУНЫ — ощущение слагалось: там чего-то сотворялось? Разумнее — так версталось: «Где-то, где-то, вдалеке — что-то НОВОЕ рождалось? Слышен был далёкий звон, кой слал и слал покругно переливчатый трезвон?!» Вдруг сией секретный ГРОМ превратился в нежный стон: «И-и-и-...!!! Бим-бом, бим-бом! Бай-бай-бай, ЛЕТИ к нам в дом!» Вслед подумалось — о том: «Да какой сейчас сезон?!» Не словив конкрет-ответ о наличии простом — начал МЫСЛИТЬ о ином; вслед, неожиданно, негаданно навалился чудный сон. А когда растаял он и уплыл туманный ФОН за заклеенным окном — в голове настала ЯСНОСТЬ и вопросная знаваемость.

«Сон, сон, сон, какая радость! В нём, порою, быто-знамость проявляется, как данность и к тому же нека частность... И хоть это порождает препоследующу приятность... Но опять-таки зачем сей секретный господин — ткет-прядет ПРЕДМЕТ-фантастность? И причём, что важно-главно: Как проникнуть в местную сладость? Как понять волшебную тайность?! Как принять забавную странность? Где ж предметная реальность? Где и как, и почему...???»

Вот такие задаваки раздаются поутру, но, однако же, ответы — улетают в пустоту. Ах, друзья, ведь иногда, безусловно не всегда, рой вопросов возникает, но секретные ответы, зачастую по привычке — быт вседневнейший глотает! Вроде так, но кой-когда, как НАМЕДНИ, в вечера...

* Публикуется в авторской редакции. Автор просит у читателя извинения за необычное иногда использование слов, вызванное — впервые в его жизни! — необычным слогом повествования о необычном сне. Также автор сообщает читателю, что на основе возникшей у него, после этого и других снов, философской концепции восприятия мира он, будучи физиком и инженером-механиком, собственноручно создал несколько фантастических механизмов, которые своей конструкцией и работой отображают, по его мнению, причинно-следственную связь между жизнью на Земле и Вселенной.

Так ли было или не так, но однажды в час откатный, на жильцов общаги данной (двух соавторов трактата, что совместно проживают в комнатухе коммунальной) — вдруг свалился Сон незнамый! Он, причем такой фантастичный, что глядельник правый, главный, опознав космич-мираж (непривычный ералаш) — испугался в сей же раз! Вслед, раскрыв ресниц каркас, стал смотреть, как верный страж, на знакомый «вернисаж». Но подобно поведенье породило подозренье, а вот чтоб потай. ПЕЙЗАЖ не успел бы: вслед, в дальнейшем, заявиться в глав. «блиндаж»... И поэтому, зараз, самый ловкий «верхолаз», получив секрет. приказ: «Вмиг свершить обратный фас!» — навалил на ПАС-форсаж, возвернувшись в свой гараж.

Вот теперь-то всё как надо, ибо здесь — иной показ! Ведь бывшее представленье (зазеркальное виденье) — это чуждое явленье и поэтому сей паж, содявши зрим-зондаж... Так когда он опознал чужеродный ПЕРСОНАЖ (да к тому же получив явь-конкретнейший наказ), — совершил возврат-пассаж, чтобы свидеть СВОЙ «купаж».

Перед ним, вполне реально, тот же стол овально-чайный со свечой и чашкой знатной, где напиток — хвойно-травный; рядом старая козетка, на которой по-пластунски — спит лохматый пес чернявый, да к тому же в позе важной. Все — на месте, как и было: до того, как НЕЧТО всплыло, кое вечно выше жило, занимая СЛЕД этаж!? Значит, то, что в Сне проплыло и велико поразило — есть секретно ИНОдиво, что ко времени прибыло, предложивши, наперва, ОДИНОЧНЫЙ пилотаж. Вслед, свидавши антураж, да к тому же получив очень строгий инструктаж... Если так, тогда коллаж...

В это время левый глаз (кой глазничал уж час и смотрел КИНО-мираж) вдруг свершил крутой вираж и пошел на абордаж, чтоб — наглядно разобраться: что за космосо-кураж совершается сейчас!? Так когда кой-что узнал, в сей же раз о том «сказал»: сей пострел велико смел и поэтому посмел пересечь секрет-предел, кой в Небо улетел. Там, свидав цветной БУКЕТ из грядущих новых дел — в тот же миг повеселел, ибо частность разглядел!

Да ведь странность распознал, кою ране не видал! Чтоб начальник не страдал — вниз депешу переслал, где поместные дела в цвето-красках расписал. Всё бы было хорошо, но однако удалец то к вниманью не принял: ирреальность, нестандартность, да и то, что не знавал, и к тому же никогда...

А уж дале — как всегда! Чужестранно пребыванье возмутило рац. сознание, ведь — боится ИНдела, так как тайны превсегда. И оно, взнудав себя, вслед, без лишня замедленья, глав. помощникам ближайшим тут же выдало заданье, в коем местные ПРАВА почерёдно расписало.

Указанье — так сверстало: «Вы, локаторны тарелки и чувствительные «белки», — фантастичность распознайте и конкретику предметну начерта-

тельно представьте, да вот так, чтоб даже ВИНТИК — ничего не сокрывал». И хотя ДЕВЯТЫЙ вал, что с верховья прибывал, удивительность верстал, вместе с этим, поотрядно (и к сему — весьма парадно) по-соседству, приземленно — поочередный МАРШ звучал. Он хоральный «репортаж» в сно-порхание вплетал. Да вот тот, что издавна был до странности родной и довольно заводной.

«Тук-тук-тук, наш путь далек!» — голосит многоколесник, за невидимой стеной. «Бай-бай-бай, поспи чуток!» — вторно шепчет вкусный сонник, охраняя сон чудной. Вслед за ними, очерёдно — зажурчал РУЧЕЙ иной, кой свойскою поддержкой успокоил Сон земной. «На тот шум, что сбоку вплыл, ты, младой, не обижайся и сему не удивляйся, так как он — ДРУЖОЧЕК твой! Это — поезд скоростной, что от Времени сбежал, да вот в нынешний часок ХОД пространственный набрал. Да чтоб в миг малой попал — в занебесный звездный Слой. Он спешит в небесну даль, чтобы там, в ИНЫХ краях смог свидать космичный Рой! Как известно окруженью: ты, за Чёрную Дыру — никогда не проникал, а СЕГОДНЯШНИЙ полет, что за сонною чертой... Так вот ТАМ, за «пустотой», ИНОзвёзды предругие — совершают Бал цветной!».

«Не спеши, родной, постой! Ты — не рви волшебный строй! Лучше выслушай совет, безусловно — не земной: в сей момент, весьма ПРОСТОЙ — враз пронзи вселенский Крой! Дале, вслед, в одно мгновенье, соверши полёт другой, а войдя в тот Сон иной... Ты, мастак, чудак и странник, в действе сём не сомневайся и тому, что повидаетшь, — уж никак не удивляйся, ибо мир, совсем чужой, уж давно знаком с тобой! Да ведь он, на удивление, — был в той жизни пребылой, вот когда летал меж звёзд и Играл с Дырой большой! Там, за верхнюю стеной — ты найдешь знакомцев рой. Все они, в момент малой, — враз возьмут тебя с собой и немедленно покажут фантастический ПОКОЙ, где сегодня проживает бывший странник приземной.

Сей полёт необычайный — не случайный и специальный, чтобы ты, в Садах волшебных... Вот поэтому, сейчас — ни за что не просыпайся и в ТО царство занебесно преспокойно отправляйся!» — тихо, нежно, пораспевно спел ПОДСказочный подпольник, кой вслед пропел отбой. Но лишь только МЫСЛЕ-сонник предложил полет РОДНОЙ, как за ним, не отставая, содияя шаг иной: невесомый, озорной...

В сей же миг сквозь сладку дрёму, вдруг ворвался ВОДЯНОЙ и — нарушил сно-покой. Глав.сознание «слепое» (не ваяя лич.надзор) ТЕЛЕГРАММУ ниспослало, где наказ свой настрокало, чтоб поСЛУШники его — точно знали что деять. «Нарушителя поместна — без задержки отыскать, а для этого, по следу, СЛУХАЧЕЙ земных послать». Только здешни УХО-лоты поднастроили себя: чтобы гостя чужестранна — попредметно «соглядать» и доклад свой настрокачь, как вослед, в центральный пункт, где живала мысле-знать...

В ту же самую секунду (для реально понимающа попричинного страданья) от глубинна ПОДСознания заявилось знам.послание и оно, без опоздания — стало знания проявлять. «К нам прибыл гонец, ПОДводник, чтоб о следующих событиях — самолично рассказать. Это тот, что всем знаем (и к тому ж века-года), и вот он, чрез времена (для конкретного познания его рання пребывания) — подраскроет соб.права, чтоб смогли его признать. И вот именно ТОГДА мигом сможете познать: и приход, и ИНОрать. Но пред этим — упреждаю: наперва необходимо фанто-ЗОНТИК подыскать, кой в следующем общенье может помощь оказать. Скрыт задачу — так понять: что-бы путник — «не промок» и легко продолжил Лет, и...».

Но лишь только сей подсказник начал сладко засыпать, как вбежавшую секунду тут же резво оседлал неопознанный канонник, кой стал, без замедленья, о посвойском сообщать: «...» Не успело удивленье соб.сомнение издать, как в последуше мгновенье зазвенел пустой ПОДОЙНИК (а по быту — подоконник), да к тому же пожелал звон особый содить. «Дзинь-дзинь-дзинь, нельзя дремать! Ваше время — на исходе, и пора дела строгать! В ваш уютный уголок (по велению Верхов), с явь-реальным сообщеньем — пришагал малец, ЗАКОННИК, чтоб известье передать. А его, сюда, специально, модна дамочка ВЕСНА — в соб.котомке принесла, чтобы он, без мал стеснения, стал о ней оповещать».

От подобна познавания закружилась голова, а «окрайны» телеса натянули на себя все покрытия с полотна, чтоб СОСЕДА не слышать. И хотя явилось знание: у соседня молодца есть потайное ЗАДАНЬЕ, но для сна такое «зданье» (чей размер до Потолка) — то что должно содить...

А в ответ, в кудрях главы — возмущенье нарастало и при этом намекало: все ж подобные дела... Явь-конкретность — так плыла: «Сей весенний сорванец, что приплыл как глав.ГОНЕЦ — к нам специальнейше ворвался, и конечно неспроста! Но и это только частность, так как бойкий озорник, разрывая пути сна — неустанно издевался и, причём, велик старался, заставляя вскрыть глаза! Он — бубнил весьма СТРОПТИВО и к тому же без конца. Так к сему сия «стряпня» в лич.сравненьи такова: будто это быт-дозорник (межвременный бубензвонник), ДВЕРЬ по-сонну «раздвигая», тут же дале, как всегда...».

После паузы малой, вдруг опять, в главе СЕДОЙ — закудахтала сестра. «А уж это лиходейство — всем знакомо издавна! Ну а главная беда — это то, что сей бесстыдник, ухвативши путе-странца за чувствительны БОКА, в сей же час взнуздав «коня», пронизая слойность Сна... Да — спускает без стеснения в приземленны быт-низа, чтоб реально возвернуть в повседневные дела». Только стих ворчливый ГЛАС, что верстала стрекоза, как в окружии ближайшем, в ранге ЗВУКО-сквозняка...

«О, да что за кутерьма!? Что за странна муз.канва для поддержки прибыла?» — сквозняком прожгла мысль. Не прошло и полсекунды, как ответила сама. «Да опять же наш ИСТЕЦ, невзирая на помехи — издает сигнальную весть, кою шлет млада Весна!» Пара чутких УХО-лотов — мигом вестника узнали и свою реаль-депешу в центр связи переслали, чтобы знаемость была. «По-соседского живца, кой в сон просунул нос и сваял посвойский СОС, — опознали без труда и, причём, у глав.БОМЖА в подчиненьи малышня. То — сосулька из «стекла», и вот именно она... К сожаленью, «мама» та порождает, как всегда, — мал капель их хлад «дождя». Ну а данная СЛЕЗА очень бойко исполняет ритмо-звучну музо-трель (ибо в этом — есть нужда), и к сему сия братва, сослагая словеса...

А она, препостоянно, будто есть у ней права, — шлет КОНКРЕТНЫЕ слова: «Кап-кап-кап, покинь ПОСТЕЛЬ, ведь — вставать уже пора! Да настал заветный Час, чтобы курс грядущих дел повернуть на новый Галс и творить, но неспроста, — фантастичны чудеса! В новом РЕЙСЕ предстоящем — очень много разных дел (тех что надобно создать), но, однако, должен знать: всё ж подобны твор-дела — не деяли никогда! Так вот ныне, наперва, надо срочно начертать (поэскизно, набросать) — фантастическу текстовку (а верней — БУКВАРЬ-творца, нек фантастико-бойца), где секретны небеса... Дале, вслед, без промедленья — содить двойной КРИСТАЛЛ, а из вогнутых зеркал, тех, что скоро принесут близ помощники-друзья...

Вместе с тем учти к тому же препоследующий ОКРАС поотрядна жития! Быт реальный, коммунальный будет всё-таки, как ране, — без мечтательных прикрас, коих ждёшь уже года. А уж ежели попроче, то вот ОН, как превсегда, — претакой же полосатый, как матрац привыч-банальный, и притом его ПРУЖИНЫ (сов.секретные причины) будут всячески цепляться за нежнейшие бока. Явь-реальна суть грядуща — МАТЕРЬЯЛЬНО такова: вот когда закончишь частность предыдуща трудо-ДНЯ — тут же вслед, посредством Сна раскрывай послед дела. Эта данность — тем важна: чтобы мигом засветилась предальнейшая Игра, коя — ждёт перво-толчка. Ну а ежели вослед будешь в ритме сём шагать (и причём — из раза в раз), то чрез мерны времена ты тем самым перейдешь в оконечный школьный класс, где иная ТВОР-нужда. А уж дале, как всегда... Да тогда — экзамен сдашь, чтобы следом изучать АНТИ-странны чудеса! Это — малая задача, та что должен содить в наступающи года! И хотя она трудна — безусловно есть права: выполнять иль...»

О, однако же простите, мы же — главность пропустили! Ведь сейчас, те малыши, звуко-водные ЕРШИ, опознав утрату нашу, — свойску памятку излили. В заключенье — известили: «или, ИЛИ — не для вас и не мы сие решили! Ваше бравое участие — обозначили Верха, а задание такое, то что выше изучили...»

Сей итог чуток потряс, а в главе кудряшки скрытны в «потолок» уперлись враз, ибо — дырок там нема. Вот поэтому «ботва»... А она, хоть и должна, не сумев пролезть наружу, — закрутилась в везеля и с поличною подсказкой снарядила соб.гонца. «Может быть, сия БРАТВА всё же кое в чём права? Если так, то значит надо, как в былые времена...» В этот миг, совсем неожиданно — млад сестренка прибежала и концовку «заптала». Вслед, затем, единым махом — свойско мнение сверстала, кое, видно, направляла прагматическа мысля. «Ох, да воля бы была, то уж мы — поспали б власть и не стали бы вставать до полуденна утра».

Но лишь младшая ушла — тут же старшая пришла. «Этот звонкий кавалер, кой в ритме преуспел, — уж конечно же не Лель (потому что свойским ПЕНЬЕМ превелико надоел), да к тому же распевает средь середины вкусна Сна!» — сонна дама «свет» дала, раскрывая местну суть водяного удальца. Видно в чём-то все ж права! Ведь любой потайный СОН — есть секретнейший заслон: от проблем и дел дневных, от повязок бытовых, от реальностей лихих, да от всяка негатива, что мешает превсегда.

Сон, сон, сон, ты так хорош! Разве можно, самовольно... Но вот тут, как было До — вдруг раздался перестук, от которого, невольно, как бывает иногда... Да вослед, без упреждения закрутилась голова, чтоб сыскать секрет.БОЙ-ЦА, кой кружно вьёт «метель» и при этом — без конца. Раздраженье — под предел, ибо местный звонкий ШМЕЛЬ, кой вновь будить посмел... Так сией пострел-оконник (Зарубежный водный КОННИК), проникая в сонный сборник, своим цоканьем «копыт» — сотрясает «колыбель» и сажает нас на мель.

Знать-видать, у шалопая — преособенная ЦЕЛЬ, чья предметна быт-модель рац.конкретику несла. Глав задача — препроста: Сно-Полёт небесна странца — тормознуть и развернуть, а волшебный ВЕЗДЕХОД в порт приписки возвернуть, где объятья жития... Да как в прошлы времена, при возврате на низа (так бывало завсегда), снова, вновь, поочередно — на твердыне НАРОДИТЬСЯ, а затем, без всяк зазренья... Вслед — в общаге проявиться, где общественны ДЕЛА вмиг предъявят стар.права. Ежли более понятно, то появно окунуться в коммунальную КУПЕЛЬ (в повседневную «постель»), где поместна чехарда — ЗАПРЯГАЕТ твор-жильца, «запрещая» размышлять о создание волшебства.

А на улице-дворе — тепла мартовска мокрель! За окном, без остановки, сольну партию ведёт повесенняя свирель. Поотрядно, в помощь ей, по прозрачну русло-стоку истекает малый сель. Это дождик, стекло-дворник — личны действия совершает: серый, в «яблоках», оконник — моет, чистит, пыль гоняет, чтоб ПАРАДНОЙ чистотой встретить новенький Апрель. Так ведь юная Весна поручение дала: чтобы капельный

чередник изгонял бы надолга все предметны «семена», что оставила в наследство убежавшая Зима. Да — подобны «чудеса»: и остаточну ШРАП-НЕЛЬ, и подсохший стар «кисель».

Он, при этом — МНОГО-творник, ведь к сему, одновременно, очень весело, музыкально — о конкретном упреждает: надо вам снимать ШИНЕЛЬ, ведь дождлива канитель... О, нет, нет, не те слова, так как ПЕСЕНКА сия — поэтичной расцвела! Свойский сказ, потайно-явный — быт-практически вела. А конкретика предметна, что будила летуна...

Шепот шел — издалека, а реальная СТРОКА глав.известие несла. Суть «прозрачна» — такова: «В дом пришла Весна млада и проснуться бы пора! Ведь она — зовёт тебя и, причём, несет с собою событийные года! Вместе с тем учти «права»: вот она, причём не зря — с неким ДАРОМ прибыла, и при этом для тебя. Тайна сущность преепроста, а в познание — так цвела: подрасправив поокружно ДВА числительных крыла (два чередно преобратных, одинаковых ЧИСЛА, чтоб гармония была), предлагает, без труда — ОСЕДЛАТЬ в момент себя. Дале, вслед, совместно с нею, полететь в грядущ верха!».

И хотя депеша та (коя ласково влетала чрез антенны слухача) радость мерную несла, но отрядно вокруг кружилась — ИНОстранна кутерьма! Рядом с частностью сией, параллельно, в то же время — ПОДУЭТно веселились разно-ЦВЕТНЫ голоса. Видно, в чудном сонном царстве (в запредельном государстве) совершается всегда ПОСЕМЕЙНА чехарда?» — прозвучали в ПОЛУсне прагматичные слова. Так вот это прагмо-ЗНАНЬЕ — разбудило рац.сознание, и ОНО, без опоздания...

Глав.сознание, что ПРОСНУЛОСЬ, от такого опознания — по-пластунски развернулось и с великим «раздраженьем» в новый СЕКТОР враз воткнулось, а поместная тропа, коя дале повела... А по курсу, чрез секунду ЗАзеркальна чехарда, та что ЗРИМО расцвела... «Ах, какая красота! Значит, дивна ЕГОЗА не зазря сюда вплыла? Может, данна стрекоза, зная следные дела, всё же кое в чём права?» — пронеслась во сне мысль. Сон, однако, — не сдавался, предьявляя соб.права. Как-бы кто-то ни старался, ОН, в ответ на скрытны просьбы — боле, боле развлекался, содияя перед взором нов.картины стран.кина! Постоянно, вдалеке — слайды сочные казал и куда-то увлекал, в неизвестные края.

Ну а так как все ПОСЛОЙНО, то коммунная сестра, та что рядышком спала, — свойски действия продолжала и чего-то поглощала. Так она настолько ярко соб.виденье доедала, что соседня ЯВЬ-банальность, коя сочный чмок верстала, постоянно раз за разом — ирреальность разрушала. И вот тут, весьма СЛУЧАЙНО (да к тому же, не спросясь), в местну ДВЕРЬ — мысль впор-

хала и к тому же странна ТЕНЬ что-то лично напевала! Удивленье — выше крыши, ведь незнама ИНОстранность, та что следом припорхала... Знама сознание свидетел данность — отдышавшись удалилось, но пред этим, для дознанья, к ПОДСознанию обратилось: «...»

Друг сердечный, стражник МЕСТНЫЙ, — то конкретно сообщало: «Сквозь прозрачну ПОЛУДрему (через секретнейшую щель) новый ПУТНИК в гости вплыл, а его, весьма специально — занебесие прислало». По прошествии секунды — понимание вбежало, и на Лик его неявный освещение подало. Разуменья — подсказало: «Удивленье — неуместно, ибо ТО не зря впорхало. Это скрытно волшебство (в радость сонну путе-странцу) — слух напевами ласкало, чтоб ЧУЖОЕ убежало». Хоть сие весьма приятно, но опять-таки, однако (в шевелюре сер.кудрявой), от такого узнаванья — всяк вопросы заскокали и к ответу враз призвали: чтобы все — на МЕСТО встало.

Но как только завихренья соб.ЗАБРАЛА приподняли, как вослед, без промедленья, музыкаль-определенья тайный ЛИК расшифровали, чтоб незнамое кой-что — боле вслед не волновало. А сие о том вещало: «Вот сейчас, в окружье ближнем, звук фантастный, ароматный легкой бабочкой порхает, чтобы следом полегчало. Да к тому же местный СТОН все ж настолько невесом, будто это — газо-шелк, из котора ТКУТ-прядут фанто-сонно покрывало!»

Напряженье — враз пропало. Успокоившись немножко — осознание засияло и поличностное мнение моментальнейше сваяло. «Это где-то по СОСЕДСТВУ занебесна духо-флейта — звездны ПЕСНИ напевала?!» — так познание сверстало. Вслед, вздохнув — расшифровало: «Так вот эта ЧУЖЕстранка соб.букетом «разноцветным» дан пришельца, чудака, потаённо улаждает, чтоб — не думал о земном, том, что НЫНЕ не реально. Совмещённо, но потайно, к предальнейшему полету — тянет, манит, завлекает, и вот это само главно». Ах, да как же всё приятно! Так к тому, хотя и странно, извещенье расчудесно — к следну поиску толкает и сие довольно важно. Взгляд, мгновеннейше, — наверх, а вот там...

«А здесь, на радость, — необычна чудна СТРАННОСТЬ, кою все-таки не можно быт-предметно описать!» — изложила свойско зренье потаенна мыслезнать. «О, какая благодать! Да такого на земле — никогда нам не свидать!» — заглаголила тихонько раскудрява сера рать. Это та, что в голове завсегда на свойской страже, чтоб — депеши вмиг споймать. Ведь она — не любит спать, так как хочет Всё знать. Не успела тайна ЗНАТЬ кое-что еще сказать, — «солдатка» прибежала и о личном затрещала, чтобы тему поменять.

«Что за СКАЗОЧНЫ дела?» — прочирикала мысля, упредив прагматмышленье, кое начало страдать и страшилочки ваять. А за нею, ножка в ножку, — глав.сознание заворчало и зараз НАКАЗ издало, чтоб изволили

зараз нужны действия содирать. «Мне — не нужно кренделей, коих нам нельзя звать! Курс поместный — поменять! Вслед, задрав ОКНА-люки и подняв все паруса — в дом коммунальный поспешать!»

Только важная «верста», подкрепив конкрет слова, встала стражно у поста, как за этим, в тот же час соседская нога... Явна данность такова: близ подружка коммунальна, что сперва внизу спала, — забралась на верха и толкаться начала. Тело местна ЛЕТУНА, от негаданна толчка, — стало медленно вращаться и менять лежач бока. И вот именно тогда, к возмущенью сно-жильца, предыдущи чудеса — удалялись в никуда, а вместо волшебства...

Лишь сменилось положенье ПОЛУсонна беглеца, в тот же раз, на удивленье, — заявилося свеченье, кое шло из круглой ЩЕЛИ, что по центру потолка. Мысле-строчка, что пришла из извилиста полка, — соб.подсказку поднесла: Видно, Свет сваял туннель, чтоб свидать грядущу Цель, о которой намекали занебесные края!? Может так, быть может нет, ведь конкретность — не видна?! — тайна ЗНАМОСТЬ прошуршала, что в сомненьях, завсегда. Но как только парна частность растворила словеса, как вослед, без промедленья, славна СТРАННОСТЬ, что была, — цвет-фантаном расцвела. Вслед знакома МУЗЫКАЛЬНОСТЬ — нов.ритмичность поднесла, но она уже не та.

Мелодичное звучанье — стало более реально, и причём, секрет-ДЫРА в лич. «объятия» звала! Полусонные глаза — «пробудились», возбудились и затем, без мал задержки, к верхню НЕБУ устремились, где вершились МЕН-дела. Да видать, скорей всего, им полично захотелось СВИДЕТЬ фокусну фантастность, что теперь сменив порядок — «разорвалась» в лоскута. Будто там, средь звездна ДНЯ (а во времени — ВЧЕРА) — развлекалась детвора, предъявив в ОБМЕН себя.

Уж конечно прошлу данность, да вот ту, что ране, в малость, космо-сказочки казала и меж звезд похороводно — вытворяла Танце-Па. Чрез прозрачные леса поресничных опahal (полусомкнутых забрал) — виден верхний «карнавал» (но, верней, поместный свал, где ВЕРЁВКИ, для электро, — сотворяют странный бал), средь ЗАплатна потолка. А в округе, ПОподглядно — необычна чехарда! Быго-здешний небо-свод, что расплывчато ПЛЫВЁТ, — стал кромсаться и пластаться, но в размерах мал-мала, а с верховья, на низа... Так оттуда, с верхотуры, поражая ГЛАЗ жильца, — сыплет пласт из беллиста? Он, вращаясь по спирали, задевая всё и вся — шепчет НОТНЫ словеса!

«Чу, да что за КОЛЕСНИЦА совершает кругалю? Что за фокусы забавны вытворяют ОБЛАКА? Это те, что в коммунали, под навесом потолочным — не видались никогда?!» — зачирикала поспешно вновь прибывшая

мысля. Приглядевшись со вниманием — распознали фортеля, а уж дале, как всегда, проявили скрыт дела. Быт-наглядность преепроста, а конкретность — так плыла: странный СНЕГ, спускаясь ниже, превращается мгновенно в рукописну КАНИТЕЛЬ, коя знает дан края. Ведь ложится бел. братва — НА и вкруг овал стола. И хотя была Весна, но сия бела ЛИСТВА, удивляя без конца, — вьюжно вилась и кружилась, как февральская «крупа». Правда — крупная она?! Да и более того — след делами потрясла: прибывая на НИЗА, в тот же миг сия листва слой за слоем покрывала все окружные места! Но и это только частность, ибо есть такая главность: в окончании сего, что забавнее всего, в ней шагали, поотрядно, — стройны, строчны кренделя!

«Но уж нет, такой фортель — лишь с усталости приснится после творческа денька!» — поддержала близ родно подоспевшая сестра. Сделав паузу малую — след «приправу» подала. «Надо всё ж перевернуться, чтоб свидать другой сюжет, где к ОБЕДУ, на десерт, выдают земной букет, где бы знаемость цвела! Да такой, чтоб был знаком, как — кисельный винегрет, кой знаем издавна». Лишь закончила она по-предметны сленг-слова, как СОСЕДНЕЕ сознание — мигом выдало себя и тем самым предъявило свои главные права.

«Местна тайность, сонна данность быт-предметно — не трудна. Если явность вам нужна, то она — претакова: поднебесный ВЕРТОлетчик, получив секрет «пинок» (кой вызвал местный ШОК) — мигом, разом, крутанулся, а свершив лишь ПОЛвитка... И вот тут, весьма неожиданно, очутился, опосля — уж на новом ЭТАЖЕ, к возмущению потайну ПОЛУсонна белгеца. Дале, вслед, чего не ждал — в быт реальный окунулся, кой плыл не с далека, а из ближня уголка. А поскольку след свиданья совершенно не желал — вновь в далекое сбежал, где иная красота. Но лишь только умыкнулся (с предыдущим сонным курсом — в явной форме «разминулся»), как опять, к недоумению, в ирреальной ПУСТОТЕ, где одна лишь темнота...».

Вдруг настала тишина, так как общи словеса (пояснительна братва) — оборвали вмиг себя. И хотя сознание важно — зашуршало, заворчал, но причина явь-реальна не являла соб.конца. И опять, как уж бывало, средь фантастна ПУТЕ-сна — полыхнула звук-волна, а она, что раздражало, громче прежнего была. Голосила так она: «Динь-динь-дон, спустись в низа! Ведь на высшем небо-склоне — златно Солнце на откате и вступает в лич.ПРАВА согрядущая пора». В голове — шурум-бурум, будто рядом, по соседству, звонко булькала ГРОЗА, та что в утреннюю пору, не меняясь никогда...

От такого состязанья изменилось состоянье, объявив в главе — аврал. Сей запал «взорвал» ВОКЗАЛ и родился — мысле-шквал. В сер.извилинах кудрявых — зашумело, загудело, а затем, чрез интервал... По прошествии

секунды самый смелый «интеграл» — ПЕСНЮ собственну создал, где вопрошный сериал о событье испрошал. «Да куда сейчас попал? Почему такой обвал? Видно, ЗДЕСЬ живет нахал, раз пришельца ПОДнебесна — к приземлению призвал!».

Вдруг, нежданно-негаданно — нежный голос зазвучал, кой между слово-строк соб.ОТВЕТЫ излагал. «Ох, да тут Всё, всё возможно, даже некое ЧУЖОЕ, то что здесь — не ожидал!? Да быть может, как и должно, здесь и частность не такая, а — секретная, иная, кою Хронос напоследок Сну сладчайшу даром дал?! Если так, то шалопаи (ЧАСовой, что смену сдал) — ДВЕРЬ захлопывать не стал и в межзвёздный ХОРОВОД хладный «ветер» напускал, кой вмиг Бим-Бом сверстал!? Значит, далее — СКАНДАЛ, ибо сей «факториал», кой динькать пожелал...» .

«Как ему не ай-яй-яй, ведь за этаки дела — ПЛАТА следует, всегда!» — прошептала сно-мысля. «Ты, конечно же — права! Налицо — его вина, и хоть явность не видна, но однако тайный ДОН продолжает содиять местны, собствены дела. Видно совести нема? Да хотя бы — щель закрыл и полично не бубнил, и сознание не будил, дав ему сейчас поспать небольшие ПОЛчаса!» — похорально поддержала близ соседская родня. Сделав паузу малую — посильней застрекотала, взяв вниманье на себя. Но скорее стрекоза бунт среди мыслей подняла, раз глава «загрохотала» от построчна СКВОЗНЯКА, в коем разны словеса. А поскольку парно шла, то от дана «ветерка» моментально проявилось состоянье ДВОЙНИКА (а вернее, по-подробней, — разделилась голова), ибо каждая родня — ЖИЗНЬ полично повела.

Вот одна, что вечно справа, — в сонной СКАЗКЕ пребывала и со звёздной ИНОзнатью нежно, весело болтала, а вторая, что другая... А соседушка ближайша, приобняв дружка, СОЗНАНЬЕ, — враз бразды себе забрала! Ее местный ГОВОРОК был — вопросного накала. Если более понятно, то вот та, что прагматична, — память прошлую вскопала и о личном КВАКАТЬ стала.

«Где находишься, молчальник (нестандартный путе-странник), творилитель волшебства? Где ты нынче, БЫТО-чайник, тот что местно, превсегда...? Да куда ты подевался, неизменный чайный бражник (постоянный ХРОНО-стражник), ЗАБЫВАЮЩИЙ извечно — главны правила игры бытоздешня жития? Может, вновь на ТРЕТЬЕЙ полке поспешаешь в даль края, как в былые млад года? Ежли так, то как и встарь, постелив «простынки» мягки из печатна полотна (или «Правды», иль«Труда»), — СНЫ газетные «читаешь»: о прошедшем, о идущем, о последующем грядущем и о новых достиженьях коммунальна бытия.

А поскольку в день сегодня предругая суета, то, конечно — о БЫЛОМ, том что в памяти «видаешь», в коей разное слагаешь, так как жизнь превсяк цвела! Вместе с этим, поотрядно — о грядущих днях мечтаешь, тех что ВО-ВРЕМЯ придут в неизвестные года! Если более реально, то — о следующих делах и КВАРТИРНЫХ временах?» Эту свойскую поправку несуетно привнесла ПОЛУсонна егоза, что черёдною была.

Только дамочка ушла, как на смену убежавшей запоздалая вплыла и она, весьма ворчливо, дополнение внесла. «Уж, пожалуй, это так, и кудрявая КО-МАНДА — всё же кое в чём права! Но опять же только в том: это был — не СТРУННЫЙ стон, кой ранее вривался в ваш фантастный сонный дом!» — так сказала мал сестра. Подзакончив пояснение — тут же скрылась в соб. краях, где до этого жила. Но лишь только дама та, коя более УМНА, восвояси отбыла... Вдруг дуэтно, поответно, звуко-трубная волна (та что рядышком жила) вмиг вбежала в ВОРОТА и предметно начала — ...

Да ведь тут же, поприветно, чрез СЕКУНДНЫ времена... Но неожиданно припорхала знаменита звук-БРАТВА, коя вслед подсказ дала: До, Ре, Ми, вам спать — нельзя! Возглявлял их бубен-ДОН, а его размерный тон, что бежал с напольна «дна»...Если более реальной — явь-конкретность так плыла: в поокружии ближайшем громогласно зазвучал разностильный зычный СТОН, в коем явственно дышала ПОДнебесная гроза! Ну а ежели поточней, то казалось, в «перерывах» — то дудел особ «тромбон», чья ТРУБА настоль длинна, что вверху, у потолка... «Нет, ошиблася МЫСЛЯ, увидавши на камине хобот здешнего слона! То трубил — совсем не СЛОН из старинна чугуна! Уж скорей всего в свой РОГ пел секретный носорог (кой малость занемог), и поэтому сей СЛОГ — как тромбон бубнил и ВЫЛ, разрывая пути Сна!» — соб.ремарку как добавку моментально привнесла боле ЗРЕЛАЯ сестра.

«Кое в чём она верна, но поскольку старша дама всё ж во сне, как ты СЛЕ-ПА и глухая иногда, то ДЕТАЛЬ весьма заглавну — фантастично поднесла, поддержав познание сна!» — тут же следом прошептала матерьяльная мысля. Сделав паузу малую, чтоб понятливость пришла, — пояснила стран дела, те, что свойственно будили любознательна жильца. «Если быть чуток точней, то на слух сей трубный ЗВУК всё ж похож на перестук, издающий резвый стук, тот что знаем издавна!» Подзакончив объяснение, БЫТ-подруга отбыла, а в главе, что РАЗМЫШЛЯЛА, — рац-осознанность цвела. Местна знамость, что пришла, — соб.сравнение дала: у соседня ИНОстранца — преновейша дудко-Ля, не такая, как завсегда, вот когда в окно вплывает ранняя, утрення пора!

О, нет, нет, пожалуй, ЯВНОСТЬ — чуть поболее сложна, чем позналася наперва! После сонных рассуждений понимаемость пришла: как ни странно, но однако, необычный ВНЕШНИЙ стук, что вершит без остановки свой по-

вторный такто-круг... Удивленье — запредельно, ведь соседний ИНОдруг... Правда, данность — только частность, так как дале, вслед за этим, вот когда вся местна сцена превратилась в ЗВЁЗДНЫЙ луг... И вот вдруг, совсем неожиданно, чудно, сонно ПУТЕ-шество — стал ПАХАТЬ реальный «плуг»? Чрез секунду премалую изменились линии СЛАЙДА и явился новый «друг».

И вот тут, весьма неожиданно, в сонно шество ирреально вдруг ворвался явь-реально приземленный здешний ЖУК, чтоб немедля предложить сферу личностных услуг? Вслед за этим сей шалун, разорвав туман-ДОСУГ — сочно, шумно забасил и, причём, его «язык» пословесно разным был: словно то СТЕРЕО-звук, в коем веские шумы — повязали в общий пук. Глас его ДУЭТ-ответный издавал хоральный цуг: «тум-тум-тум, гав-гав, бум-бум!» И — казалось среди сна: будто собственны команды посылает в далека (с приземлена ЭТАЖА) — прагматичный ТЕХ.худрук?! От такого показанья вмиг нарушилось вниманье. Если явно и детально, то подобное УРЧАНЬЕ, кое местно содияло неизвестное создание...

Чуждый шум, что в сон проник, — испугало глав.сознание. Так оно, поойкав малость (приводя себя в СОЗНАНЬЕ), настрокало приказанье и его — послало кружно, как поместно указанье. В сей же раз потай вниманье (сжавшись вмиг в тугое ЗНАНЬЕ) — наострило пониманье и издало след заданье. «Вот сейчас, в один момент оседать незнам СТРАДАНЬЕ, а затем, без опозданья — опознать секрет деянье». Сей наказ был принят враз, так как вслед, без мал задержки, в сер.извилинах-кудрях засияло осознание. «Шелестит — СОСЕД поместный!» — подсказало ПОДСознание.

А ему поверить надо, ибо зная Всё и вся, уж давным-давно готово для внесенья — лична знанья. Ведь оно всегда на страже и поэтому сейчас, уловив соседский страх, — подключилось моментально, чтобы выполнить заданье. После паузы малой — пояснение содияло и причём оно звучало, как мягчайше оправданье. «Сей разбойник — верный пес: друг, соратник и помощник, кой славно и вальяжно (на наполье, пред КРОВАТЬЮ) — распластался важно-стражно, словно тайно охраняет сно-ПОЛЕТНОЕ дыханье. Но когда во СНЕ выдает посовместно просыпанье... Так вот этот-то ПОДпольник (что лежит, как модный коврик) — подпекает «слоистой» ПЕСНЕ, что стучится в волшебства и тем самым братана приспускает на низа».

Вот теперь понятны стали звуковые ЧУДЕСА, те, что сочно, звучно плыли с ПРИкватного ковра. «Собачара, как и надо, — самой первою проснулась и, конечно, как всегда, очень хочет совершить личны, тайные дела. Если так, то млад сестра по совету МУДРЕЦА (скрыт каминного дружка) — прорывается сюда и ломает ВОРОТА фантастического сна, чтобы «лётчик» занебесный возвратался в соб.края. Как ни жалко покидать расчудесные ме-

ста, но назойливость «звонка» — сотворяет финиш-СТАРТ, а в обнимку, нераздельно, выплывает превсегда поотрядный БЫТО-факт, а вот следом как всегда...» — плыли думы среди Сна.

Вместе с этим, посовместно (совершенно не затейно), еле слышно прозвучал бытовой сигнальный бас, проявляя соб.права: «Дале, боле — ни на шаг, так как следуеще явленье...!» А уж это — знамый знак, ведь сейчас настал тот Час, чтоб мгновенно, без зазренья прекратить послед.смещенья. Вслед, без всяк сопротивленья и не нужного стесенья... Знать придётся в сей же раз, без малейша промедленья...

И-и-и..., и вот уже — нет забавного виденья! Размышление — двоится и ПОЛЕТ уж не вершится, а в главе были явленья... И вот тут, в размер мгновенья, КТО-то тайно, без зазренья — направленье изменяет и на ЛИФТЕ сов. секретном на «твердыню» приспускает, для последуща движенья. Но лишь только местный странник мягко-спально «приземлился», в тот же миг, весьма реально — ГРОМ напольный разразился, в ранге здешня упрежденья! А его ваял-ссылал (бурно-рьяно излагал), чтобы боле не ленился, снопоходный местный лётчик — коммунальный друг-законник.

«Тяв, тяв, тяв, очнись, чаёвник! Да проснись, в конце концов, занебесный космо-звёздник и МЕХАНИКО-садовник! Что же ты подвытворяешь, разлюбезный старший творник, в совмещеньи сонный «конник»? Может, ждешь меня сейчас, чтоб твой нос слегка лизнула (и тем самым — в Быт вернула) и — исчез бы в сей же час зазеркальный ПУТЕ-сонник?! Побыстрей в реаль вонзись (явь-ЖИВЫМ здесь проявись), мой любимый чай-поборник! И не смей в верха глядеть, ибо надобно — вставать и известное деять!

Ба, да что ж это такое, как подобное понять?! Как же смеешь, без меня — в сонной позе пребывать и окружье не видать!? Так ведь ты — не в сказке той, где все люди королевства враз ЗАМЕРЗЛИ в миг малой и лишь ждали ИНОстранца, чтобы он их ВОЗВЕРНУЛ к соб.работе пребылой, той что им пришлось прервать?! Ай-яй-яй, да как не стыдно на ПОСТЕЛИ «возлежать», а старинно ёмко кресло (местну сонну колыбель) — ГРАНД-кроватью представлять! Хватит в Снах своих блуждать, да со Временем под ручку — в небо-сферах гостевать! Не пора ль с далёк Небес — в быт-коммуну припорхать и в своём старинном кресле, как и было ДО сего, чайно место подзаянять! Дале, тут же, как и надо, нашу трапезу ЧАЕВНУ (посовместную беседу) — пренемедленно начать! А затем уж, опосля...

Ох, прости дружок, В.М., соб.сестренку, близка пса! Да за то, что не спросься — Сон волшебный прервала! Состоянье очень сложно распрекрасно понимаю, так как кой-чего выдаю, в свете зарева откатна, койи солнце-луч

последний — посылает к нам сейчас, через краешек окна. Эта частность любопытна — не случайно прибыла. Ведь сией златистый МАЛЬЧИК совершенно не зазря — нежно бархатно ласкает поотрядны словеса!

А конкретность такова: на столе овально-чайном (меж свечей и чашкой с чаем) — в развороте та же книга, чья последняя страница (стар.знакомица любима) вечно трогает тебя! Эта данность не проста — в пониманье не сложна. Дан рассказ о ДВУХ сердцах (что свершают перелет в окруженье тайных ПТАХ) столь фантастико-волшебен, что волнует и меня! Если я в своих раздумьях хоть с окраины права, то ты вновь, как много раз, — упорхал в далек края!

Уж скорее так и есть, но сейчас — не надолга?! Видно, Мастер с Маргаритой (твои ПРОШЛЫЕ друзья) погостить к себе позвали, ну а ты, как знаю я, вот такое гостеванье — не упустишь никогда! Нет, нет, нет, не смей зевать, так как зрячего момента с нетерпением ждала, чтоб совместно обсудить ИРРЕ-АЛЬНЫЕ дела! Да все те, что шлют Верха, кои будут нам ВИДНЫ лишь чрез мерны времена, а пока... А вот сперва — разберем реальну рать, ту что падает в низа! Я — сиим удивлена: СНЕЖНО-белая листва, та что видел среди Сна (кою дарят Небеса при посредстве Потолка), — до сих пор летит в Низа и не видно мне конца! При поличном дознаванье — то предметно поняла: явь-реальна череда — шрифто-писчая братва, правда, скрытная пока. В ней описана Весна, но не только НЫНЕ дня, а и та, что в след года! Ох, да всё ж открой глаза! Сколько можно ждать тебя! Побыстрее спустись сюда! А затем, да поскорей...

Ты, перечить мне — не смей! Вот сейчас, да поскорей, два раздвоенных КРЫЛА, опахала-веера (саблевидных и лохматых) — вмиг у черных дуг приклей. Да вот так чтоб синь-моря — моментально развернулись (враз покинув мир ТЕНЕЙ) и в поместье возвратились, в измеренье быто-дней. Уж конечно, как и надо, — в мир общественных ВЕЩЕЙ и прагматных быто-дней, ну а так же непременно, к ПРОЯВЛЕНЬЮ твор-идей! Да ведь знаешь распрекрасно о — конкретности сией: есть дела у нас поместны, а они — важней, главней! Здесь конечно же — важней, чем летать к далеким звёздам и витать между «теней» некой СЛОЕЧКИ двойной: рядом с Чёрною Дырой и её Белой «сестрой»!

Ты сейчас, не суетясь, — погляди во внешний двор, что наглядно распластался за стеклянную «стеной», коя слойно проросла за козеточной спиной. Если всё же не СЛЕПОЙ — то свидаетшь вмиг малой: там уже — вечер старой! Так вот он, перед уходом, — шлет поклон всем свой земной, что окрашен крас.зарей. Постаревший солнце-зной полчаса тому назад — подсокрылся за горой. И хоть Гелиос большой греет НЫНЕ край другой, но его лучи последни, что прощаются с тобой, — красят верхи КУПОЛА в темно-жаркий цвет золотой.

Успокойся, милый мой, лишь окошко шире вскрой, чтобы воздух охлажденный по коммуне побежал ароматною волной. Ты сему — не удивляйся, что чрез весь вершинный крой: шпилей, крыш и крон с листвой (чей дизайн весьма большой) — дует ветер молодой. Он в заплечном рюкзаке всем несет БУКЕТ лесной, коий дарит хлад-покой. О, не надо возмущаться, что приходится прощаться с занебесною семьей! Не смотри так на меня, а послушай «старика», что ДУЭТОМ песню спел (и к тому же — для тебя), чтобы смог понять РАЗМЕР наступившего утра, а затем, как завсегда, но опять-таки — со мной...».

А сквозь сонный ПОЛУдрем — проникал трезвон двойной, коий резво «семенил», формируя сочный слой. Да ведь в это само время местный Хрон, король Времен (в здешнем, стройном кабинете) — отзвонил бим-бом, Шестой. Вот тем самым важный Дон упредил коммунный дом: чайный УЖИН — уж готов и при этом со свечой. Знать, пора жильцам общаги (и гостям, что явны-тайны) — предложить чаевный Той! Сей бродяга, хоть ПРОЗРАЧЕН, но в делах — всегда реален и, конечно, не допустит, чтоб о ЧАЕ подзабыли в теплый вечер гостевой. Но лишь только мысле-рой опрастал подсказ ЖИВОЙ (коий должен бы помочь приспустить в ДОМ земной), как неожиданно звук иной — полыхнул над головой.

«Ой-ёй-ёй, да что с тобой, ведь пора уже домой! Так ведь рядышком со мной... Да взгляни-ка, друг старшой, на округлый «торг» жилой! На овале, у козетки, нас давным-давно заждались глав.помощники стола, чтоб немедленно начать — ДИАЛОГ весьма земной! Да — общения желает вот такой отряд большой: чайны чашки с бел.свечей, термос с чаем из ромашки и корзиночка кудрява с СУХО-жареной братвой, коя с дырочкой малой. Вкруг — друзья превсяк расселись, хоть невидим их постой, ведь они пока сокрыты ПОЛпрозрачною «стеной». Ты, опять-таки, учти их особенный настрой: все они, прибыв СЮДА, — нетерпенье проявляют и, конечно, ожидают, что теперь-то, наконец, угостишь конкрет.Едой!

Ты, соавтор мой младшой, не крути седой главой! Лучше делом подзаймись, чтобы стол был вновь родной! Наперва — сюжет такой: хоть остыл чаек былой — отхлебни глоток малой; вслед зажги белу свечу, чтобы огне-постовой — осветил чаевный Той. О, да что за чудеса вытворяются порой?! Почему заместо сушек (на десерт к любиму чаю) в той корзиночке старой — рукописный ВЕРСТОВОЙ, чей потайный Вес земной можно выровнять, секретно, только Космосо-Дырой, с Черно-Белой стороной?! Я велик удивлена, тем что в центре чай-стола нека новая Еда и, причем, страничный строй... Видно, все-таки — глупа, раз свидала, в изначалье, в центре дружки кружевной... Ой, опять раздался бой! Ба, да то настенный Янус («дядя» Хроноса напольна, у котора бас двойной) обозначил, в под-

тверждение, — наступивший час Шестой! Знать — пора уже настала, чтоб секретную Еду посовместно поглощать и по стежке вверх скакать, познавая ИНОстрой! А раз так, то я — с тобой, чтоб совместно Всё свершать и познания глотать.

Я, конечно же, не против, но пред тем как Старт деять, всё ж желала бы в запас: в свой бурдюк, в животик малый — кой-какой предмет сослать, чтобы легче курс держать! Как же хочется сейчас кой-чего на зуб принять и хрустящий вкус познать! Ты, братан, — не смей смеяться, лучше дай-ка мне сушняк, чтоб смогла б его сжевать. Но вот этого — не надо, перестань озорничать! Я — не ты, чтоб чай плескать или брызги водяные на углы иль стенки стлать!

Ах, прости, ведь данны действия сотворяешь всё ж не ты, но тогда откуда взялись эти странные «хвосты», кои смеют истекать?! Да уж сам изволь понять, почему со всех УГЛОВ: с потолка, со стен, с окна — потекла чужая рать!? Вместе с тем, на удивленье — стала так себя являть: где-то капать начала, где-то струйкой потекла, а сейчас, на верхотуре, где чернявая БРАТВА (древня люстра с чугуна) — свет ссылает на низа.

Ой, да что же всё ж творится в центре местна светлячка?! Что за странные ПРАВА предъявляет люстра та? Почему под потолком СТО-литровая свеча (славна лампа Ильича) стала тиками моргать, да — не так, как пре-всегда?! Видно, паузой БОЛЬШОЙ хочет лично подсказать о конкретике иной, той что шлет нам с потолка!? По размеру временному, кой знаю издавна, их, сейчас — не пятьдесят, а всего лишь только ПЯТЬ, чем велик поражена!

В прошло время, в ШКОЛЕ неба — пульсо-такты изучала и тем самым знаю я: арифметика сия — не стандартна, как должна! Да к тому, на удивленье, свет от верхней «керосинки» — засветил как никогда! Так к тому же не пойму: как те ТИКИ необычны быто-счетчику считать, для которого важна знам-стандарт величина!? Прежня скорость круг-дружка (что — привычною была) — только в сумме ДВА витка, ну а здесь, как вижу я...!? Как мне жалко скакуна, ведь такая КУТЕРЬМА может «голову» сломать, а за этим, опосля... Ведь тряпичны провода (коих кружно обняла истекающа вода) — вдруг провисли от ДОЖДЯ и теперь кручен-тропа бег свершает, как волна?! Но, быть может, не права? А уж ежели это так, то виной сему тогда... О, я все же поняла быт-коммуны чудеса! Видно, тайны удальцы, электрически гонцы — ПО-ВЗРОСЛЕЛИ донельзя: потолстели, вес набрали, и поэтому ВЕРЁВКИ, от их массы в «килограммах» — изогнулись, как дуга?!

Ба, да что за скрыт.дела? Что за странны невидимки проявили голоса? Да с дыры камина стара, совершеннейше нежданно, понеслось секрет «дыханье» и причем такое ЖАРКО, что за стареньким забралом (ламбрекеном с чугуна) —

засветилась Свеча! Поотрядно вместе с этим, и притом в углу соседнем, раздалось музыч-стонанье, а вослед, видать, в поддержку, пораспевное шептанье, и при этом, что приятно, — в плане Белого стиха! Но и это часть мала, так как тут же, чрез секунду, мощны двери дрeв.шкафа — закрипели, застонали, хоть недавно, за ТРИ дня, коммунальный Старшина, но согласно указанью, кое я ему дала... Так вот он их, как всегда, — желтым воском «накормил», чтобы жизнь была легка! И, конечно, ЖАЛОСТЬ та, кою слали стар.«дрова»...

Значит, данность — неспроста? Да ведь там, где темнота (во внутри, средь барахла): или Кто-то, или Что-то — начал охать тяжело?! Может вам, Старшой, смешно, а вот мне превсяко То...О, не смей сейчас смеяться, так как в случае сием — не пойму я ничего! Перестань деять свое! Не крути свой ус пшеничный, будто ныне у тебя — только ВНЕШНЕ бытиё, что решается легко! Ведь не ведаешь того, что сейчас, в округе здешней — всяк ПРОЗРАЧНОСТЕЙ полно! Их, конкретно, ты — не зришь, потому что тайно спишь и не видишь чудо то, кое мигом проявило нек секретно кой-чего.

Ну, а здесь, на радость мне — изменилось кое-что?! Быт-предметно — вот чего: наша модна комнатуха — стала Светом наполняться, а окружие поместно, что прибыло только-что и «цветисто» расцвело... Так оно, что очень странно, в новоявленных Лучах — ирреальность обрело! Мне, конечно, очень жаль, что не видишь нечто ТО, что явилось к нам специально (и опять-таки — РЕАЛЬНО) на потайно торжество.

Их парад, весьма предметный, Небесами обусловлен, и причём — ДАВНЫМ-давно. Ты к сему, из-за того, что пока их явь-лицо всё ж секретно до сего, — не волнуйся, не терзайся, так как следом, в нужный ЧАС, но не ранее того... Так когда с ПОДпотолка вниз спорхает кое-что — сразу, враз СЕКРЕТЬЕ то...

Да как только в ком.жилье к нам заявится с наказом судьбоносный «рулевой» — враз проявят скрытный КРОЙ, чтоб вослед познал кой-что! Это — то, что до сих пор не казало соб.Лицо. Изложение моё к окончанью подошло, но пред тем как я начну содиять полич.своё — сообщу тебе сие: у меня к тебе, младшой, нет претензии иной, кроме сушки премалой, коя манит соб. дырой, а ведь это — оттого... Уж прости меня за всё, но сия ФАНТАСмагорья так достала хорошо...

О, о, о, да к нам опять ПРИЛЕТЕЛЮ существо!?! Видно, вновь в коммуна-общагу, не спросивши разрешенья, — снова что-то забрело!? Поражает больше то: только нечто НЕИЗВЕСТНО приземленье совершило, как вослед, без промедленья — Всё в движение пришло! И — поехало, пошло! А вот дале, как всегда...

Может, я и не права, но подобное явление — личным разумом спознала, исходя из соб.ума. Понимаю — так дела: это, видно, ПОСТОВОЙ, тот, ко-

торого ждала, — к нам прибыл на чай-вечор и при этом не зазря. Суть прихода такова: чтоб вослед — ПАРАД принять стихо-строчного полка! Если кой-кому не ясно, то — мгновенно разьясню событийные дела. Да чтоб всем понятно стало: что за странна грандо-ПТАХА — ниспустилась в дан места и с каким особ.заданьем прибыла она сюда.

А реальность такова: глав.правитель всех Времен (достолавный, тайный Хрон), при посредстве ВОЛШЕБСТВА — извещение нам прислал, для похода в далека! Если более понятно, он ПРОЗРАЧНО «начертал» важны вески словеса, те что вмиг перевела. «Наступил заветный ЧАС, и вот с этого момента, ком.жильцам и всем ГОСТЯМ — Путешествие начать: поступенчато, спирально в самы разные КРАЯ, но при этом восходя — в предалёк.космич.Верха!». Раз уж так, то я — готова: на разведку побежать и на тропке согрядущей свойски знаки оставлять, чтоб младой и вы, друзья, — вслед смогли бы Путь спознать, по подсказке лич.меня».

Ты, Сан-Шайн, чаевна Сан, как всегда себе верна! Но сейчас — в одном права: наконец, настал тот час, чтобы нам, без промедленья...*

* Здесь сон автора прерывается.

Геннадий ПАНФИЛОВ

МУРКИНО МЕСТО

Я живу в большом городском доме. Мои соседи по площадке — молодая чета, оба — инженеры. Они гостеприимны, отзывчивы, и я с удовольствием принимаю их приглашения на чашку вечернего чая. Но самые дружеские, можно сказать, сердечные отношения сложились у меня с их сыном, шестилетним мальчуганом Сережей. Сережу ничто не интересует на свете больше, чем растительный и животный мир. Книжки, игрушки, видеофильмы, телевизионные передачи у него на одну тему, чувственным воплощением которой является далеко не молодая кошка Мурка. Он не любит детский сад, мало общается с детьми, предпочитает сидеть дома. На улицу выходит только прогуливать Мурку. Или — со мной. Вопросы сыплются из него, как из рога изобилия. «Дядя Коля, почему кошки ловят мышей и дерутся с собаками? Их же никто этому не учит. А что такое рефлекс? А что такое ум? А вам жалко зверей в зоопарке? А когда всем людям будет жалко, их выпустят на волю? А вы тоже думаете, что труд превратил обезьяну в человека?». Не на каждые вопросы я и его родители можем ему ответить. Разрешая их самостоятельно, он приходит к выводам и заключениям, приводящим родителей в тупик или отчаяние. Однажды Сережина мама трагическим голосом сообщила:

— Сережа отказался от обеда. Заявил, что больше не будет есть мясо и рыбу. Пожалуйста, убедите его! Вы умеете с ним разговаривать. Андрей ставил его в угол. Хотел ремнем, я не позволила. Что делать?

Или в другой раз:

— Вы не поверите, он решил стать лесником. Будет охранять лес и животных. Я понимаю, что с возрастом это пройдет. Хочу в это верить и не могу. Он кажется мне уже взрослым, все, что говорит, я воспринимаю всерьез. Он постоянно сосредоточен, что-то рисует, режет, клеит и при этом разгова-

ривает с собой, смеется и даже плачет! Это ужасно. Он живет своей, независимой от нас, жизнью и не любит, когда мы вмешиваемся в его дела. Прошу вас, побеседуйте с ним, объясните ему, что растения и животных изучают в институте, что есть существенная разница между ученым и лесником. Сережа совсем меня не слушает. Обещаете?

А то еще услышал от нее такое:

— Знаете, мне иногда стыдно становится за то, как мы живем с Андреем. После рабочей недели мы с ним расслабляемся — вино, потом, конечно, телевизор. Бывают гости. Застолья. Ну, сами понимаете. А Сережа смотрит на нас со стороны, такими глазами — кусок хлеба в горло не лезет. В такие минуты я ненавижу сына.

Сегодня, субботним утром, я услышал за стеной Сережины рыдания, переходящие в истерику. «Просит, наверное, аквариум или еще что-нибудь в этом роде», — подумал я, спешно глотая завтрак. Апрельское солнце, игриво подмигивая в окно, звало на улицу. Я набросил на плечи пальто и сразу, из подъезда, попал в объятия весны. Не замечая времени, бесцельно и бездумно бродил по тротуарам, дорогам, газонам, ломая хрустальные пленки льда и оставляя отпечатки ботинок на серых полосках снега. Невольно вспоминались стихи Тютчева: «Еще земли печален вид,/ А воздух уж весною дышит./ И мертвый в поле стебель колыхнет,/ И елей ветви шевелит...».

Мое рассеянно-лирическое настроение улетучилось, когда на свалке хлама у дороги увидел поразительно знакомый предмет. Ну, конечно же, это тот самый, обтянутый вылинявшей материей в полоску диван, на котором я сиживал у соседей, попивал вкусный чай и под монотонный аккомпанемент Муркиных песен беседовал с хозяевами. Мурка всегда лежала на этом диване, свернувшись калачом, и там, где она обыкновенно располагалась, было углубление. Сережа с большим удовольствием показывал мне это углубление и, как о великой достопримечательности, говорил: «Муркино место!»

Было жаль этого выброшенного предмета. Помимо жалости меня беспокоило какое-то смутное, неприятное предчувствие. Оно подтвердилось, когда подошел ближе и увидел на диване, на своем месте, свернувшуюся в калач Мурку. Сел рядом. Тоже на свое место. Погладил вздрогнувшее тельце кошки. Из-под ладони выпорхнул и улетел белый пушок. Только сейчас заметил, что солнце ушло за тучи, стало ветрено и холодно. Я позвал Мурку, но она не шевельнулась. Когда взял ее на руки, она, недовольно ворча, освободилась и заняла свое место.

— Э, молодой человек, что вы там делаете?

Я поднял голову. На балконе ближайшего к свалке дома стоял мужчина в пижаме.

— Не кошка ли там у вас? Чтоб она сдохла! Всю ночь не давала спать. Не ваша ли? Э! Куда вы?

Я поспешил к своему дому. Диван предусмотрительно был вынесен далеко, за квартал. Начинало снежить. Соседка встретила меня, радостно-возбужденная. Сегодня Андрей привезет новую мебель. Дорого. Влезли в долги. Что вы сказали? Погулять с Сережей? Пожалуйста. Она даже рада. Пусть проветрится, отвлечется. Он много плакал с утра. Из-за кошки. Вы же знаете, она старая, стала неопрятной. А тут новая мебель, изящная обивка. Андрей отвез ее усыпить.

Я шепнул Сереже — нашел Мурку. Обычно медлительный, сейчас Сережа оделся быстро. И не надо рассказывать, как мы торопились к ней. У ближайшего к свалке дома я резко остановился, хватая малыша за руку. Навстречу медленно, вразвалку, шел мужчина, который недавно стоял на балконе. Его круглое, мясистое лицо светилось удовлетворением. Рядом, вразвалку, пуская слюни, шел грудастый бульдог.

— Дядя Коля, мне руку больно! Что мы стоим? Вот же наш диван!

Я отпустил его руку.

Я много видел убитых кошек, собак, других зверей, но, признаться, впервые так близко к сердцу принял гибель животного. Стоял с мальчиком у останков растерзанной Мурки и глотал подступивший к горлу ком. Сережа плакал молча, раз за разом поднимая руку, чтобы смахнуть слезы. А снег все шел и шел, покрывая белым одеялом землю, асфальт, Муркино место на диване и то, что от самой Мурки осталось.

Игорь КЕЦЕЛЬМАН

МИНИАТЮРЫ

НОЧЬЮ

Сквозь листья прорывался свет, и на асфальте был виден желтый кружок. Фонарь? Девушка подняла голову. Сверху на нее печально смотрел месяц — желтый камешек. Совсем как солнце, такой же кругленький, только поменьше. — Ночное солнышко! Она наступила ногой на желтый кружок. Прохладно. Нет, не нагрелся асфальт. — «И никакого ты не солнышко! А фонарик, — решила девушка. — И не спорь. А может, ты месяц? Кто же ты? Месяц или солнышко? Что молчишь? Ну и оставайся тогда фонариком. Молчание знак согласия». И она пошла дальше, ступая по желтым пятнам на асфальте, словно по солнечному свету шла, только холодному. Тихо выговаривала новому знакомому: «Спишь, потому и холодное. И молчишь поэтому».

Так шла девушка летней ночью, по тихому городу, помахивая корзиной с клубникой — ничего, не вывалится, в электричке она хорошо за нее принялась. Хотя, если размахнуться посильнее, ягоды полетят вверх, как искорки от фейерверка, да на нее и просыпятся, и станет она вся в красных пятнах, некрасивая. Фу, не надо! Перестала размахивать корзиной, понесла ее спокойно. И правая рука, в которой несла туфли, тоже остановилась. — Ты-то чего? Махай на здоровье. — Но правая рука присмирела, не хотела одна.

Девушка посмотрела под ноги, желтые пятки все так же пробивались сквозь листву деревьев и ложились на асфальт. Подняла голову. Месяц по-прежнему смотрел на нее сверху вниз. — Свысока? Да пусть. — «Не спишь, светишь? И я вот не сплю — одна? А если еще кто не спит, да встретится по дороге, то мне будет очень плохо — слышишь, солнышко? И ничем ты мне не поможешь, хоть и смотришь сверху во все глаза». — «Вон там, впереди,

что такое? — осторожно посмотрела. — Вон там». — Нет никого, только тени деревьев на асфальте.

«Вот и дом — мне сюда. До свидания, солнышко ночное, спасибо, что проводил. Когда еще встретимся. Меня так поздно больше и не пустят. Пока», — махнула ладошкой вверх. Шагнула к подъезду и остановилась. Подняла голову и обиженно — «Почему молчишь, не отвечаешь, когда девушка с тобой говорит? Или ты старенький, дедушка? Солнышко — дедушко. Белый весь. Точно. — Дедушка! Все равно молчишь? Ну ответь! Пожалуйста, пусть случится!» — Молчание да ровный свет. Опустила голову. — «Хватит, подурчилась. Я пошла». Хлопнула дверь.

И тогда погас месяц, закрылся тучей. Некого стало провожать.

СОЛНЦЕ

Лето. Девушка на улицу вышла и замерла, зажмурившись, под лучами солнца тепло. — «Ты чего?» — «Хорошо мне, тепло, и будто гладит кто, ласково-ласково. Словно любимый...» — «С солнцем гуляет!» — смеялись над ней. А Солнца лучи — пальцы глгучие лишь дотронулись, чуть погладили, — а след остался. Стала девушка смуглою.

«Это ты от жениха своего такая, — дразнились подруги, — от его поцелуев да объятий жарких». — «Неправда!» — злилась она, а те еще пуще: «Солнце ее полюбило. Горячий же у тебя жених, и высокий какой, рукой не дотянешься. Только любовь у него короткая. Весь ей срок — до зимы. Готовься к остуде». — Молчала теперь. Посмеются и забудут.

И зима пришла. Девушка от колодца идет, тоненькая, невысокая, в руке ведро железное. Закутана в теплый платок, лица не раскроешь, мороз кусает, как зверок какой, лишь изредка глаза вверх поднимет — как ты там? — а солнце наверху бледное, незаметное такое. — «Ты белый, и я бела, загар-то не сразу, а сошел. Ни следа не осталось, ни напоминания, слышишь солнышко? Бела я опять, как прежде. И сватать меня хотят». — Молчит солнце и светит еле-еле. — «Молчишь? Ну и я помолчу».

Дужка ладошку холодит, ведро тяжелое руку оттягивает. Она вперед, а ведро за ней толкается, будто она ногу с колодкой подволакивает. Не девушка, а колодник какой!

Поставила на минутку ведро на снег, дух перевести... Платок чуть приоткрыла, со лба приподняла. — Брови у нее пушистые, как снег свежевывавший.

И опять вверх посмотрела. — «Бледный какой. Ну-ка...» — Варежку сняла и ладонь подставила прямо под солнышко, под свет его слабый. — «Да

ты же холодный совсем! Потому и белый такой. Замерзнешь! Спускайся скорей за лес, в дом свой теплый, — вон какая стужа. И еще холодной будет. Иди же! Все дома, один ты круглый день на улице. Да не красуйся передо мной, ишь каким заревом небо вокруг тебя залилось. — Ведь холодно! Что — не боишься? Все равно ступай». А сама довольная-довольная на небо смотрит розовое. — Красивое. — Для нее!

А мать уже со двора кричит: «Ты на что засмотрелась?! С солнышком опять игры играешь? Ой, точно у меня дурочка выросла. Ведь женихов отдашь! Всех до единого! Быстро домой!» — Подхватила ведро и чуть не бегом, вода через край плещется, бросилась в избу. И взгляда наверх не кинула.

Что-то рано в тот день в деревне сумерки наступили.

КАРТИНКИ

1

Пламя на ветру. Среди ночи, в лесу, под черными деревьями изгибается красноватое тело огня, будто тоненькая девушка танцует. Извивается ее тело в каком-то странном танце. То приблизится, то отойдет. Словно завлекает, завораживает: «Иди ко мне. Одна я. Скольких спалила, а все одна. Может, ты?»

Танцует, привораживает тоненькая девушка-пламя, рассыпаются под ее ногами головешки почернелые.

2

Красноватое небо на закате, как зола костра погасшего. Чуть разгорается от дуновения слабого. Небо краснеет — зола теплится.

А перестанешь дуть — совсем остынет, станет темное. Ночь придет — пепелище черное.

3

За деревьями леса есть еще один — синий высокий лес. Небо на закате. Полоска синяя.

4

Стена — это сплетенные объятия двух людей. Крепко-крепко друг к другу прижались.

Стены монастырей, стены келий — объятия. Влюбленные хранят покой отшельников.

ЧУДИЩА И ЧУДОВИЩА

Разные есть чудища. И живут они в лесу. Вот леший косматый — девушку в чаще заблудит, да навстречу и выйдет, весь корой заросший: «Поцелуешь — выведу». Отпрянет она испуганно, а под ногами вода зачавкает — болото вокруг да лес темный. Что поделаешь... Вздохнет красавица да чмокнет косматого в щеку шерстью заросшую.

Ведет ее чудище лесное, и все светлее и светлее становится, — деревья расступаются, выпуская их на опушку. Вот и поле, а за ним дома видны. Леший посторонится, пропуская девушку. — «Иди, слово я сдержал». Повернется и назад пойдет, в дом свой, чащу темную. А в спину ему слова полетят, громкие, чтобы слышал, — «Урод косматый! Лешак!». Услышит, да не оглянется — все правильно, ведь он чудище.

А Дед Мороз? Ведь он тоже из леса. Людей морозит, жизнь из них выдувает. И землю-покойницу в белый саван одел. Скольких он насмерть заморозил, у скольких последнее тепло отнял! А чудищем никто не называет. Дедушкой его зовут. — Дедушка Мороз. И в дом приглашают, гостем дорогим называют. Будто близких, родных не он убил.

Скрипнет дверь, и в избу, в теплой шубе, с посохом в руке, войдет старик с длинной бородой. То-то радости! Никто и не вспомнит... Ведь Дед Мороз — «Подарки нам принес!».

Татьяна ВЛАДИМИРОВА

«ZUMA»

Он переписал эту игру у приятеля и установил себе на компьютер. Он долго не притрагивался к ней, считая её детской и легкомысленной.

Рубился себе в C.S., считал «фраги»... Лениво так рубился, от нечего делать, тем более что он был уже на втором курсе института, и давно успел понять, что в перерыве между сессиями можно спокойно расслабиться.

Мать только иногда донимала: «Перестань, да перестань! Сходи в библиотеку, почитай книжки! Что тебе, нечем больше заняться, как только своих чертей в ящике гонять!»

Мать всё нудила, а он отмахивался от матери, как от назойливой мухи.

Раза два-три в неделю он выбирался в институт, сидел на парах и даже записывал чего-то.

Если «препад» был уж очень зловредным, он ходил также «на лабы» и на семинары. А после занятий сидел в парке, пил с ребятами пиво, «тусовался» с девчонками. Особо — никого не отличал. Так, немного на Таньку, старосту, поглядывал.

Впрочем, бесплатно глядеть можно было сколько угодно, и на кого угодно. У Таньки был парень, из параллельной группы.

Жизнь текла спокойно, ни шатко, ни валко. До тех пор, пока, в один прекрасный день он не решил посмотреть, что это за детскую игрушку он установил себе. Он так просто решил посмотреть, что это за игра.

Так, как всегда. От нечего делать.

Игра, действительно, оказалась — проще некуда. На заставке к игре — фигура, похожая то ли на бога древних китайцев, то ли на бога древних индейцев. Фигура бога, или просто идола с двенадцатью — то ли ртами, то ли входными воротами.

Казалась, что фигура этого идола скрывает какую-то тайну. Тайна эта манила и завораживала. Ведь именно индейским богам приносили человеческие жертвы.

А сама игра...

Сидит себе лягушка, или какая-то, похожая на неё, тварь, и выплёвывает изо рта шарики. Он вошёл на первый уровень, и попытался выбить шарики с их траектории, закручивающейся простой спиралью.

Однако, не тут-то было! Он не успел! Шарик провалился в тёмную дыру, и он потерял «жизнь», одну из трёх.

— Что за ерунда! — сказал он сам себе. — Неужели я... да какие-то шарики...

Он поднялся с компьютерного кресла, пошёл на кухню и заглянул в холодильник. Он уже предчувствовал, что не отстанет от этой зловредной лягушки, и ему захотелось подкрепиться, прежде чем засесть за неё основательно.

Мать была на работе. В холодильнике стояла кастрюля с супом, лежали сардельки, сыр, яйца. Суп разогревать ему не хотелось. Он взял сардельку и закинул её в микроволновку.

«Вот я сейчас...» — думал он, жуя почти безвкусную сардельку и заеда я её тоненькими кусочками сыра, которые он отправлял с ножа, и прямо в рот.

Он дожевал свой «обед» и вернулся к компьютеру.

К вечеру он уже почти одолел первый уровень, ещё промахиваясь на его последних ступенях.

И голос за экраном говорил ему волшебное слово «Zuma», когда он особо удачно выбивал шарики. По крайней мере, так ему казалось.

— Ма, такая игра классная, — сказал он усталой матери, когда она вернулась вечером с работы.

Мать скидывала в прихожей туфли.

— Ну, я и устала... — вроде бы как ответила мать. — Ты не представляешь, сколько сегодня было народу! Ни вздохнуть! Ни до туалета добежать... Да все ругаются, да все торопятся...

Мать работала в Сбербанке. В том отделе, где принимают плату за квартиры и коммунальные услуги.

— Опять суп не ел!

Это мать уже дошла до кухни.

— Ма, ну мне неохота было...

Мать уже начинала распятыся. Вернее, не распятыся... а так... начинала выкрикивать то, что выкрикивала почти каждый вечер, да теми же словами:

— Лень тебе было, а не «неохота»! Небось, опять в «стрелялки» свои гонял полдня! Хоть бы ты учился! Я тут из кожи лезу, чтобы ты учился, а ты — в «стрелялки» играешься! Не хочешь учиться — тогда работать иди!

Они жили вдвоём с матерью. Отца он помнил смутно, и алиментов от него давно уже не получал. Во-первых, потому, что ему недавно исполнилось восемнадцать, а во-вторых — потому, что в последние годы алименты были такими мизерными... ну просто смешными... впрочем, как и многое в этом мире.

— Ма, если тебя на работе завели, так ты на мне не отрывайся! Я в институт хожу! Я сессию сдал! Чего тебе ещё надо?

— Как ты ходишь...

— Как надо, так и хожу!

— Да я же тебе...

Кажется, мать уже начинала всхлипывать.

«Быстро сегодня, — подумал он. — Быстро разминка закончилась».

Это действительно было так. И кричала мать одно и то же, и одинаково плакала, покричав. Иногда кричала подольше, иногда плакала поменьше. Но суть от этого не менялась.

— Ладно, ма, — сказал он. — Ты отдыхай. Я к себе пойду. Я сегодня в твои любимые «стрелялки» не играю. Я тут так... шарики гоняю... детская игрушка...

— Сынок... — мать пыталась что-то ещё сказать, но он уже закрыл за собой дверь.

В тот день он гонял шарики часов до двух ночи, и сумел только доползти до середины второго уровня.

«Ёлки-палки, — подумал он, засыпая. — Ну и «Zuma»! Ну и игрушка! Погоди, я тебя сделаю!»

В эту ночь, и с этой ночи, во все последующие, ему снился один и тот же сон — во сне он видел шарики, летящие один за другим, и слышал торжествующий голос, с лёгким металлическим оттенком: «Zuma»! «Zuma»! «Zuma»!

Он проснулся около одиннадцати утра. Мать уже ушла. На кухонной плите остывала яичница, заботливо поджаренная матерью.

Яичница была проглочена за пять минут.

«Zuma»! «Zuma» ждала его, и он спешил ей навстречу...

Примерно через десять дней он дошёл до пятого уровня, и в процессе игры понял одну простую вещь. «Zuma» была удивительной, затягивающей со всеми потрохами игрой. Она была покруче, чем «C.S.».

В «C.S.» можно было рубиться просто так, от нечего делать. «Zuma» же требовала борьбы и победы!

Ведь невозможно же изо дня в день видеть только «game over» и терять жизнь за жизнью! Нет! Радость победы — вот что давала ему «Zuma»! Именно ту радость, которой он никогда не ощущал наяву!

Да какая там радость победы (в смысле — наяву)! Кого побеждать-то? На кого замахиваться? А на кого ни замахнёшься, всё равно — где сядешь, там и слезешь, если не на метр дальше!

Впрочем, он об этом не особенно размышлял. Так, что-то чувствовал...

С пятого уровня игра усложнилась. В игру вступили шарики нового цвета. Честно дойдя до пятого уровня, он решил попробовать открыть двенадцатый уровень. «Может, там ничего сложного и нету», — подумал он.

Но двенадцатый уровень, с пяти попыток, да по три жизни, не позволил ему пройти даже первой своей части, состоящей из просто закрученной спирали. Шарики приобрели ещё один, уже шестой цвет, и очень быстро уплывали с игрового поля, проваливаясь в чёрную дыру.

В который раз он удивился своей прекрасной «Zume». Он начал испытывать к ней что-то вроде нежности... она была так сложна... так непредсказуема... и так прекрасна... и таила в себе столько неизведанного...

Мать забила тревогу примерно через две недели.

— В институт не ходишь! — кричала она. — Даже яичницу не съел с утра! Что ты себе думаешь!

— Ну, не съел... — вяло отбрыкивался он, томясь оттого, что его оторвали от «Zумы». — Подумаешь, не съел. Сейчас съем.

Он оторвал себя от кресла и потопал в сторону кухни. Мать жарила картошку. Застывшая яичница стояла в тарелке на столе.

Он сел за стол и начал проглатывать яичницу почти автоматически. У него болела шея, от постоянного сидения в одном положении. Глаза его слезились, и он закрыл их.

И там, в темноте собственных закрытых глаз, он наблюдал, как летят друг за другом тени шариков. В голове же его непрерывно гудело: «Zuma», «Zuma», «Zuma»...

Это было как бы сном, но сном наяву...

Он очнулся от прикосновения матери. Она стояла рядом, и гладила его по голове.

— Сынок... не надо... оторвись ты от своей игрушки... ведь жил же ты когда-то без неё... сынок...

— Ма, — хотел он что-то возразить.

— Да не ешь ты эту холодную яичницу! Бог с ней! Я сейчас картошечки поджарю, с чесночком, как ты любишь...

— Ма, я не хочу. Я наелся. Я уже на шестом уровне, ма...

— Да мне наплевать, на каком ты уровне! — мать всё-таки не выдержала и сорвалась. — Ты же сам на себя не похож! Бледный, страшный! Ты же сидишь уже две недели, с утра и до вечера... Я этот компьютер возьму, и разобью! Мы же с тобой пыжились, компьютер тебе покупали, чтобы ты учился, а не гробил себя этими игрушками!

Мать ещё что-то кричала, а потом заплакала, как всегда.

Нельзя сказать, что он не понимал, что мать в чём-то права. Но «Zuma» была сильнее. «Zuma» крепко держала его, «Zuma» манила его...

И он сказал:

— Ма, ты не плачь. Ма, слышь... я тебе обещаю — как дойду до конца... как до двенадцатого уровня дойду, и пройду его — я брошу. Вообще — играть брошу. Ты слышишь? Только сейчас — не трогай меня! Не трогай!

Мать плакала. Сквозь слёзы она провсхлипывала что-то вроде:

— Ладно, ладно, сынок... ну, смотри... ты обещал...

С этого момента что-то произошло в его взаимоотношениях с матерью, и в его взаимоотношениях с «Zумой».

Мать притихла, а «Zuma»...

Он уже давно понял, что «Zuma» никак не терпит, чтобы от неё отвлекались. Уровни давались ему с трудом. До восьмого уровня он дошёл ещё недели через две, с большим трудом.

Чем больше он нажимал на кнопку мыши, тем сильнее он чувствовал себя чем-то нераздельным со своей неподражаемой «Zумой».

И чем нераздельнее он мог почувствовать себя с ней, тем быстрее ему покорялись уровни игры. Это было именно так, и не могло быть никак иначе.

И уже не радость победы, а возможность, на какое-то мгновение, быть полностью слитым с «Zумой», вызывало в нём чувство, подобное внутреннему восторгу... некоему счастью... Он цеплялся за это чувство... он уже не вставал, чтобы есть... он «вырубался», прямо сидя за компьютерным столом, — на час, на два, и снова вызывал к жизни свою любимую «Zуму», и снова нажимал на кнопку...

Иногда он всё-таки падал и спал на кровати, которую уже давно не стелил. Если, конечно, можно было назвать сном его короткое, рваное забытье, наполненное бегущими тенями цветных шариков и эхом металлического голоса, неизменно повторяющего: «Zuma», «Zuma», «Zuma»...

Он иногда добирался и до туалета — но тут уж ничего не поделаешь!

Мать уже отчаялась звать его, даже к столу. Она молча ставила на компьютерный стол то стакан сладкого чая, то сок, то кефир... Он прихлёбывал жидкости, не замечая вкуса. А мать всё меняла и меняла стаканы.

И плакала, плакала...

Три раза его надолго отрывали от любимой.

В первый раз его оторвал от «Zумы» телефонный звонок. Звонок так долго тархтел, что ему пришлось встать, и на ватных ногах подойти к аппарату.

Он тогда почувствовал себя слабым. Очень слабым. Странно, но за компьютерным столом он себя слабым не чувствовал.

— Алло, — сказал он, и удивился тому, каким чужим был его собственный голос.

Это была Танька, староста. Конечно, ей по штату было положено звонить отсутствующим.

— Привет, — сказала она. — Тебя уже месяц в институте нет. Что с тобой?

Он что-то промямлил в ответ и хотел было положить трубку, но Танька задала ему совершенно неформальный вопрос:

— Может, встретимся? — сказала она. — Погуляем... в кафешку куда-нибудь зайдём... вдвоём, а?

Он не нашёлся... он просто не знал, что ответить Таньке. Она не сочталась... Вообще, с «Зимой» не сочталось ничего. Но кому-то объяснять это — было ему не под силу.

И он повесил трубку. Увидев себя посреди комнаты, он решил использовать вынужденный отрыв от «Зимы» для того, чтобы зайти в туалет... и он заснул в туалете, сидя на унитазе... и проснулся от того, что начал сползать с унитаза на туалетную плитку...

Но стоило ему вернуться к компьютеру, как бодрость вернулось к нему, и он снова потерял ощущение времени...

Второй раз его оторвала от «Зимы» мать. В промежутке между заходами он почувствовал, как кто-то теребит его за руку.

Он повернулся, и увидел мать, стоящую перед ним на коленях. Лицо матери осунулось, а по щекам текли слёзы.

— Сынок... ты уже полтора месяца сидишь... заклинаю тебя... перестань... мне так плохо... уже два сердечных приступа было... я не могу смотреть на тебя... что ты с собой делаешь... ты же угасаешь на глазах...

— Ма...

Он не мог ничего ей сказать, а про себя подумал, что мать, как всегда, представляется большой гораздо больше, чем есть на самом деле, и что пустить слезу — для матери — плёвое дело...

— Ма, я уже перехожу на одиннадцатый уровень. Я уже десятый уровень... почти прошёл... Ты же обещала не трогать меня...

Но мать продолжала стоять перед ним на коленях, теперь уже молча. Ему это мешало, и он потерял три жизни подряд.

— Да когда же ты уберёшься отсюда! — не выдержал он, и прикрикнул на мать: — Сколько можно талдычить одно и то же!

Он поставил игру на паузу, и снова решил использовать вынужденный перерыв для того, чтобы пойти в туалет.

Мать всё стояла на коленях.

Он обошёл мать на своих ватных ногах. То, что вылилось из него в туалете, было тёмного цвета, очень мало по объёму, и с резким, неприятным запахом.

Он плюнул в унитаз, едва собрав в пересохшем рту слюну для плевка. До кухни он не дошёл — мать поставила на компьютерный стол стакан сока. Он это помнил, вернулся к столу и отхлебнул немного.

Мать уже ушла. Через пару минут он был уже в форме, и мог продолжать.

К концу десятого уровня счастье слияния с «Zумой» было уже почти непрерывным.

В третий раз его оторвал от «Zумы» настойчивый звонок в дверь. Когда он, спотыкаясь и чертыхаясь, добрался до двери и открыл её, то очень удивился. За дверью стояли два человека в форменной одежде. Мужчина и женщина.

— Чего не открываете? «Скорую» вызывали?

Он не успел ответить. Женщина отодвинула его от порога и, не дождавсь ответа, прошла в прихожую.

— Вот, ноги торчат, — сказала она.

Он обернулся и увидел ноги матери, обутые в домашние туфли. Ноги торчали из комнаты в прихожую. Лицо матери было совершенно безжизненным и синим, а в руке её была зажата телефонная трубка.

Женщина склонилась над матерью, опустила руку и потрогала у матери пульс на сонной артерии.

— Abs, — сказала женщина.

— Что — «abs»? — переспросил он.

— Это — мать твоя?

— Да.

— Болела? Сердцем — болела?

— Вроде бы...

— «Вроде бы»! Умерла твоя мать, — сказала женщина в форме. — Я сейчас перевозку вызову. Её надо в морг перевезти. Да что ты за тормоз, ей Богу! Отойди в сторону! И вообще — сходи в поликлинику, что ли. А то видок у тебя... извини... краше в гроб кладут...

Бригада «Скорой» уехала, а он, впервые за много дней, оказался в материнской комнате, и сел в её кресло.

Он сидел и смотрел на равнодушно лежащую мать, и в сердце у него почти ничего не было кроме досады.

«Вот, валяется тут, — подумал он, — и думает, что она права. Да что она может понять! Разве она может что-то понять! Ведь я уже почти дошёл до двенадцатого уровня! Как ей объяснить... как это здорово... как это...»

Ещё одна или две вялых мысли промелькнули в его мозгу, и он погрузился в своё обычное подобие сна, наполненное тенями шариков и металлическим голосом, вещавшим: «Zuma», «Zuma», «Zuma»... За шариками периодически, как бы наплывами, появлялась фигура языческого бога, по-

хожего то ли на бога древних китайцев, то ли на бога древних индейцев. Фигура бога, или просто идола с двенадцатью — то ли ртами, то ли входными воротами...

«Zuma», «Zuma», «Zuma»...

Он очнулся оттого, что приехала перевозочная бригада, чтобы забрать в морг тело матери.

Санитары почти не разговаривали. Они молча сделали своё дело. И только один из них, пожилой, уже на пороге сказал ему:

— Да не убивайся ты так! Все там будем... Жалко, конечно. Всё-таки мать... ишь, бедный, оторопел совсем. Родственники-то есть?

— Есть, — ответил он, чтобы поскорее отвязаться.

Дверь захлопнулась. Теперь уже ничего не могло помешать ему дойти до двенадцатого уровня.

Но что-то разладилось в его игре. Он никак не мог собраться... сосредоточиться...

Он не мог преодолеть последнего этапа одиннадцатого уровня! Он терял жизнь за жизнью.

Прошло некоторое время. Может, несколько часов, а, может, и несколько суток. Периодически он впадал в своё обычное забытьё. Периодически он ещё протягивал руку к тому месту, где раньше стоял стакан с чаем или с соком, который ставила ему мать.

Но стакан давно уже был пуст, и он, в конце концов, сбросил его на пол. Стакан жалобно звякнул и затих.

Он бился с одиннадцатым уровнем. В его состоянии... в его ощущениях что-то изменилось... Он не сразу смог дать себе в этом отчёт.

Он уже не был счастлив, нажимая на кнопку мыши. Нет. В какое-то мгновение ощущение счастья сменилось на ощущение страха. Тяжёлого, липкого страха. Всеобъемлющей, нарастающей тревоги.

Холода... ничем не согреваемого холода, охватывающего его целиком... со всеми внутренностями, с его мозгом, с его сердцем...

Он понял, почему не может перейти на двенадцатый уровень. Он не мог отдаться этому холоду, этому страху точно так, как он отдавался счастьем слияния с «Zumой».

Но ему уже ничего не оставалось. Ведь он почти уже дошёл до конца...

И он пошёл навстречу страху. Он шагнул в этот липкий страх, как в пропасть... Он снова слился с «Zumой» в последнем, судорожном рывке... в последнем, холодном объятии...

Он прошёл двенадцатый уровень

Он прошёл двенадцатый уровень

Он прошёл двенадцатый уровень, и обмяк на своём кресле.

На экране монитора появилась фигура языческого бога, похожего то ли на бога древних китайцев, то ли на бога древних индейцев. Фигура бога, или просто идола с двенадцатью — то ли ртами, то ли входными воротами...

Так вот какую тайну скрывали двенадцать ртов индейского бога! Вот какой жертвы требовал этот бог!

Он разгадал его тайну...

А стоило ли разгадывать... Не ясно ли было ему с самого начала... и мать что-то такое говорила... да, мать...

Он лежал, положив голову на компьютерный стол, и наблюдал в закрытых глазах тени разноцветных шариков. Потом он попытался встать. Он вдруг захотел убежать от этого стола как можно дальше... как можно быстрее...

Он захотел вырваться из цепких, холодных объятий «Зумы».

— А-а-а!

Он рванулся, и упал около стола...

Даже потеряв сознание, он всё ещё видел тени шариков в своих глазах, на фоне тяжёлой тьмы, наполненной липким, удушающим и наплывающим на него страхом...

Григорий РАХУТИН

ОТ ОНЕГИНА ДО...

Где, как не в больнице, думать о прожитой жизни?

И где, как не в больнице, да и в дороге, люди откровеннее обычного. В разговорах с попутчиками интереснее летит время. А попутчик есть попутчик — сегодня он рядом, а завтра его нет. И все сказанное бесследно исчезает.

Общие болячки сближают людей.

В палате на двоих моим соседом оказался пожилой, облысевший за многие годы профессор, доктор технических наук и член какой-то общественной академии. Человек интересный, но грустноватый.

Оба полулежим на кроватях, опершись на спинки через подушки, и читаем. Я — написанную им пьесу, а он «Афоризмы великих людей». Видимо, они направили его мысли в философском направлении. Он положил книгу на тумбочку, разместил там же очки и обратился ко мне:

— Сергей Есенин в предсмертном письме кровью вывел строки: «В нашей жизни умереть не ново, да и жить, конечно, не новей». А в чем, собственно, смысл жизни? Не вообще, а конкретно.

— А вы еще не определились?

— Определиться-то определился. Семья, работа, искусство, друзья. Приносить радость себе и людям. Прописные истины. Только жил не по теории. Сколько я переживал по всяким пустякам! Грустных дней — тьма, серых дней — тьма, а радостных — раз, два и обчелся.

— Омар Хаям писал:

*Печалься не тому,
Что ты радовался меньше других,
А радуйся тому,
Что ты печалился меньше других.*

— А я сравниваю не с другими, а с самим собой.

— А кто вам мешал радоваться жизни?

— Я сам. И никто более.

Сосед задумался...

— Хотите, — спросил он, — прочту свое юношеское стихотворение «Евгений Онегин в ВУЗе»? Что только не вспомнится перед операцией!

— С удовольствием послушаю.

Позже я понял, что это воспоминание неслучайно. Просто он осмысливал прожитые годы от времени написания им «Онегина...» до нынешнего на больничной койке.

— Это я написал на первом курсе института. На спор с однокурсником, что за десять минут напишу пародию на любое стихотворение. Тот достал томик Пушкина и сказал: «Напиши пародию на «Евгения Онегина».

— И вы написали ее за десять минут?

— Не более.

Сосед поправил у спины подушку и сел ровнее. Довольно звонким голосом, как на лекции, он произнес:

*Учиться вздумал мой Евгений
И поступил он в институт.
Отступник бурных наслаждений,
Онегин не осел и тут.
Здесь нужно всякое черченье
И конспектировать уменье,
Сидеть в читалках, мастерских,
Хотя совсем немного их.
Но, как известно, труд упорный
Ему был тошен. Посему
Все не понравилось ему.
И не попал он в цех зазорный.
Из института убежал,
Чего, конечно, всем желал.*

— Ну как?

— По-моему, легко звучит, — искренне отметил я.

— Так это ж Пушкин! Потом я несколько вечеров описывал нашу студенческую жизнь через приключения Евгения Онегина. Тетрадь со стихами ходила по рукам и затерялась. В памяти сохранились лишь строфы, написанные в первый вечер.

—Прочтите, пожалуйста, их.

— Вечер воспоминаний продолжается, — сказал с усмешкой сосед и продекламировал:

*Открою вам без представленья,
Как всем известный нам Евгений
Попал вдруг сразу в институт.
Все началось совсем случайно.
Я вам поведаю, но тайно,
Что Бог послал мне с неба дар:
Филона в други, имя Мар,
С которым я поспорил сильно,
Что, мол, пародии писать
Труд слишком легкий, так сказать.*

*Словами сытая обильно,
Я в доказательство ему
Писал лишь только посему.
Но мне понравилась идея
Про жизнь студентов написать
И слог, и тему уж имея.
Талант бы только! Но где взять
Такую вещь? Талант, известно,
Творит и быстро и чудесно.*

*Но я принялся без таланта
Писать стихи. Как дети Гранта,
Хотя им было нелегко,
Пустились в путь большой, опасный.
Быть может, труд мой — не напрасный,
И кем-то будет понят. Но
Не нужно мне ни славы дань,
Ни безразличие, ни брань...*

Профессор умолк. Мне показалось, что лично ему его стихи нравятся. Я же уклонился от оценки. Пародия есть пародия.

— А вы не хотите стихами описать вашу преподавательскую жизнь в университете?

— Вряд ли у меня теперь это получится. Пусть пишут молодые. «И слог, и тему уж имея». И где взять время? Оставшееся надеюсь провести и радостней и, возможно, эффективней.

— А что вам мешало раньше?

— Пожалуй, неорганизованность, беспорядок. И слишком много невыполненных планов. Только здесь я понял, что это на меня давило. И еще инерционность. Попал, как поплавок, в водоворот реки жизни и крутился по кругу днями и годами на одной и той же работе. Тридцать лет в одном НИИ. Дом — работа, работа — дом. А КПД — как у паровоза. Только недавно перешел в ВУЗ. Жаль, что не раньше. И сейчас мне кажется, будто мимо меня, совсем рядом, проплывали на парусниках и моторных лодках интересные люди, интересная жизнь. И будто моя собственная нереализованная жизнь как писателя, да и музыканта тоже, проплыла мимо. И никто, кроме меня, в этом не виновен. Никто.

— Вы слишком самокритичны, — заметил я.

— Пожалуй. И это плохо. Самодовольный человек счастливее самоеда. Но теперь, надеюсь, буду счастливее.

— С чего это вдруг?

— Осмыслил прожитое.

— Не будете писать?

— Что вы! Буду. Но без жестких планов. В удовольствие. И, думаю, будет не хуже. Как бегун на дистанции. Если он не напрягается, не нервничает и бежит расслабившись — меньше устает, а результаты те же.

— Могу поделиться ноу-хау: как работать по таймеру. Сам придумал.

— Любопытно.

— Поставил таймер в мобильнике, например, на 45 мин. Звонок. Сразу несколько упражнений, а потом снова план на 45 минут. Очень дисциплинирует. Не дает перерабатывать и плюс зарядка.

— Пожалуй, попробую. После операции. На свободе.

— Хотите, расскажу анекдот о смысле жизни? Недавно услышал по радио.

— Обожаю анекдоты!

Сосед заинтересованно повернул голову в мою сторону.

— Пришел Иван к отцу и говорит: «Я решил работать, построить дом, создать семью, воспитать детей, посадить дерево. Как ты на это смотришь?». Отец отвечает: «Ты что, Иван, дурак, что ли? Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!».

Сосед весело усмехнулся.

— Спокойной ночи! — сказал он, выключил над головой свет, отвернулся к стенке и уснул в преддверии операции и, надеюсь, новой, радостной жизни.

Гиви ГВИЛАВА

доктор технических наук

Заговор, арест Берия Л.П.*

Положение Берия в последние месяцы жизни Сталина устойчивым никак не назовешь — мингрельское дело явно было направлено против него, да и дело врачей в конечном итоге тоже. Смерть Сталина, которой страстно желали все его сподвижники и «верные ученики» — как молодые, так и ветераны, все же стала для всех ждущих неожиданностью, породила растерянность. Берия в этой ситуации оказался самым мобилизованным и активным, обладающим колоссальным практическим опытом, талантом организатора, хитростью и коварностью. Берия оказался единственным, у кого за душой были конкретные идеи. Это он сумел втолковать Маленкову, гарантируя ему главенство и реальную помощь не на словах, а на деле.

Получив в свои руки вожделенное МВД, Берия отнюдь не отказался от военно-промышленных спецкомитетов — в завершающую стадию вступила работа по созданию водородной бомбы, серийно проводились испытания системы ПВО «Беркут» и противокорабельной системы «Комета». Ни одно, практически, из предложений Л.П. Берия Президиум не отклонил, более того, тот же Хрущев по материалам, представленным МВД, подготовил постановление ЦК по Латвии, аналогичное по характеру постановлению, принятым с подачи Берия по Западной Украине и Белоруссии. Также 10 апреля 1953г. Президиум ЦК КПСС в присутствии Маленкова, Молотова, Ворошилова, Хрущева, Кагановича, Булганина, Микояна принял постановление с грифом «Строго секретно». Приводим текст полностью: «П.С. Одобрить проводимые товарищем Берия Л.П. меры по вскрытию преступных действий на протяжении ряда лет

* Публикуется в авторской редакции с сохранением авторского стиля и пунктуации.

в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабриковании фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов, имея в виду, что эти меры направлены на укрепление Советского государства и социалистической законности.

Хрущев и Берия внешне никогда не враждовали, а с мая 1953 года между ними устанавливаются вроде бы по-настоящему теплые и дружеские отношения. Сближения Хрущева с Берия, Маленков заподозрил заговор против себя. Вот тут-то Хрущев и поделился с ним своими задумками и опасениями, а также стратегическим планом списания всех грехов сталинской эпохи (в том числе и маленковских и своих собственных) на коварного, кровавого палача, заговорщика, замышляющего свержение Советской власти с помощью подлых эмвешников. Элегантность хрущевской заготовки не могла не понравиться Маленкову, который сам понимал толк в интригах. Колесо заговора закрутилось против чересчур активного Берия Л.П. То, что Л.П. Берия был подготовлен хорошо организованный, глубоко законспирированный заговор членами Президиума ЦК КПСС, сомнений не вызывает. Да, собственно, никто из руководства партии и не отрицал наличие сговора.

Заговор не оставил по себе документов, потому что их просто не было. Были разговоры по душам на вольном воздухе, подальше от ушей охраны (ее-то курировал Берия). «Возомнил себя великим разведчиком», — издевался Хрущев над поверженным врагом. Пожалуй, изо всех грозных и грязных обвинений в адрес Берия справедливым можно признать одно — контрразведка действительно работала ни к черту. Особенно активизировалась подготовка после принятия 12 июня постановления по германскому вопросу.

Очень вовремя начались беспорядки в ГДР — надо разбираться с немцами. Л.П. Берия с с помощью генерала А.А. Гречко и советскими танками объяснил немцам преимущества социализма. Накануне 26 июня Берия, усталый, оперативно выполнивший задание, вернулся в Москву. Заседание Президиума Правительства назначено на 10 часов.

За время отсутствия Берия заговорщики почувствовали себя вольготно. Четко, по-военному действовал Н.А. Булганин (Министр обороны), в состоянии боевой готовности привели не только наземные войска Московского военного округа, но зачем-то и авиацию, и системы ПВО, хотя знал маршал Булганин, что ни во внутренних, ни в пограничных войсках маршала Берия авиации нет. Подобрали и группу боевых офицеров, смелых и не рассуждающих: генерала армии Москаленко, генерал-полковника Батицкого, генерал-майора Баксова, полковника Зуба, подполковника Юферева. Возглавил группу захвата трижды Герой Советского Союза, заместитель министра обороны Г.К. Жуков.

Вся команда получила приказ прибыть с оружием в Министерство обороны к Н.А. Булганину. На двух машинах отправились в Кремль. Досматривать их не стали. Расположились товарищи офицеры в комнате отдыха рядом с бывшим кабинетом Сталина, в котором и происходило заседание. Вскоре к ним вышли Булганин и Хрущев — объяснив задачу — по звонку из кабинета выйти и арестовать Берия. Хрущев довольно жестко уточнил: «Если операция провалится, вы окажетесь врагами народа». По сигналу вошли в кабинет.

Дальше рассказ Ивана Григорьевича Зуба: «Когда мы вошли, некоторые члены Президиума вскочили со своих мест; видимо, деталей осуществления ареста они не знали. Жуков тут же успокоил всех: «Спокойно, товарищи! Садитесь». Когда все успокоилось, Маленков сказал: — Товарищи, я предлагаю еще раз рассмотреть вопрос о Берия. Все согласились. Тогда Маленков продолжил: — Он такой аферист, так опасен, что может наделать черт знает что. Поэтому я предлагаю арестовать его немедленно. Все проголосовали «за». Берия под пистолетами сидел неподвижно...

После слов Маленкова Жуков скомандовал: — Встать! Следовать за нами». Берия вывели в комнату отдыха, где он находился под охраной группы офицеров. Глубокой ночью его доставили на гарнизонную гауптвахту. Здесь он провел несколько дней. Позднее его переводят в подземное помещение штаба Московского военного округа ПВО. Здесь будет проходить следствие и здесь же он будет казнен почти через полгода 23 декабря 1953 года, через пару часов после вынесения приговора.

Берия арестован и надежно упрятан. Его охраняют те же офицеры, которые проводили акцию. Хрущев в своих воспоминаниях пишет: «Когда изолировали Берия, он попросил карандаши и бумагу. Мы посоветовались между собой, у некоторых были сомнения, а потом решили дать, может, у него появились какие-то побуждения искренне рассказать, что он знает о том, в чем его обвиняли». Акт великого гуманизма: дали четыре листа бумаги. Генерал Москаленко следит, как расходуется бумага и докладывает в ЦК: «2 листа исписал, 1 изорвал, 1 возвратил» — вот это учет. И далее: «Все эти письма докладывали членам Президиума Маленкову, Хрущеву, Булганину. А потом получили указание больше ему не давать ни бумаги, ни карандашей, ни ручки, то есть запретить письма, что и было исполнено». Вот содержание одного из писем: В Президиум ЦК КПСС Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5-дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого не допустили, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие товарищи, настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив товарищем Молотовым или товарищем Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК не заслуживает того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Поэтому делать так, как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно тех товарищей работавших и с товарищем Лениным и с товарищем Сталиным, обогащенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел товарищей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна.

Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу вмешаться и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен, верный ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления мощи нашей страны и единства нашей великой партии, у меня не было никаких мыслей. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка, и притом очень подозрительная.

Товарища Маленкова и товарища Хрущева прошу не упорствовать, разве будет плохо, если товарища реабилитируют.

Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить. Ваш Лаврентий Берия.

Аресты людей из «команды» Берия также прошли без особых эксцессов. В. Деканозова — министра внутренних дел Грузии — арестовали прямо на аэродроме в Москве, куда он прибыл на совещание. То же самое и с П. Мешиком, Б. Кобулов, С. Гоглидзе, Л. Влодзимирский — были арестованы прямо на Лубянке в здании министерства, и многие другие. Люди, которые работали с Берия в Грузии, подверглись гонениям и репрессиям со стороны победителей. Начинается активная чистка тех органов власти, с которыми соприкасается Берия по своей работе чуть ли не с 20-х годов и вплоть до последнего времени.

Находясь Берия в подземном помещении штаба Московского военного округа ПВО, в качестве персонального охранника, который должен был находиться при арестованном практически постоянно, был назначен комендант штаба ПВО майор Михаил Хижняк. Хижняк дважды выходил на связь с прессой. Благодаря ему, мы можем рассказать о том, как проходили для Берия месяцы в заключении.

«Вызвал командующий Н.С. Москаленко и сказал, что мне поручен уход за Берия. Я должен был готовить пищу, кормить его, поить, купать, стричь, брить... Когда командующий сказал, что я прикреплен к нему, мне сказали «Неси пищу». Пошли генерал Баксов, полковник Зуб. Он сидел на кровати, упитанный такой мужчина, холеный, в пенсне. Почти нет морщин, взгляд жесткий и сердитый. Рост примерно 160-170см. Одет в костюм серого цвета, поношенный. Я был ежедневно до двадцати раз в сутки». Это из интервью М. Хижняка корреспонденту газеты «Вечерняя Москва» 28 июля 1994г.

Следствие, суд, казнь.

Для организации следствия по делу Берия и «его окружения» Президиум ЦК пошел на меру отстранив Генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова и назначив нового Генпрокурора Р.А. Руденко, который в 1942–1944 гг. работал заместителем, а с 1944 прокурором УССР, 1945–1946 гг. был главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе. Юристом, даже по современным меркам, он был высококлассным, но степень его профессионализма явилась отнюдь не главным критерием при назначении на новую высокую должность — самым ценным качеством была его близость к Хрущеву и абсолютная управляемость. Процесс над Л.П. Берия стал пробным стартом и Руденко своего шанса не упустил. Провести следствие так, чтобы не задеть никого из действующих членов Президиума, а заодно исподволь собрать на них компромат уже только для Никиты Сергеевича, который явно не собирался останавливаться на достигнутом. Так что новый Генпрокурор СССР Роман Андреевич в свои 46 лет оказался « нужным человеком, в нужном месте». Наградой ему за успешное уничтожение Берия стали второй орден Ленина (первым его пожаловал И.В. Сталин за Нюрнберг).

29 июня Президиум ЦК КПСС принимает «строго секретное» постановление «об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Оно состояло всего из двух пунктов:

1) «Ведение следствия по делу Берия поручить Генпрокурору СССР.

2) Обязать товарища Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов о враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.)

Группа в нужный срок была подготовлена, проинструктирована, но к допросам Берия до окончания работы пленума не приступила, держа главного обвиняемого в состоянии постоянного напряжения. Ну, а дальше работа закипела.

После публикации «Особой папки Берия», сборника документов Лаврентий Берия 1953г.», было бы логично опубликовать (хотя бы частич-

но) материалы следствия и суда. То, что есть сегодня: статьи В.С. Попова и В.П. Оппокова «Бериевщина» (по материалам следствия) и В.Ф. Некрасова «Финал» (по материалам судебного процесса) до такой степени тенденциозно очерков составить сколько-нибудь полное представление о ходе следствия и суда практически невозможно. Собственно, говорить об объективности следствия и справедливости суда не приходится. Из 46 томов бериевского следственного дела авторы с утонченным отвращением надергали факты, свидетельствующие об одном — Берия подонок, по трупам пробравшийся к власти. Вывод, к которому приходят люди, получившие возможность ознакомиться с материалами следствия, полностью совпадает с мнением главного организатора и заговора Н.С. Хрущева.

Интересно, а если бы июньский (1957г.) Пленум ЦК КПСС решился провести следствие по делу Молотова, Маленкова, Кагановича, кем бы они предстали перед судом? Октябрьский (1964г.) Пленум, отправивший Хрущева в отставку, тоже не стал проводить следствия по делу бывшего Первого секретаря и Председателя Совета Министров, ну а если бы и стал, то Руденко, видимо, отправился бы в отставку не в 1981 году, а лет на 17 раньше.

Надо отдать следователям должное (и им воздали по заслугам, наградив орденами Ленина и Красного Знамени всю следственную бригаду), они искали и находили свидетелей бериевских преступлений, причем, зачастую далеко и ходить было не надо.

Стремясь к облегчению своей участи и смягчению наказания, на Берия с азартом давали показания те, кого он поднял до генеральных чинов и министерских портфелей — Б. Кобулов, В. Деканозов, В. Меркулов, П. Мишик, С. Влодзимирский и др.

В чем же обвиняют Л.П. Берия «дорогие товарищи», которых он молил о спасении. Обвинений много, каждое из них тянет как минимум на 25 лет строгой изоляции. В концентрированном виде обвинения против Берии был утвержден заранее на заседании Президиума ЦК 7 июля 1953г.

Итак, в чем суть основных обвинений:

1. Берия «развил активную деятельность, чтобы поставить МВД над партией и правительством».

Обвинение суровое и не соответствует действительности. Берия представлял многие документы в Президиум, и они принимали соответствующие постановления. Так например, Никита Сергеевич, пользуясь материалами МВД, проводил постановление по Эстонии, Латвии, Западной Украины и Белоруссии абсолютно в духе Берии. 12 июня было утверждено последнее из серий постановлений по национальному вопросу.

2. «Берия взял на себя управление охраны членов Президиума ЦК для контроля за ними». Уж такой был за членами президиума контроль, что прямо на глазах у главного контролера возник и развился заговор против него самого.

3. Берия через МВД пытался урегулировать отношения с Югославией, даже письмо написал своему югославскому коллеге А. Ранковичу.

Но с кем он советовался? Опять с «дорогим другом Георгием». А в чем в данном случае криминал? Разведывательные органы МВД обладали в Югославии неплохой агентурой сетью. Почему ее не использовать, коль МВД с задачей не справляется.

4. В вину Берия была поставлена и амнистия, начатая в конце марта 1953г.

Докладная записка Берия, в которой содержались развернутые предложения по проведению амнистии, были уже на следующий день одобрены Президиумом, а еще через день указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью К.Е. Ворошилова был опубликован в центральных газетах. Напомним, что свыше миллиона заключенных, имевших сроки до 5 лет и около 400 тысяч человек были освобождены из-под следствия. Виновным в конце оказался сам лично Берия. По словам Маленкова «Берия стремился дестабилизировать обстановку в стране».

5. В вину Берия было и то обстоятельство, что он руководил специальным комитетом по «атомным делам, обособился и стал действовать, игнорируя правительство».

Берия, привыкший к большой самостоятельности, действительно занимался единолично подготовкой к испытанию водородной бомбы, не докладывая даже Сталину. Правительство — товарища Маленкова никто из спецкомитета не выгонял и то, что не занимался этим вопросом, это правда, но правда и то, что в любой момент Георгий Максимович мог получить всю информацию о проходящих работах на атомных объектах.

6. Берия опорочил в глазах Сталина Н.И. Ежова и пролез в наркомы внутренних дел. Ежов, Фриновский были расстреляны в марте 1940г. отнюдь не по инициативе Берия.

7. Берия плел заговор против Советского государства и коммунистической партии.

Но как ни изошрялись следователи Прокуратуры СССР во главе с Руденко, следов этого зловещего заговора найти не сумели, равно как и шпионской деятельности.

8. Берия, став секретарем ЦК КП(Б) Грузии и Первым секретарем Закавказского Крайкома ВКП(Б), насаждает в партийных организациях Закавказья чекистские методы работы. Активно проводит линию на создание в Закавказье, но прежде в Грузии, культа собственной личности, т.е. ведет себя с неподобающей нескромностью. Ну относительно скромности Берия было у кого учиться. Скромность вообще была не в чести у руководителей ВКП(Б)-КПСС. Репрессии в Грузии и Закавказье были составной частью тех репрессий, которые захлестнули СССР, начиная с 1934 года.

С. Гоглидзе, будучи наркомом внутренних дел Грузии в 30-е годы, показал на следствии, что Берия давал указания бить заключенных. У Гоглидзе помимо Берия — партийного руководителя Грузии, были и свои начальники — тот же Ежов, которому Сталин дал указания применять к особо злостным «врагам народа» физические меры воздействия. Конечно, Берия был в курсе и этой секретной информации и тех методов, которыми добивались грузинские чекисты признаний у подследственных.

9. Едва ли не впервые в СССР в деле Берия прозвучала тема авторского права.

Книга, вышедшая в 1935г., написанная якобы по материалам доклада, сделанного Берия, «К истории большевистских организаций «Закавказья», автором которой считался Л.П. Берия, на самом деле была написана Э. Бедия, который в 1937г. был расстрелян за принадлежность к правотроцкистской организации.

Сколько времени тянулось следствие по делу Берия и дату его окончания мы не знаем. Но уже 17 сентября 1953г. было принято Постановление Президиума ЦК КПСС «О составе суда, проектах обвинительного заключения и информационного сообщения по делу Л.П. Берия», которое гласило:

1. «Поручить товарищу Руденко Р.А. с учетом поправок, принятых на заседании Президиума ЦК, в двухнедельный срок: а) Доработать представленный проект обвинительного заключения по делу Берия. б) Внести предложения о составе специального судебного присутствия Верховного Суда СССР, имея в виду дело Берия и его соучастников, рассмотреть в закрытом судебном заседании без участия сторон.

2. Поручить товарищу Суслову М.А. принять участие как в подготовке Генеральным прокурором проекта обвинительного заключения по делу Берия, так и проекта сообщения от прокуратуры СССР Секретарь ЦК « из текста постановления явствует, что следствие было завершено к 17 сентября. Дело было за малым: подготовить состав суда, доработать обвинительное заключение и подготовить сообщение «от Прокуратуры СССР» для печати.

10 декабря 1953г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о том, что следствие по делу изменника Родины Л.П. Берия закончено и распорядился накануне начала суда 17 декабря опубликовать в газетах перечень вины Берия и его сообщников.

К тем обвинениям, которые описаны выше, добавили еще о том, что Берия конкретно повинен в продовольственных проблемах, испытываемых страной. Приводим цитату: «С целью подрыва колхозного строя и создания продовольственных затруднений в нашей стране Берия всяческими способами саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии и Правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов, на неуклонное повышение благосостояния советского народа». Это обвинение

можно было бы пустить под рубрикой «Теперь об этом можно рассказать...». Прошел сентябрьский Пленум, принявший «исторические решения» по сельскому хозяйству — были увеличены закупочные цены на сельхозпродукцию, отменены некоторые налоги, которые сдерживали развитие подсобного хозяйства колхозников. Почему раньше не сделали — вот вам и ответ, причем, как мастерски выдержана пауза.

Заговорщикам из ЦК нужно было не только уничтожить Берия, но и скомпрометировать его, да таким образом, чтобы действительно грязь прилипла к его имени навечно.

В состав суда, определенный указом, вошли: Председатель — И.С. Конов, маршал Советского Союза, дважды Герой, Шверник Н.М. — председатель ВЦСПС (напомним, что 5 марта он был отстранен от должности Председателя Президиума Верховного Совета), Зайдин Е.Л. — заместитель Председателя Верховного суда СССР в паре с Громовым Л.А. — председателем Московского городского суда — они представляли профессиональных юристов, К.С. Москаленко — генерал армии и командующий войсками Московского военного округа, дважды Герой Советского Союза, Н.А. Михайлов — член ЦК КПСС, секретарь Московского обкома партии, К.Ф. Лунев — первый заместитель внутренних дел, назначенный в конце июля 1953г., М.И. Кучава — председатель Грузинского республиканского Совета профессиональных союзов. Комендантом Специального судебного присутствия был назначен генерал-полковник П.Ф. Бадицкий.

Суд над Берия и его окружением начался 18 декабря и продолжался до 23 декабря. Все обвиняемые проходили по статье 58-1 п. «б» - контрреволюционное преступление, выразившееся в измене Родине в форме шпионажа — расстрел, ст.58-8-вредительство, диверсии — расстрел, 58-11— террористические акты — расстрел. К сожалению, кроме В.Ф. Некрасова, который пишет, что он ознакомился с материалами следствия и суда, и приводит отдельные фрагменты из ответов Берия на вопросы судей, о суде известно очень мало. Кстати, и самому Некрасову многие обвинения Берия не показались убедительными. Генерал-майор Зуб, участвовавший в аресте Берия, пишет, что вел себя Берия нервно, отрицал предъявленные ему обвинения.

Единственным документальным свидетельством, которым располагаем, является сообщение, опубликованное в центральных советских газетах на следующий день после казни Берия и его «соучастников» в Верховном суде СССР. В нем написано: «Винность всех подсудимых в предъявленных им обвинениях была полностью доказана на суде подлинными документами, вещественными доказательствами, собственноручными записями подсудимых, показаниями многочисленных свидетелей».

Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР постановило: «приговорить Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Мелика П.Я., Гоглидзе С.А. и Влодзимировского Л.Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Версий о приведении в исполнение решения суда много, но эти версии развеял М. Хижняк — комендант штаба ПВО Москвы, давший в 1994г. интервью. Отставной майор рассказывает, что после вынесения приговора ему было поручено соорудить щит из толстых досок — пулеулавливатель, с железным кольцом в центре, чтобы привязать приговоренного. Исполнительный майор многое успел сделать за самый короткий световой день 1953г. Кроме оборудования расстрельного помещения он съездил на дом к Берия и взял другой костюм — черный и перед самой казнью передел его. В момент казни Берия вел себя достойно, никаких просьб победил только и щека левая несколько раз дернулась. Генерал-полковник Бадицкий в присутствии других офицеров выстрелил Берия в переносицу. Хижняку приказали труп упаковать в брезент. Труп Берия был отвезен в Крематорий Донского монастыря, а прах развеян через мощный вентилятор.

Через четыре года, уже в 1998г., Хижняк дал интервью английскому журналисту из «Санди Таймс». В описании казни появляется новый сюжет: после выстрела Бадицкий распорядился стрелять в Берия и ему, и другим офицерам, которые присутствовали при расстреле. Приказ все выполнили.

А в официальном документе все гораздо прозаичнее: «Акт о приведении в исполнение приговора Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в отношении Л.П. Берия 23 декабря 1953г. Сего числа, в 19 часов 50 минут, на основании предписания Председателя Специального Судебного Присутствия от 23 декабря 1953 года за №003, мною, Комендантом Специального Судебного Присутствия генерал-полковником Бадицким П.Ф. в присутствии Генерального прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С. приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу — Берия Лаврентия Павловича.

Генерал-полковник Бадицкий.

Генеральный прокурор Руденко.

Генерал армии Москаленко».

Текст написан от руки, эта скромная бумага стала последней в деле Л.П. Берия.

Судьба членов семьи.

Серго Лаврентьевич Берия (1924–1999) — крупный конструктор, который еще в начале 50-х годов вместе с П.Н. Куксенко разработал противокорабельные ракеты, а самое ценное — современную систему противовоздушной обороны, основанной на использовании в качестве главного оружия борьбы с самолетами противника ракетного комплекса, получившего название «Беркут» (Берия — Куксенко) и позже переименованного в невыразительное «С-25». Эта система позволила создать к середине 50-х годов мощное кольцо противовоздушной обороны вокруг Москвы и Ленинграда, позже прикрыть наиболее важные стратегические объекты, к их числу относились и заводы атомной промышленности; кстати, американский У-2, сбитый под Свердловском, был поражен одной из модификаций «Беркута».

Ирвин ШОУ

ПЕРЕСТАНЬ ДАВИТЬ НА МЕНЯ, РОККИ

Перевод с английского Глеба Косова

Мистер Гензель аккуратно обматывал знаменитую правую Джоуи Гарра шестью футами клейкой ленты. Джоуи сидел на краю массажного стола. Он покачивал ногами, с мрачной задумчивостью глядя на своего менеджера.

— Осторожность, — произнес мистер Гензель, продолжая работу. — Запомни: «осторожность и деликатность» — вот два ключевых слова.

— Ладно, — буркнул Джоуи и громко рыгнул.

— Всеу есть предел, Джоуи, — сказал мистер Гензель. — Экономность может завести тебя слишком далеко. Ты — человек не бедный, и на твоём банковском счете денег не меньше чем у голливудской актрисы. Скажи, почему ты предпочитаешь питаться в забегаловках за тридцать пять центов.

— Прошу вас, не говорите так много, — пробурчал Джоуи, протягивая левую руку.

Мистер Гензель приступил к обработке знаменитой левой Джоуи Гарра.

— Язва... — продолжал он. — Скоро я буду иметь боксера с язвой желудка. Блестящая перспектива. Этот человек почему-то предпочитает питаться отбросами. Отбросами с кетчупом. Будущий чемпион в полусреднем весе. Динамит в каждом кулаке. Рыгает сорок раз на день. Побойся Бога, Джоуи.

Джоуи, не обращая внимания на причитания менеджера, покосился на свое изображение в зеркале, чтобы еще раз полюбоваться своими аккуратно прилизанными, напомаженными волосами. Мистер Гензель вздохнул и, потрогав языком зубной протез, закончил бинтовать руку.

— Позволь мне когда-нибудь, — сказал он, — угостить тебя настоящей едой. Один доллар пятьдесят центов за порцию. Чтобы ты мог почувствовать вкус.

— Экономьте деньги, мистер Гензель, — ответил Джоуи. — На безбедную старость.

Распахнулась дверь, и в помещение вошел МакЭлмон. Его сопровождали двое высоких, широкоплечих парней с плоскими лицами и покрытыми шрамами губами, сейчас скривившимися в дружелюбном оскале.

— Рад видеть вас, парни, — сказал МакЭлмон. Подойдя к боксеру, он потрепал его по плечу и спросил: — Как чувствует себя мой маленький Джоуи?

— Нормально, — ответил Джоуи, растянулся на массажном столе и закрыл глаза.

— Он все время рыгает, — пожаловался мистер Гензель. — В жизни не встречал боксера, который рыгал бы так много, как Джоуи. Такого я не видывал за все тридцать пять лет пребывания в этом бизнесе. Как поживает твой парень?

— Рокки в отличном состоянии, — ответил МакЭлмон. — Хотел зайти к вам вместе со мной, чтобы убедиться в том, что Джоуи понял все правильно.

— Я все отлично понимаю, — раздраженно ответил Джоуи. — Тот еще Рокки! Тоже мне — скала. Больше всего он боится, что кто-нибудь, когда-нибудь, его как следует ударит. Тот еще боец!

— Я бы на твоём месте не стал его осуждать, — назидательно произнес МакЭлмон. — Ведь он знает, что если Джоуи захочет, то он уложит его так, что Рокки не поднимется с брезента до самого дня Благодарения.

— Одной рукой, — мрачно подтвердил Джоуи. — Тот еще боец, этот ваш Рокки.

— Ему ни о чем не стоит беспокоиться, — возник мистер Гензель. — Все всё понимают. Всё всем кристально ясно. Мы держим его на ногах целых десять раундов.

— Послушай, Джоуи, — произнес МакЭлмон, склонившись над массажным столом, над лицом боксера, — сделай так, чтобы он выглядел пристойно. Здесь в Филадельфии у него имеются поклонники.

— Я сделаю так, что он будет выглядеть классно, — устало сказал Джоуи. — Он будет смотреться не хуже, чем военно-морской флот Великобритании. Ведь я всю жизнь тревожусь только о том, чтобы Рокки не потерял в Филадельфии своих поклонников.

— Мне не нравится твой тон, Джоуи, — с ледком в голосе произнес МакЭлмон.

— Ну и что? — спросил Джоуи, переворачиваясь на живот.

— Так, на всякий случай, — жестко продолжил МакЭлмон. — Позвольте мне представить вам мистера Пайка и мистера Петроскаса, которые спо-

собны принести мне неоценимую пользу, если один из участников договора вдруг забудет о содержании соглашения.

Оба так похожих на шкафы парня широко осклабились.

Джоуи медленно поднялся и обратил на них свой взгляд.

— Они будут сидеть среди зрителей, с интересом наблюдая за развитием событий, — пояснил МакЭлмон.

Парни улыбнулись от уха до уха, и их продавленные носы совсем утонули в плоских лицах.

— У них револьверы, мистер Гензель, — сказал Джоуи. — Во вшивых кобурах под их вшивыми мышками.

— Это всего лишь мера предосторожности, — сказал МакЭлмон. — Я уверен в том, что все пройдет гладко. Но нельзя забывать, что в дело вложены немалые средства.

— А теперь послушай меня, тупоголовая филладельфийская деревенщина... — начал Джоуи.

— Не надо говорить в подобной манере, Джоуи, — беспокойно произнес мистер Гензель.

— ... я тоже вложил бабки в это предприятие! — проревел Джоуи. — Поставил тысячу долларов на то, что твой вшивый Рокки продержится против меня десять раундов. И в твоих гориллах нет никакой нужды! Боюсь лишь того, что Рокки от страха грохнется в обморок, не дождавшись конца десятого раунда.

— Это так? — спросил МакЭлмон у мистера Гензеля.

— Я сделал ставку через мужа сестры, — сказал мистер Гензель. — Богом клянусь.

— Как ты думаешь, МакЭлмон, — орал Джоуи, — я, по-твоему, такой идиот, что готов выбросить тысячу зеленых? Я — бизнесмен!

— Поверьте моему слову, — поспешил вмешаться мистер Гензель. — Джоуи — бизнесмен с ног до головы.

— Хорошо, хорошо, — произнес МакЭлмон, поднимая обе ладони в примирительном жесте. — Думаю, что нет ничего плохого в том, что мы заранее обговорили все проблемы. Теперь никому из нас не придется брести во тьме. Я люблю работать так и только так. — Повернувшись к Пайку и Петроскасу, он бросил: — О'кей, ребята. Теперь вы можете просто сидеть на своих местах и получать удовольствие.

— Для чего нужны там эти болваны? — спросил Джоуи.

— А ты разве против того, чтобы ребята получили удовольствие? — с холодной язвительностью поинтересовался МакЭлмон.

— Всё прекрасно, — примирительно сказал мистер Гензель. — Мы вовсе не против. Пусть мальчики немного порадуются.

— И пусть убираются отсюда, — громко заявил Джоуи. — Мне не нравится, когда в моей раздевалке торчат какие-то типы с пушками под мышкой.

— Пошли, ребята, — сказал МакЭлмон, открывая дверь.

Ребята приятно улыбнулись и отправились к выходу из раздевалки.

— Пусть победит сильнейший, — обернувшись с порога, бросил Петро-скас, дважды кивнул и закрыл за собой дверь.

Джоуи поднял глаза на мистера Гензеля и, покачивая головой, произнес:

— Те еще дружки у МакЭлмона. Крутые филадельфийские парни.

Дверь распахнулась, и появившийся на пороге служитель провозгласил:

— Следующим на ринг приглашается Джоуи Гарр! Джоуи Гарр— следующий!

Джоуи поплевал на забинтованные руки и, приплясывая, приступил к разминке с мистером Гензелем.

Бой едва успел начаться, как Рокки тут же вошел в клинч. Кожа его под густыми зарослями волос на груди и на плечах была покрыта потом.

— Послушай, Джоуи, — нервно шепнул он, повиснув всем телом на противнике, — ты не забыл наше соглашение? Ведь ты не забыл условия, Джоуи?

— Не забыл, — ответил Джоуи. — Отпусти мою руку. Ты что, её оторвать хочешь?

— Прости меня, Джоуи, — сказал Рокки и вышел из клинча, не забыв при этом нанести двойной удар по ребрам противника. По мере того, как шел бой, а публика редела, одобряя работу ног, умелый обмен ударами и нокаутирующие кроссы, которые лишь на какой-то волосок не достигали цели, Рокки действовал все увереннее и увереннее. В начале четвертого раунда он выскочил на середину ринга и начал пританцовывать, выпятив челюсть и картинно работая согнутыми в локтях руками. Его находящиеся среди зрителей сторонники визжали от восторга, громко вопя: «Прикончи этого болвана, Рокки! Давай, Рокки! Давай!» Рокки сделал глубокий вдох и врезал Джоуи по уху. Голова Джоуи слегка дернулась, а на лице появилось выражение легкого удивления. «Уложи его, Рокки!», — прогремел голос какого-то энтузиаста из числа поклонников, перекрыв общий рев толпы. Рокки послушался совета и, покрепче встав на ноги, отгрузил противнику хук, но уже в другое ухо. Раздался удар гонга, и Рокки, самодовольно улыбаясь, отправился в свой угол.

Мистер Гензель, склонившись над Джоуи и вытирая ему лицо мокрым полотенцем, шептал:

— Послушай, Джоуи, он начинает на тебя давить. Скажи ему чтобы перестал. Если он не перестанет на тебя давить, дело может кончиться скверно.

— Да ладно, — отмахнулся Джоуи. — Ничего страшного. Это все работа на публику. На дружков. Добавляет перца. Делает бой интересным. Так что волноваться нечего, мистер Гензель.

— Прошу тебя, скажи ему, чтобы он перестал на тебя давить, — умоляюще прошептал мистер Гензель. — Хотя бы ради меня. Ему полагается выстоять против нас десять раундов, а нам, в свою очередь, полагается победить. Мы не можем позволить себе проиграть бой Рокки Пиджену, Джоуи.

В пятом раунде филладельфиец продолжал атаковать, резко работая обеими руками, легко передвигаясь и гоняя Джоуи туда-сюда по рингу. Его земляки вскочили со своих мест и громко ревели, демонстрируя поддержку своему любимцу. Джоуи прекрасно держался, отступая или принимая удары на перчатки. Сам он бил только по касательной, лишь время от времени нанося резкий удар в грудь противника. В тот момент, когда Джоуи оказался прижат к канатам в углу ринга, Рокки, с громким выдохом нанес ему свинг справа под ребра.

На сей раз, Джоуи почувствовал удар. Войдя в клинч, он очень вежливо прошептал:

— Эй, Рокки, перестань на меня давить.

— О... — протянул Рокки, словно только что вспомнил о соглашении. Филладельфиец чуть отступил, после чего они еще секунд тридцать легонько фехтовали кулаками. Со стороны всем казалось, что Джоуи все еще прижат к канатам.

— Давай, Рокки! — проревел знакомый голос. — Кончай его! Он уже почти готов! Жми, Рокки!

В глазах Рокки сверкнула молния, и он резко ударил Джоуи в голову. В тот же момент послышался удар гонга. Джоуи на несколько мгновений задержался. Он стоял, прижавшись спиной к канатам, и наблюдал за тем, как Рокки под яростные аплодисменты публики легким шагом направляется в свой угол. Джоуи оттолкнулся от канатов, подошел к своему табурету и сел.

— Ну и как идут дела? — спросил он у мистера Гензеля.

— Этот раунд ты проиграл, — торопливо и нервно произнес мистер Гензель. — Ради всего святого, Джоуи, скажи ему, чтобы он перестал давить. Если ты проиграешь Рокки Пиджену, то тебе до конца жизни позволят выступать лишь за команду Еврейского сиротского приюта. Почему ты не сказал ему, чтобы он перестал давить?

— Да говорил я! — выпалил Джоуи. — Он просто завелся. Его приятели все время орут, какой Рокки великий, а он в это сдуру поверил. Если этот придурок еще раз ударит меня по уху, то после боя я вытащу его в темный проулок и измолочу так, что с него свалятся брюки.

— Скажи ему, чтобы он работал полегче, — тревожным тоном произнес мистер Гензель. — Напомни ему, что мы держим его до десятого раунда. Просто напомни.

— Ну и тупица же этот Рокки, — сказал Джоуи. — Его еще и приходится уговаривать. Как будто у меня и без этого дел мало.

Раздался удар гонга, и бойцы быстро вышли навстречу друг другу. В глазах Рокки все еще пылало пламя битвы, и он сходу принялся наносить боковые удары. Джоуи вошел в клинч и, крепко прихватив руки противника, сказал со всей серьезностью:

— Послушай, Рокки. Что хватит, то хватит. Брось корчить из себя героя. Все уже убедились, что ты классный боец. Очень хорошо. Давай на этом остановимся. Перестань давить на меня, Рокки. Ты что, свихнулся? В дело вложены хорошие деньги. Ты хоть понимаешь, о чем я толкую? Отвечай!

— Понимаю, — прохрипел Рокки, — я просто хочу устроить интересное шоу. Ты ведь тоже хочешь участвовать в хорошем шоу. Разве нет?

— Хоч, — буркнул Джоуи, и рефери развел их в стороны.

После этого они пару минут танцевали друг против друга, но перед самым концом раунда Рокки нанес ему сильнейший апперкот, от которого из носа Джоуи во все стороны брызнула кровь. После удара гонга Рокки повернулся лицом к публике и, вскинув руки в перчатках, послал радостный привет своим почитателям. Джоуи посмотрел ему в спину и сплюнул кровью.

К нему подбежал мистер Гензель и потащил за собой в угол.

— Джоуи, почему ты не скажешь ему, чтобы он перестал на тебя давить? Почему ты меня не слушаешь?

— Я ему говорил, — огорченно произнес Джоуи. — Посмотрите, у меня разбит нос. Приехать в Филадельфию для того, чтобы тебе разбили нос... Ну и мерзавец же этот ваш Рокки.

— Сделай так, чтобы он прекратил безобразничать, — говорил мистер Гензель, обрабатывая нос Джоуи. — С этого момента ты должен начать выигрывать. Ты больше не смеешь ошибаться.

— Надо же... — бормотал Джоуи, — прибыть в «Звездный парк» города Филадельфии лишь для того, чтобы какой-то Рокки Пиджен изувечил тебе нос. Святой Иисус!

— Ты слышишь меня, Джоуи? — кудахтал мистер Гензель. — Понял, что я требую? Скажи ему, чтобы он...

Ударил гонг, и они двинулись друг на друга. Толпа взревела так, словно начала сразу с того места, на котором её застал перерыв. Громкий, перекрывающий шум публики голос причитал непрерывно: «Дави его, Рокки! Рокки, дави!».

Джоуи вошел в клинч и хрипло прошипел:

— Слушай меня внимательно, идиот. Я прошу тебя на меня не давить. Если не прекратишь, то после боя я выведу тебя на улицу и вышибу тебе все зубы. Предупреждаю.

Для того чтобы его слова выглядели более убедительно, он сопроводил их легкой серией точных ударов по ушам Рокки.

Целую минуту Рокки держался на почтительной дистанции, и Джоуи стал быстро набирать очки. Но по прошествии минуты добрая половина публики вдруг начала дружно распевать: «Рокки, о Рокки! Рокки, о Рокки!» Вдохновленный этим призывом, Рокки глубоко вздохнул и нанес боковой правой. Удар пришелся точнехонько в уже пострадавший нос, и из него снова брызнула кровь. Джоуи потряс головой, чтобы стряхнуть капли и, шагнув навстречу яростно атакующему Рокки, хладнокровно встретил его хуком слева. Со стороны могло показаться, что развернулась туго скрученная пружина. За хуком левой последовал кросс правой, после которого глаза филадельфийца остекленели. На лице Джоуи промелькнула удовлетворенная улыбка. Промелькнула и тут же исчезла. Публика взорвалась ревом, и Джоуи судорожно сглотнув слюну, бросил взгляд в свой угол. Мистер Гензель повернулся спиной к рингу и спрятал лицо в ладонях. Переведя взгляд в противоположный угол, он увидел, как МакЭлмон подпрыгивает, нанося удары по своей шляпе и выкрикивая:

— Рокки! Поднимайся! Понимайся, сукин ты сын, или я нашпигую тебя свинцом! Ты меня слышишь, Рокки?

За спиной МакЭлмона Пайк и Петраскис, поднявшись со своих мест, взирали на Джоуи с дружескими улыбками. И мистер Пайк, и мистер Петраскис почему-то держали правую руку за бортом пиджака.

— Рокки, — хрипло прошептал Джоуи, когда рефери довел счет до пяти. — Мой старый, добрый Рокки. Вставай! Ради всего святого! Прошу тебя, поднимайся. Пожалуйста... — Он вспомнил о тысяче долларов, и по его щекам потекли слезы. — Рокки, — рыдал он, стоя на полусогнутых ногах в своем углу ринга, когда судья досчитал до семи. — Вставай же, ради Бога!

Рокки перевернулся и привстал на одно колено.

Джоуи, чтобы избавиться себя от дальнейших страданий, зажмурился. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Рокки, пошатываясь из стороны в сторону, стоит в центре ринга. С губ Джоуи сорвалась благодарственная молитва и он, театрально размахивая кулаками, бросился к противнику. Подбежав к Рокки, он сразу же что есть силы охватил шею филадельфийца, но тот несмотря на это, начал снова опускаться на брезент ринга. Джоуи запу-

стил обе руки ему под мышки и принялся дергаться, делая вид, что изо всех сил старается освободить свои конечности.

— Держись, Рокки, — хрипло шептал он, поддерживая обмякшее тело. — Попробуй напрячь колени. Ты в порядке? Эй, Рокки, ты в порядке? Отвечай! Прошу тебя, Рокки, скажи хоть что-нибудь.

Но Рокки так ничего и не сказал. Вместо этого он, с замутненным взором и болтающимися чуть ли не до колен руками, всем телом припал к Джоуи. А Джоуи, тем временем, двигал локтями, делая вид, что ведет бой.

После того, как прозвенел гонг, Джоуи поддерживал Рокки до тех пор, пока на ринг не взобрался МакЭлмон и не уволок своего бойца в угол. Рефери внимательно посмотрел на Джоуи и сказал:

— Весьма занимательный бой, сэр. Да, весьма...

— Очень интересный, — согласился Джоуи, опускаясь на табурет. — Эй, мистер Гензель! — позвал он.

Мистер Гензель впервые, если считать со середины раунда, обратил лицо в сторону ринга. Тяжело, как старик, он поднялся по ступеням и принялся машинально обрабатывать своего боксера.

— Скажи мне, — произнес он ровным, лишенным всяких эмоций голосом, — о чем ты думаешь?

— Ну и тип, этот ваш Рокки, — утомленно процедил Джоуи. — У него мозгов не больше, чем у кобылы мороженщика. Всё давил на меня и давил. У меня из носа вытекло не меньше кварты крови. Я должен был проучить его, заставить хоть немного меня уважать.

— Да, — сказал мистер Гензель, — это было замечательно. Еще чуть-чуть и нас похоронят здесь в Филадельфии.

— Да не бил я его сильно! — запротестовал Джоуи. — Удар был так себе — средний. Просто у него челюсть, как у кинозвезды. С такой челюстью ему в наше дело лучше бы вообще не соваться. Парню следует обслуживать покупателей за прилавком. В молочной лавке. Масло и яйца.

— Пожалуйста, окажи мне услугу, — сказал мистер Гензель. — Подержи его еще три раунда. Обращайся с ним осторожно. А я, пожалуй, пойду посижу в раздевалке.

Мистер Гензель удалился, предоставив Джоуи возможность возить кулаками по локтям Рокки.

Пятнадцать минут спустя он вошел в раздевалку и устало присел на массажный стол.

— Ну и как? — поинтересовался, не поднимая головы, мистер Гензель.

— Мы выиграли бой, — хрипло произнес Джоуи. — Мне пришлось тащить его на руках как младенца целых девять минут. Осторожно, как вось-

мимесячную девочку. Тот еще Рокки. Я ткнул его всего лишь раз — да и то слегка, — а он отпал на три года. Так надрывать, как сегодня, мне в жизни не доводилось. Даже тогда, когда я разливал жидкую резину в городе Акрон, штат Огайо.

— Кто-нибудь догадался? — спросил мистер Гензель.

— Мы, славу Богу, в Филадельфии, — ответил Джоуи. — Они здесь еще не сообразили, что война кончилась. Они все еще стоят там и вопят: «Рокки! Мы с тобой, Рокки!». Они верят, что их Рокки — парень крутой и бился отчаянно. Боже мой! Каждые десять секунд мне приходилось пинать его в колено, чтобы он держался прямо и не валился на ринг!

— Но зато мы заработали кучу денег, — вздохнул мистер Гензель.

— Это верно, — согласился Джоуи без всякого восторга.

— Приглашаю тебя на ужин за доллар пятьдесят, Джоуи.

— Неаа... — протянул Джоуи, растягиваясь на массажном столе. — Я, пожалуй, останусь и отдохну. Буду валяться здесь долго-долго.

*Иронический
взгляд*

Мария РОМАНУШКО

**РОДИЛСЯ — ТАК УЖ БУДЬ
ЧЕЛОВЕКОМ**

стихи-коротышки

покуда длится жизнь —
ты за неё держись!

Хорошо бы жить на крыше!
А со временем — и выше...

разлука без звука

это, может, несерьёзно —
по ночам гулять по звёздам?..

очевидные вещи
простые и вещие
лежат на поверхности

пессимист — он очевиден
пессимизм — он разнообразен
только этот пессимизм
разрушает организм

научиться радости —
труд огромной тяжести...

выживание смысла
из жизни, что раскисла

во мне смеётся оптимист
во мне горюет пессимист
а кто же я на самом деле?
кто проживает в этом теле?

тетерева токуют
поэты рифмуют
наверное, есть в этом какой-то смысл?

на голове — химия
в душе — алхимия

стишки-коротышки
без дна и крышки

«Сейчас как возьму тебя под уздцы!»
Вечная проблема:
дети и отцы.

бродят по городу
сдобные тёлки
бродят по-видимому
не без толку

РЕЦЕПТ

Если в середине лета
ночью взять и съесть котлету
и конфет большой мешок —
то напишется стихок.

Всё начиналось с такой чепухи!..
А оказались — стихи.

один человек убеждённо сказал:
— счастье невозможно в принципе!
а другой робко возразить пытается:
— в принципе невозможно,
а в жизни — случается...

самое страшное безобразие —
однообразие
хотя бывает кое-что и похуже

— что ты хочешь на 50 лет?
— велосипед!
— а на 100 лет?
— ещё подумаю...

люблю, когда смешно
ведь это не грешно?

можно жить бедно
но не вредно

коль не тужить —
то можно жить

Как хорошо быть простаком —
лететь по жизни кувырком!

дева
в обнимку с деревом

милая Мила
жизни вкусила

для кого-то большое огорчение
что нельзя от жизни сходить в отпуск
или уволиться на какое-то время

душа пела
но плакало тело

не цветы
на пути

сначала — прикольно
потом — больно

родился —
так уж будь человеком!

не стоит
из всего делать трагедию
Шекспира-то всё равно не переплюнешь

может ли
вельможа
иметь другую рожу?

физиономия кубическая
масса критическая

красивым лошадкам
живётся несладко

ему 37
приятен всем
но страшно одинок
как носорог

кто-то жил долго
а кто-то — счастливо
каждому — своё

— послушай, отчего ты так много шутишь?
— из-за трагического мироощущения,
разве не понятно?

попробуй сказать прохожему
«я тебя люблю»,
увидишь, что из этого получится

кто-то без конца решает проблемы
а кто-то просто живёт
и проблемы решаются сами собой

когда ты любишь человека,
не делай из него калеку!

подавали на обед — бред
а на ужин — суету сует...

кто-то любит славу
кто-то любит сливы
вкусы-то у всех разные!

Яблоко в рае
созрело на ветке...
Лучше не надо
срывать его, детки!

Кира КРАСНОВА

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

из «Толкового словаря Киры К.»

Мужчина во всём превосходит женщину. Если она его правильно выбрала.

*

Женщина, как глина. В невестах податлива, хоть лепи. В жёнах тверда, хоть разбей.

*

Холостяк — мужчина, у которого нет места для женщины.

*

Женоненавистник — несостоявшийся любовник, затаивший обиду на всех женщин.

*

Бабник — жертва собственного обаяния.

*

Сердцеед — людоед-гурман.

*

Женская логика — всё, что мужчина не в состоянии понять.

*

То, что сплетницы только женщины, придумали сплетники-мужчины.

*

Сплетни — женское дело. Мужское — конфиденциальная информация.

*

Брюки — женская одежда как признак надвигающегося матриархата.

*

Мужчина — венец творения, явно съехавший набекрень.

*

Мужество — главное мужское качество, приватизированное женщинами.

*

Кокетство — женское свойство, с блеском освоенное мужчинами.

*

Комплимент — неприкрытая ложь или голая правда.

*

Борода — мужской макияж.

*

Лысина — шевелюра, побитая временем.

*

Рога. Странно, что рогатыми бывают только мужчины.

*

Симпатия — преддверие дружбы.

*

Свидание — встреча, на которую принято опаздывать.

*

Поцелуй — первая проба любви.

*

Любовь — растворение в нежности.

*

Только познав любовь, можно со светлой радостью любоваться чужим счастьем.

*

Чувственность — эмоциональная готовность.

*

Страсть — иступлённая трага души.

*

Удовольствие — нежный массаж сердца.

*

Восторг — взлёт на крыльях эмоций.

*

Секс — любовная игра, доведённая до апогея.

*

Брак — уступка общественному мнению.

*

Свадьба — договор на всю жизнь, легко прерываемый разводом.

*

Развод — путь из тупика.

*

Роман — бурные перипетии, сопровождающие сближение. Дальше уже повесть.

*

Семья — копилка традиций.

*

Традиции — правила, перерастающие в привычку.

*

Домашний очаг — место, где можно отогреться от житейских бурь.

*

Хорошая жена — тихая гавань после свободного плавания.

*

Привязанность — добровольный плен.

*

Ошибка в замужестве не так пугает, если есть возможность развода.

*

Поздний брак — дань уходящим возможностям.

*

Брак в идеале — жизнь одним организмом.

*

Верность — желание быть рядом.

*

За женщиной стоит ухаживать и после брака. Иначе это будет делать другой.

*

Лёгкие отношения после замужества заканчиваются.

*

Ссора — борьба за лидерство.

*

Эмансипация — распад человечества на две равноправные части для проведения дальнейших разборок.

*

Дети — беспомощные существа, брошенные на произвол родителей.

*

Родители — должность без уточнённых функций.

*

Ребёнок — плод любви или беспечности.

*

Отец — соавтор матери, участие которого спорно.

*

Воспитание — то, что родители и учителя перекладывают друг на друга.

*

Образование — стрижка цветника под газон.

*

Искушение. Знаешь, что нельзя, а хочется.

*

Характер жены проявляется в статусе мужа.

*

Страх — испытанное средство от искушения.

*

Ревность — любовь собственника.

*

Отчаяние — дитя рухнувшей надежды.

*

Слёзы — влага, смягчающая горе.

*

Жилетка — лучшееместилище для слёз.

*

Алименты — самое малое, что может уделить отец своему ребёнку.

*

Терпение — способность переждать, не теряя себя.

*

Чувство юмора — умение ощущать комизм положения, даже если не до смеха.

*

Невзгоды рождают надежду.

*

Случайность — Судьба, залетевшая в гости.

*

Удача — встреча мечты с реальностью.

*

Золотая рыбка — счастливый шанс в море повседневности.

Подписано в печать 00.00.00. Формат 60×90¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 10.0.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 0000.
МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ
125009, г. Москва, Б. Дмитровка, д. 5/6, стр. 8

